«Данте оказал огромное влияние на культуру, религию, историю и искусство»
ДЭН БРАУН

ДАНТЕ

ЖИЗНЬ

«Оставь надежду всяк сюда входящий»

«Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно»

ИНФЕРНО
ЧИСТИЛИЩЕ. РАЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография Данте Алигьери привлекла к себе особое внимание именно сейчас, после выхода скандальной книги Дэна Брауна «Инферно». Существует ли среди поэтов и философов личность более удивительная и загадочная, чем Данте Алигьери? Его гениальная «Божественная Комедия», вобравшая в себя тайны поэтики и геометрии, философии и космогонии, вот уже семьсот лет не дает покоя исследователям. Расшифровать спрятанные в ней символы и аллегории пытаются философы, математики, лингвисты, историки и просто любители тайн. Кто такая Беатриче — женщина или символ? Как Данте связан с тамплиерами и еретиками? Что за загадочные вопросы задают ему грешники в Аду? Что вообще такое «Божественная Комедия», и для чего, а главное для кого Данте зашифровал в ней столько загадок? Задайте правильный вопрос, и может быть именно вам великий флорентиец откроет свои тайны.

- Екатерина Мешаненкова
  - Вступление
  - Основные даты в жизни Данте
  - Юность
  - Беатриче
  - Политика
  - Скитания. «Пир»
  - «О народном красноречии»
  - «Монархия»
  - Последние годы
  - «Ад»
  - «Чистилище»
  - «Рай»
  - Источники и литература

Екатерина Мешаненкова
Данте. Жизнь: Инферно. Чистлище. Рай

Вступление

Существует ли среди поэтов и философов личность более удивительная и загадочная, чем Данте Алигьери?

Но загадочность его не такая, как, например, у Шекспира, вопросы и предположения вызывает не личность Данте — о его жизни как раз известно достаточно много, — а творчество. Ко времени создания величайшего труда своей жизни Данте был уже известен как поэт и философ, его произведения ценились знатоками поэзии и литературы, но все-таки он был всего лишь одним из многих талантливых писателей, которыми всегда славилась Италия.

А потом — прорыв. Гром с неба, эффект разорвавшейся бомбы — любой эпитет будет слишком бледным, чтобы достойно описать, какое впечатление произвело на читателей его последнее произведение.

Поэма «Комедия», едва закончив которую он скончался, не зря всего через несколько лет уже была переименована в «Божественную Комедию» и под таким именем навсегда осталась в истории. Ни в Средневековье, ни в эпоху Возрождения, ни в более поздние времена никто больше не сумел создать произведения, равного ей по грандиозности, выразительности и степени влияния на умы. Даже те, кто никогда не читал Данте, слышали про круги его Ада и знают, что самый глубокий из них предназначен для предателей.

«Божественную Комедию» невозможно забыть. Описание Ада пробирает до дрожи даже самых толстокожих людей. А достоверность ее такова, что даже скептически настроенный современный человек при прочтении начинает верить, что Данте на самом деле там был и видел все описываемое им собственными глазами.

Но загадка «Божественной Комедии» все же не в этом. Она скрыта под увлекательным повествованием и гениальными стихами, поэтому известна в основном специалистам — историкам, литературоведам, философам. Обычный читатель видит только стихи и сюжет, но в них зашифровано такое количество символов и аллегорий, что у специалистов голова идет кругом.

Каждый персонаж, каждая фраза «Божественной Комедии» имеют двойное, а то и тройное значение. Часть их расшифровывается довольно «легко» — достаточно лишь хорошо знать историю, теологию, философию, мифологию, а главное — жизнь и воззрения самого Данте. Но о большинстве идей и

символов, спрятанных за рифмованными строфами, остается только догадываться и спорить, чем исследователи творчества Данте и занимаются вот уже почти семьсот лет.

Кто такая Беатриче — женщина или символ? Как Данте связан с тамплиерами и еретиками? Что за загадочные вопросы задают ему грешники в Аду? Что вообще такое «Божественная Комедия», для чего, а главное, для кого Данте зашифровал в ней столько загадок?

Задайте правильный вопрос, и, может быть, именно вам великий флорентиец откроет свои тайны.

Основные даты в жизни Данте

1265, вторая половина мая — Рождение Данте.

1277, 9 февраля — Обручение Данте с Джеммой Донати.

Ок. 1283 — Умирает отец Данте.

1285–1287 — Учится в Болонском университете.

1289, 11 июня — Участвует в сражении на Кампальдино, закончившемся победой флорентийцев.

1289, август — Участвует в осаде замка Капрону близ Пизы.

1290, 8 июня — Смерть Беатриче Портинари, возлюбленной Данте.

1291 — Написана «Новая Жизнь».

1291–1292 — Женитьба на Джемме Донати.

1294, март — Данте в составе почетного рыцарского эскорта флорентийцев сопровождает от Сьены до Флоренции номинального короля Венгрии Карла Мартелла.

1 ноября 1295 — 30 апреля 1296 — Заседает в Особом совещании при Капитане народа. Избирается одним из старейшин своей части города.

1296, май — сентябрь — Входит в Совет ста, ведающий финансовыми делами Флорентийской республики.

1297 — Член совета подеста.

90-е годы — Рождение сыновей Якопо и Пьетро, дочери Антонии.

1300, 15 июня — 15 августа — Избран одним из семи приоров Флоренции.

1301, июль — Направляется послом от белых гвельфов в Рим, к папе Бонифацию VIII.

1301, декабрь — Тайно возвращается во Флоренцию, находящуюся с ноября во власти черных гвельфов.

1302, начало января — Навсегда покидает Флоренцию.

1302, 27 января — Обнародован обвинительный акт против Данте.

1302, январь — осень — Данте живет в горных замках графов Гвиди.

1302, 10 марта — Новое решение суда черных гвельфов: если Данте вернется во Флоренцию, «то пусть его жгут огнем, пока не умрет».

1302, 8 июня — В Сан Годенцо вместе с 16 другими представителями белых подписывает договор о помощи между изгнанными из Флоренции белыми гвельфами и феодальной семьей Убальдини. Участвует в гражданской войне.

1303 — Уезжает из Тосканы для переговоров с гибеллинским

правителем Вероны Бартоломео делла Скала о помощи белым гвельфам.

1303–1304 — Живет в Вероне, пишет трактаты «Пир» и «О народном красноречии».

1305–1306 — Странствует по городам и замкам северной Италии.

1306, лето — 1308 — Живет в Луниджане в замках маркизов Маласпина.

1308, 6 октября — По уполномочию семейства Маласпина заключает мирный договор с епископом и графом Луни Антонием Камулла.

1308 — Продолжает работать над «Народным красноречием», создает цикл стихов о Каменной Даме.

1308–1310 — Живет в Париже, преподает, слушает лекции в Сорбонне.

1310, 23 октября — Начало итальянского похода Генриха VII.

1311, январь — Данте приезжает в Милан на коронационные торжества. Обращается с посланием «К правителям и народам Италии».

1311, 31 марта — Пишет гневное послание соотечественникам.

1311, апрель — Посещает в Пизе дом флорентийского изгнанника Петрарки, где его видит семилетний Франческо Петрарка.

1311, 18 апреля — Призывает Генриха VII направиться в Тоскану.

1311, апрель — май — Составляет три письма императрице Маргарите от имени графини Баттифолле.

1312 — Заканчивает политический трактат «Монархия».

1313, 24 августа — Внезапная кончина Генриха VII в местечке Буонконвенто.

1313, сентябрь — Данте уединяется в горном монастыре бенедиктинцев Санта Кроче а Фонте Авелано, где пишет первую часть «Комедии».

1314, июнь — Обращается с письмом к итальянским кардиналам.

1314, октябрь — ноябрь — Покидает монастырь.

1315 — Живет в Лукке, заканчивает «Ад». Отказывается от возвращения на родину на условиях декрета об амнистии изгнанникам.

1316–1317 — Живет в Вероне у Кан Гранде делла Скала; пишет «Чистилище».

1317 — Появление полных рукописных списков «Ада».

1318 — Поселяется в Равенне, в доме, подаренном

правителем города Гвидо да Полента. Дописывает последние песни «Чистилища».

1319–1321 — Работает над последней частью «Комедии» — «Раем»; обменивается стихотворными посланиями на латинском языке с болонским профессором Джованни дель Вирджилио.

1321, лето — Данте отправляется в Венецию послом Гвидо да Полента для предотвращения войны между Светлейшей республикой и Равенной.

1321, осень — После возвращения заболевает лихорадкой.

14 сентября — Данте скончался.

Юность

На полпути земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий.
Он высился, столь грозный и могучий,
Что описать его не в силах я
И при одном о нем воспоминанье
Я чувствую душою содроганье.
Ужаснее лишь смерть бывает нам;
Но, ради благ, найденных мною там, —
Скажу про все, увиденное мною.
Не знаю сам, как сбивчивой тропою
Я в этот лес таинственный вступил:
Глубоким сном я вдруг охвачен был.
Когда же я приблизился к холму,
Служившему границей той долине,
Где я блуждал в тревоге и кручине, —
Увидел я, как, разгоняя тьму,
Луч солнечный забрезжил на вершине,
И легче стало сердцу моему…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Во второй половине мая 1265 года во Флоренции у гвельфа Алигьеро Алигьери и его супруги госпожи Беллы родился сын Данте, которому суждено было стать величайшим поэтом Италии.

Семья Алигьери, по преданию, происходила от римского рода Элизеев, участвовавших в основании Флоренции. В середине XII века прапрадед Данте, Каччагвида, сопровождал императора Конрада III в походы на сарацин и был посвящен им в рыцари. Данте искренне восхищался прапрадедом и в шестнадцатой песне «Рая» даже назвал Каччагвиду, павшего в битве с мусульманами, «отцом», при этом ни разу не упомянув имени своего собственного отца Алигьеро д'Алигьери.

Сама их фамилия — Алигьери — пошла с того же Каччагвиды, который был женат на даме из знатной ломбардской семьи Альдигьери да Фонтана. Во Флоренции «Альдигьери» превратилось в «Аллигьери», а затем и в «Алигьери». Это имя стало фамильным — им назван был один из сыновей Каччагвиды, сыном которого был дед Данте Беллинчоне, а внуком — отец

Данте, Алигьеро.

Великий поэт многое унаследовал от своих предков — он был не менее воинственен, чем его прапрадед, а политической страстностью и непримиримостью пошел в деда Беллинчоне, фанатичного гвельфа, не раз изгоняемого из Флоренции, но потом вновь возвращавшегося, чтобы продолжить борьбу за то, во что он верил. Беллинчоне досконально знал «трудное искусство возвращаться во Флоренцию», которое его великому внуку изучить так и не удалось. Даже дома Данте, когда-то находившегося в юго-восточной части города Сан Пьер Маджоре, в приходе Сан Мартино дель Весково, больше не существует, потому что по флорентийскому обычаю он был разрушен после его изгнания. Небольшая башня в четыре этажа и несколько двухэтажных домов, связанных между собой навесами и балконами, которые показывают туристам как «дом Данте» — всего лишь реконструкция XIX века.

Чтобы понять, в чем причина подобной непримиримости, необходимо сделать небольшой экскурс в историю Флоренции. Основан этот прекрасный город, и поныне являющийся жемчужиной Италии, еще древними римлянами. Удобное географическое положение и крепкие стены помогли ему быстро стать значимым торговым городом. А когда после крестовых походов оживились торговые связи между Европой и Азией, флорентийские купцы и ремесленники сумели использовать преимущества своего выгодного расположения и превратить Флоренцию в богатое и могущественное государство. К тому же река Арно, на которой стоял город, была в те времена достаточно полноводной и глубокой, чтобы корабли флорентийцев могли спускаться по реке к самому морю.

> На единственном мосту через Арно, широком и крепком, предназначенном для тяжелой поступи легионов, в незапамятные времена появилась грубо высеченная конная статуя с мечом в руках. Средневековые горожане называли ее Марсом, по имени языческого бога войны и планеты, под знаком которой возник город. В эпоху варварских нашествий отряды Тотилы разрушили Флоренцию и всадника сбросили в реку. При Карле Великом, когда город начал заново отстраиваться, каменного стража Старого моста вытащили из воды. Не только суеверные простолюдины, но и образованные флорентийцы, как Данте и его наставник Брунетто Латини, верили в дурное влияние первого языческого патрона города. Братоубийственные

побоища в стенах Флоренции объясняли влиянием Марса. Это она, красная планета, возбуждала гражданские распри и войны, вызывала бури и мятежи. Ее кровавым цветом окрасился даже герб республики: белая лилия стала алой.

Характернейшей особенностью пейзажа средневековой Флоренции было великое множество башен разной вышины и размеров, обрамленных зубцами, с узкими щелями бойниц. Их островерхие макушки видны были путникам задолго до того, как они приближались к городским стенам. Если в античные времена над укреплениями высились всего четыре сторожевые башни, по одной в каждой четверти города, то в годы жизни Данте число их превышало полторы сотни. Башни росли над домами и кварталами, где жили феодалы, добровольно обосновавшиеся в городе или же переселенные в него силой. Воздвигались башни и объединениями горожан-пополанов для защиты от внутренних врагов. Когда в XIII веке горожане вошли в силу, они разрушили надменно устремившиеся в небо высотные постройки феодалов. Снесенные верхушки у башен грандов знаменовали победу коммуны внутри города, так же как срытые замки во флорентийской округе свидетельствовали о торжестве города-государства Флоренции над феодалами своего контадо.

В XII и XIII веках флорентийцы приступили к строительству мостов, чтобы соединить старый город с противоположным южным берегом реки, где возникли новые поселения, главным образом бедного люда. Самое восточное предместье за Арно долгое время оставалось поселком лачуг и трущоб. В XIII веке там выстроили свои монастыри недавно учрежденные ордена нищенствующих монахов: францисканцев и доминиканцев.

Флоренция стремительно росла, богатела и, конечно, привлекала все больше людей. Вскоре старые римские стены стали для нее слишком тесными, и в 1172 году пришлось обнести город второй стеной, защитившей еще и пригороды на западе и на востоке. Теперь путь к Флоренции с одной стороны преграждала вода — выше Старого моста в Арно вливалась небольшая речка Муньоне, один из рукавов которой подходил к старой стене, а с остальных сторон подступы к новым стенам оберегали глубокие рвы. Но скоро и в этих границах городу тоже

стало тесно: в начале XIII века население Флоренции составляло десять тысяч жителей, а к середине XIV века — уже не менее девяноста. Во всей Европе только три города превосходили ее по размеру: Кордова, Палермо и Париж. Неудивительно, что руководство города решило построить третий пояс стен.

Как повсюду в Европе, крепнущие тосканские города медленно и упорно отвоевывали у епископов права на самоуправление. Они привлекали к себе поселенцев тем, что давали свободу от феодального угнетения крестьянам, бродягам, странствующим купцам и прочему неприкаянному люду.

В XII веке не Флоренция, а Лукка была столицей обширного Тосканского графства. Его владелица, бездетная маркграфиня Матильда, завещала свой феод папе. Но римские первосвященники оказались не в состоянии реализовать права, полученные по завещанию, и одолеть нараставшие центробежные силы богатевших городов и вассальных феодалов. Образовавшиеся на территории Тосканы города-государства, республики и тирании, медленно поглощали окружающие их феодальные владения и создавали собственные правительства. Лукка, Сьена, Пиза уже в XII веке имели вполне выраженное самоуправление, Флоренция — только в XIII.

Недолго продолжалась во Флоренции власть всенародного вече, которое созывалось звуками колокола на площадь и решало важнейшие дела города. Выделившаяся из самых богатых горожан верхушка — патрициат — постепенно забрала бразды правления в свои руки. Власть перешла к консулам и к Совету ста, составленному из «лучших людей» города. В это время бывшие вассалы маркграфини Матильды, почувствовав независимость и безнаказанность, разбойничали на больших дорогах и нападали на торговые караваны. Среди них были семьи, которые в недалеком будущем сыграют очень большую роль в истории города, как, например, графы Гвиди, графы Альберти, Буондельмонти, Уберти, Фрескобальди, Донати, делла Белла. Флоренция, воюя с ними, смирила гордых феодалов и заставила их переехать в город, где они должны были жить по крайней мере четыре месяца в году. Те же, кто не подчинился коммуне, жестоко расплачивались за свою строптивость: Флоренция

разрушала их замки, а земли конфисковывала и присоединяла к своим владениям. Не удалось справиться только с мощными феодалами, гнездившимися в горных долинах Апеннин.

Таким образом, в течение нескольких десятилетий город завладел всем Флорентийским графством, которое стало территорией Флорентийской республики. Флоренция подчинила своей власти или своему влиянию также небольшие соседние городки Фьезоле и Сан Джеминьяно, и даже Пистойю, сохранившую, впрочем, некоторую независимость.

Желая ослабить феодалов своего контадо, а также обеспечить потребности растущей промышленности в дешевой рабочей силе, а население города в продовольствии, коммуна приступила к освобождению крестьян на территории республики. В постоянном притоке рабочих нуждалось прежде всего флорентийское сукноделие. Берега Арно и ее притоков покрылись мастерскими по переработке шерсти. Флорентийские сукна, сперва неокрашенные, затем окрашенные, самой тонкой выделки, наводнили рынки Италии и Европы. Ловкие купцы немало наживались и на торговле изделиями искусных флорентийских ювелиров, оружейников, ткачей. Но не только своей торговлей и ремеслами богатела Флоренция.

Флорентийцы прославились по всей Европе как банкиры, заимодавцы, ростовщики. Их можно было встретить у подножия трона святого отца, папы, во Фландрии, в Испании и на Британских островах. Папа Бонифаций VIII как-то весьма ядовито заметил о вездесущих флорентийцах, всюду проникающих и всюду торгующих, оказывающих влияние на королей и сильных мира сего, что не четыре, а пять элементов существует на свете: вода, земля, воздух, огонь и флорентийцы.

Первоначальное финансовое благополучие флорентийцев родилось из торговли, но богатство, ставшее в XIII веке предметом неутолимой зависти соседей, было создано другим, менее почетным способом. Бонифаций VIII не зря отзывался о них с такой неприязнью — флорентийцы считались безжалостными ростовщиками. Они кредитовали феодалов и епископов, охотно давали столько, сколько у них просили, под залог недвижимости или драгоценностей и никогда не возмущались, если должник не мог вернуть деньги в срок. Долговое обязательство можно было с

легкостью продлить еще на несколько месяцев — за огромные проценты, разумеется. Ну а когда становилось ясно, что должнику точно не удастся расплатиться, флорентийские ростовщики забирали залог, увеличивая этим собственное благосостояние.

Впрочем, в самой Флоренции далеко не все относились к такому способу обогащения с уважением. Данте, например, ненавидел его от всей души и в своей великой поэме сделал его одним из самых ужасных и наиболее строго наказуемых пороков. А самых могущественных флорентийских магнатов-ростовщиков изобразил в семнадцатой песне «Ада» в образе шелудивых, покрытых грязной коростой тварей. А чтобы ни у кого не было сомнений в том, кто это, он обозначил каждого фамильным гербом: лазоревый лев на желтом поле указывал на принадлежность к роду Джанфилиаццы, а белый гусь на красном поле — к семье банкиров Убриакки.

Я подошел к толпе людей сидящей.
Страдания светились в их очах,
И, от жары спасаяся палящей,
Они лицо старались защищать.
Так точно псы, когда среди засухи
Со всех сторон их облепляют мухи,
Пытаются их лапой отгонять.
Я заглянул в их лица, но не встретил
Ни одного знакомого лица,
Зато на шее каждого заметил
Я кошелек, которым без конца
Восторженно их взоры любовались.
И меж собой по виду различались
Те кошельки. Один лазурным львом
Украшен был, на кошельке другом
Увидел я изображенье гуся,
Что белизной был сходен с молоком.
Исчислить всех там бывших не берусь.
Один из них — кошель его гербом
Украшен был свиньею голубою —
Вскричал, меня увидев пред собою:
— «Прочь, дерзкий, прочь из ямы роковой!
Что делаешь среди чужого стана?
Я вижу, ты не мертвый, но живой,
Так уступи же место Витальяно —
Здесь одесную сядет он со мной.
Явился я из Падуи родной,
Но и в Аду не нахожу покоя

От жителей Флоренции себе.
Они кричат: «Имеющий в гербе
Три клюва злых, ты, образец героя,
Яви у нас твой величавый лик!»
И, молвив так, он высунул язык,
Как делает, облизываясь, бык.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

В середине XIII века, когда родился Данте, Флоренция активно участвовала в раздиравшей большинство итальянских государств борьбе гвельфов и гибеллинов. О происхождении этих политических группировок и начале их распри есть немало легенд и даже анекдотов. Длилось их противостояние несколько веков, но по сути все сводилось к борьбе между папой и императорами Священной Римской империи, пытавшимися поделить господство на Апеннинском полуострове. Гвельфы выступали за ограничение власти императора и усиление влияния папы, свое прозвище они получили от Вельфов, герцогов Баварии и Саксонии. Сторонники императора, гибеллины, именовались по латинизированному названию одного из замков династии южногерманских королей и императоров Священной Римской империи Штауфенов — Гаубелинг.

По сути, причиной таких долгих и бурных распрей было то, что многие итальянские города-коммуны не желали быть подвластны императорам Священной Римской империи, в состав которой входила Италия, предпочитая более выгодный для них протекторат папы. К тому же император был далеко, а папа близко, и ссориться с ним было крайне нежелательно. Поэтому итальянские города нередко признавали власть французских королей и принцев, которых им рекомендовал папа, вызывая этим гнев императора. Флоренция, например, очень дорожила своими торговыми связями с Францией, да и отлучение от церкви, которое папа мог наложить на город, нанесло бы страшный удар ее торговле и промышленности. Такая политика была не всегда разумной и дальновидной, но главы Флоренции и других городов заботились о собственных интересах и нисколько не стремились к объединению Италии.

Первоначально купечество в основном причисляло себя к гвельфам, а феодалы и городской патрициат относился к гибеллинам. Но уже к середине XIII века юг Италии попал под власть династии Анжу и почти полностью стал гвельфским, а

многие города, которые не слишком нуждались в покровительстве папы (например, главный конкурент Флоренции — Пиза), превратились в оплот гибеллинов. Приверженцы набиравших популярность еретических движений также поддерживали гибеллинов, потому что видели в императоре единственную силу, способную защитить их от папского гнева.

Еще до рождения Данте, 4 сентября 1260 года, произошла битва при Монтаперти, во многом определившая флорентийскую историю и повлиявшая на жизненный путь будущего поэта. Гибеллины во главе с королем Манфредом, сыном императора Фридриха II, разбили флорентийскую армию. Хроники тех времен повествуют, что изменник Бокка дельи Абати отрубил руку знаменосца Якопо де Пацци, чем вызвал замешательство среди гвельфов — увидев, что знамя города упало, флорентийцы дрогнули и обратились в бегство.

> Образы страшной битвы при реке Арбии («истребленья, окрасившего Арбию в багрец»), память о которой была свежа во Флоренции в годы детства и отрочества Данте, населили воображение великого поэта и первую кантику его «Комедии». В самых глубоких безднах ада, где казнятся предатели родины и своей партии, медленно продвигаясь по вечному льду, Данте нечаянно задевает ногой какую-то вмерзшую по шею человечью голову. «Ты что дерешься? — вскрикнул дух, стеная. — Ведь не пришел же ты меня толкнуть, за Монтаперти лишний раз отмщая». На вечные муки в ледяной могиле поэт осудил изменника своего родного города — дельи Абати.
>
> Упоенные победой на Монтаперти гибеллинские вожди, чтоб ее закрепить, решили снести с лица земли неприятельскую Флоренцию и изгнать ее жителей. Намерению разрушить родной город воспротивился флорентиец Фарината дельи Уберти. Личность этого предводителя гибеллинов производила сильное впечатление на современников. По описанию хроники Филиппо Виллани, Фарината был высокого роста, лицо его было мужественно, руки и ноги сильны, облик величествен. Он обладал ловкостью военного, речи его звучали складно, советы удивляли быстротой и проницательностью. Он был смел, решителен и опытен в делах войны. Как писал позднее Бенвенуто д'Имола, один из первых комментаторов «Божественной Комедии», Фарината был последователем Эпикура и не

верил в загробную жизнь. Он считал, что вся деятельность человека должна быть направлена на усовершенствование земной жизни. Церковь боялась этих идей: в 1283 году инквизиция посмертно осудила Фаринату и его жену как еретиков, но Данте обессмертил его в стихах десятой песни «Ада».

После победы при Монтаперти Флоренцию возглавили гибеллины, но их владычество оказалось недолгим. Папа наложил отлучение на город, что вызвало волнения в народе и недовольство финансовых магнатов, чьи торговые дела от этого сильно страдали. В 1266 году, уже после рождения Данте, король Манфред погиб в сражении при Беневенте, и власть перешла в руки сторонников папы во главе с принцем Карлом Анжуйским, занявшим с помощью папы престол Неаполитанского королевства. Изгнанные несколько лет назад из Флоренции гвельфские вожаки вернулись и начали мстить гибеллинам. Однако поражение и почти уничтожение гибеллинской партии не принесло мира Флоренции — вспыхнули кровавые распри между лидерами гвельфов, а старая феодальная знать грызлась с новыми дворянами, недавно купившими титул.

Семья Алигьери была гвельфской, и это определило всю дальнейшую жизнь Данте. Во Флоренции почти каждый человек с рождения уже принадлежал к одной из враждующих партий. И конечно, внук Беллинчоне не мог находиться в стороне от политики. Правда, Алигьеро, отец Данте, видимо, старался держаться от нее подальше — ему даже не пришлось покидать Флоренцию в период владычества гибеллинов. Он был мирным юристом, не гнушавшимся ростовщичеством, как и большинство его состоятельных соотечественников, и владел немалым количеством земель и домов во Флоренции и ее окрестностях. Мать Данте, госпожа Белла, умерла, когда он был еще совсем маленьким, и его отец женился снова, на госпоже Лапе Чалуффи. От этого брака родилось трое детей — две девочки и мальчик по имени Франческо, с которым Данте был очень дружен. Алигьеро Алигьери умер около 1283 года, оставив восемнадцатилетнего старшего сына главой семьи.

На него легла забота о двух сестрах. Одну из них звали Тана (Гаэтана), другая, чье имя нам неизвестно, вышла замуж за Леоне ди Поджо, герольда флорентийской коммуны. Племянник Данте, Андреа ди Поджо, очень походил внешним обликом (но не одаренностью и умом) на своего знаменитого дядю. С Андреа был знаком Боккаччо, получивший от него, как

можно предполагать, сведения о семье Алигьери. В декабре 1297 года младший брат Данте считался юридически совершеннолетним, то есть ему было не менее 18 лет. Этим числом помечена подписанная им долговая расписка Якопо деи Корбицци, у которого братья взяли взаймы порядочную по тем временам сумму денег — 480 золотых флоринов…

Можно предположить, что прежде чем отправиться в Болонью для изучения высших наук, Данте окончил в родном городе те школы, которые обычно посещали дети из состоятельных семейств. Из хроники Джованни Виллани мы знаем, что уже в начале XIII века во Флоренции было много учителей; преподавали ли они только в школах при церквах, или же существовали большие школы при монастырях или отдельно, неизвестно. При жизни Данте чтению и письму во Флоренции обучалось около десяти тысяч детей. Меньше было изучающих потом счет на арабский манер, то есть с арабскими цифрами (абака). Группа математических наук преподавалась в школах, посещаемых примерно тысячью учеников; это были преимущественно мальчики, которых предназначали для купеческой деятельности. Всего пятьсот или шестьсот учеников училось в школе высшей ступени, где изучали латынь или грамматику, основу всякой образованности, а также начала риторики и диалектики. Девушки обыкновенно кончали свое образование первой ступенью и одолевали лишь чтение; письму обучали только девиц благородного происхождения или из очень богатых купеческих домов, либо тех, которые собирались поступить в монастырь. Данте, несомненно, прошел через все ступени средневековой городской школы, хотя латинский язык его и после занятий у флорентийских грамотеев был далек от совершенства.

В соборе Санта Мария Новелла внимание юного Данте привлекали аллегорические изображения наук Андреа ди Буонайуто. Художник изобразил на фреске прекрасную даму Грамматику, приглашающую мальчиков и девочек пройти сквозь узкие ворота, ведущие к знанию. У ног аллегорического существа знаменитый грамматик Присциан записывал правила своей науки. Наверху белел диск Луны — символа грамматических познаний. Над одетой в алое платье Риторикой и поклоняющимся ей Цицероном парила

Венера. Риторика включала в себя в это время также поэтику, и Цицерон, как ритор, почитался учителем всех, кто слагал стихи. Науки красноречия и поэтики зависели от Венеры, излучающей свет в сердца поэтов и ораторов. Третья наука, Диалектика, строгого вида женщина в белоснежных одеяниях, находилась под покровительством Меркурия и величайшего из философов Аристотеля. Данте с раннего детства сохранил в своем сердце глубокое преклонение перед этими величественными загадочными дамами. Аллегорические образы флорентийского живописца привели Данте к параллелям между небесными светилами и науками, которые он потом так подробно развернул в «Пире».

Данте мог продолжить свое образование во Флоренции лишь частным образом. В это время многие одаренные юноши обращались за советами и наставлениями к писателю и юристу Брунетто Латини. По всей вероятности, старый сэр Брунетто не преподавал регулярно, но вокруг него собрался кружок молодежи, жаждущей познания, в том числе Гвидо Кавальканти и Данте. Джованни Виллани в своей «Хронике» называл Брунетто Латини великим философом и магистром риторики, смягчившим грубые нравы Флоренции. Про самого себя Латини говорил, что он «человек светский». Так отзывается о нем и Виллани…

Сэр Брунетто стяжал славу не только опытного политика и государственного деятеля, но и отличного писателя. Его энциклопедическое сочинение «Сокровище» читалось еще не менее двух веков после смерти автора.

Первостепенно важно его влияние на Данте, который, вероятно, при его посредстве ознакомился в юности с этикой Аристотеля, с риторикой Цицерона и поэтикой Горация — еще до своих поездок в Болонью и Париж.

В энциклопедии Брунетто Латини, несмотря на то, что в ней много заимствовано из других средневековых сочинений этого же типа, чувствуется большая любовь к знанию и интерес к наукам его времени, стремление расширить представление о мире. Сэр Брунетто хотел просветить людей, не знающих латинского языка, всеохватывающим сочинением, где даются сведения о всех науках. Его примеру последует его ученик Данте,

который напишет уже в изгнании трактат «Пир». Знанием французской литературы Данте также в значительной степени обязан своему наставнику; главный труд всей своей жизни Латини написал по-французски. В пору юности Данте французский язык и французские романы были широко распространены по всей Италии, особенно во Флоренции.

В сочинениях Брунетто Латини все время подчеркивается, что все науки зависят от политики. Наиболее высокое и благородное знание, по его мнению, искусство управлять государством. В книгах Брунетто много рассуждений о политике. Мироощущение его прежде всего юридическое. Он говорит о государстве, построенном на нерушимых законах, обязательных для всех. Вероятно, Брунетто познакомил Данте с Никомахейской этикой Аристотеля и привил ему глубокую любовь к этому сочинению.

Латини любил цитировать античных писателей, особенно Цицерона, Аристотеля и Вергилия. В окружении Латини начал составляться круг чтения Данте, определивший во многом его будущие идеи и пристрастия. В культурную жизнь Италии Брунетто внес новые начала. Суждения магистра о земной славе, благодаря которой писатель живет как бы вторично, напоминают высказывания гуманистов XIV–XV веков. «Слава не что иное, как добрая репутация, высокое мнение, которое создается о человеке и распространяется на многие страны… — писал он во второй книге „Сокровища“. — Каждый человек желает, чтобы о нем говорили хорошо, ибо без доброго мнения мы не были бы известны… Слава дарует мудрому человеку вторую жизнь». Эта ренессансная жажда славы, знамение новой культурной эпохи, станет свойственна Данте и следующим поколениям деятелей Возрождения.

В 1277 году, когда Данте было двенадцать лет, отец обручил его с шестилетней Джеммой Донати. В этом не было ничего необычного, в те времена большинство браков во Флоренции заключалось именно так — родители договаривались между собой, исходя из экономических или политических соображений, подписывали договор, проводили официальную церемонию обручения, а когда жених и невеста достигали совершеннолетия, играли свадьбу. После помолвки будущие супруги продолжали жить у родителей, поскольку готовыми к браку юноши считались

после двадцати лет, а девушки — после семнадцати. Впрочем, иногда женились и позже, времена были неспокойные, и свадьбу могла отсрочить война или эпидемия. Но разорвать помолвку было практически невозможно — кроме большого штрафа за расторжение договора нарушителю грозила даже кровная месть.

Донати были соседями семьи Алигьери, но превосходили их знатностью и богатством. Они были настоящими феодалами, представителями старинной родовой знати, и не поскупились на приданое для своей дочери. Одно время у историков даже бытовало мнение, что брак Данте и Джеммы был неравным, но никакими документами или свидетельствами современников это не подтверждается — судя по всему, никто не считал, что Данте недостаточно богат и родовит для дочери Мането Донати.

Что касается его самого, то, по всей вероятности, он не слишком интересовался своим будущим браком, воспринимая его как неизбежную необходимость. Куда больше его мысли занимали науки и искусство.

> Данте стоял перед башней Гаризендой недалеко от Порто Равеньяно в Болонье. По узкому переходу в Апеннинах, соединяющему Флоренцию с северной Италией, он добрался до столицы Романьи всего несколько дней назад. Данте сравнивал мысленно эту башню, сильно покосившуюся, с другой, высившейся рядом с городскими воротами, высокой и стройной, которую по имени ее строителя называли Азинелла.
>
> Странное дело — если закрыть глаза и перестать смотреть на Гаризенду и скользящие над ее вершиной в пасмурный день облака, а затем открыть их, то кажется, что башня сейчас рухнет на тебя. Как все впервые посетившие Болонью, Данте заинтересовался этим феноменом. Ему представилось, что башня превращается в огромного гиганта, гигант наклоняется, хватает его и уносит за пределы города. Кто-то схватил Данте за рукав и спросил: «Данте, что ты видишь?» Образ гиганта исчез — рядом стоял и теребил его румяный мальчик, которому, казалось, никак не более пятнадцати лет. Это был один из студентов, с которым Данте познакомился. Он уже второй год учился в Болонье и потому смотрел на старшего годами Данте покровительственно. «Великана», — отвечал Данте. «Ты увидел великана, но посмотри, что ты проморгал». Юноша указал на прекрасную даму в богатых одеждах, которая удалялась от них. «Ты знаешь, — заметил он поучительно, — она из

семьи Гаризенда. Вот Гаризенда, поистине достойная созерцания!» Данте усмехнулся, и у него в голове пронеслись две-три строчки для будущего сонета. «Слушай, Чино, ты прав, — сказал Данте, — ты прав, но я всегда вижу только то совершенно ясно, что далеко от меня». И они, смеясь, пошли по улицам Болоньи.

Данте очень полюбил общество веселого студента. Звали его Чино деи Сигибульди, был он родом из Пистойи, сравнительно небольшого городка, на который Флоренция постепенно накладывала руки. Чино, так же как и Данте, гордился тем, что отдаленные предки его были римляне. Семья Чино, довольно состоятельная, принадлежала по давней традиции к гвельфам. В аудитории, где студенты сидели на скамьях, а не на соломе, как в Париже, нельзя было найти более прилежного студента, чем Чино. Он все записывал, подчеркивал, сверял. Однажды после лекции знаменитого Аккурсио-младшего Данте спросил своего друга, кем он собирается быть — судьей или нотариусом. «Судьей, может быть, — ответил Чино, — но я учусь не для этого. Я хочу быть профессором права и читать лекции, как наш славный учитель». «Но это трудно, — заметил Данте, — и для этого потребуется много-много времени». «А зачем же я записался в университет?» — отвечал Чино.

В тетрадях с конспектами лекций, которые Данте брал у своего старательного друга, он как-то обнаружил множество стихов, большинство их было написано Гвидо Гвиницелли, славным болонским поэтом, но попадались и собственные стихи Чино. «Разве можно писать на полях важных юридических документов любовные сонеты?» — спросил с улыбкой Данте. «Это прекрасный обычай Болоньи, — не смутившись, отвечал Чино. — Здесь все судьи и нотариусы любят поэзию и записывают стихи, особенно на полях завещаний, чтобы какой-нибудь урод не приписал что-либо сбоку, что нарушило бы права наследников».

Дружба Данте с Чино продолжалась много лет. Уже после того, как они оба покинули стены университета, их пути продолжали время от времени пересекаться. Конечно, Чино не стал таким великим поэтом, как его друг, но его легкие изящные стихи высоко ценились как простыми любителями поэзии, так и гениальным Петраркой. Впрочем, для него это все равно было

всего лишь увлечением — Чино стал известным правоведом и преподавателем, одним из самых знаменитых докторов юридических наук в Италии. Он читал лекции в Сьене, Перудже, Неаполе, и некоторые из его учеников тоже стали знаменитыми юристами, а в родном городе ему даже воздвигли памятник.

Ну а Данте, судя по всему, серьезно увлекся поэзией именно в Болонье. До нас дошли его сонеты, полушутливая переписка с друзьями и, конечно, его первая любовная лирика.

Вовек не искупить своей вины
Моим глазам: настолько низко пали
Они, что Гаризендой пленены,
Откуда взор охватывает дали,
Проспали (мне такие не нужны!)
Ту самую, которая едва ли
Не краше всех, и знать они должны,
Что сами путь погибельный избрали.
А подвело мои глаза чутье,
Которое настолько притупилось,
Что не сказало им, куда глядеть.
И принято решение мое:
Коль скоро не сменю я гнев на милость,
Я их убью, чтоб не глупили впредь.

Перевод Е. М. Солоновича

Данте нравилась Болонья — она была похожа и не похожа на его родную Флоренцию. Вроде бы и архитектура схожа, а видно, что это другой город, вроде бы и людей на улицах так же много, а все равно они не такие, как на его родине. Флоренция хоть и была торговым городом, но все равно на ее улицах никогда не было такого столпотворения людей разных национальностей и не звучало такого смешения языков.

В Болонью съезжались люди со всех концов Европы, и не только, как по торговым делам, так и в ее знаменитый университет. На улицах и в тавернах болтали на французском, немецком, английском, польском, чешском и многих других языках, не говоря уж обо всех итальянских наречиях и международной латыни, знакомой каждому образованному человеку того времени.

Жизнь в Болонье была веселой, как, впрочем, в любом студенческом городе в любые времена. Вино текло рекой, продажные красавицы манили на каждом шагу, и отовсюду лились студенческие песни, прославлявшие молодость, свободу,

плотскую любовь и развеселую жизнь. Некоторых болонских сводников Данте потом собрал в первом каменном рву Злых Щелей своего «Ада».

В толпе страдальцев грешной
Я встретился с известным мне лицом
И с ним вдвоем оставлен был певцом.
Укрыться он пытался безуспешно.
Я произнес: — Зачем скрываешь лик
И взор очей ты опускаешь долу?
Венёдико Каччанемйк,
За что тебя такой удел постиг?
Ответил он: — «Отрадно мне глаголу
Живущего внимать. Не утаю,
Что я склонил сестру мою Гизолу
Отдать во власть маркиза честь свою.
Различные об этом ходят толки,
Но не один явился я сюда
Из жителей Болоньи: словно волки
Они жадны, и каждый без труда
С охотою на все ответит: да! —
Способствуя стыду и беззаконью.
Их большинство покинуло Болонью
Для этих стен». Так изъяснялся он,
Но вдруг бичом был сзади поражен
И кинулся бежать, а демон-мститель
Кричал ему: — «Прочь, гнусный развратитель!
Здесь продавать не дозволяют жен!»

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Впрочем, Данте хорошо видел не только внешние пороки блистательной Болоньи. Еще глубже он поместил двух бывших студентов Болонского университета, принадлежавших к полусветскому монашескому ордену гаудентов. Одетые в свинцовые плащи лицемеров они бродят по кругу, среди таких же грешников, как они.

Он возразил: — «Наш блеск — не для красы,
Мучительно нас давит гнет тяжелый,
И так же, как под тяжестью весы,
Трещит спина. Мы «братией веселой»

Звались в былом, и наши имена
Известны всем. Собрат мой — Лодеринго,
Я — Каталано. Вся твоя страна,
Где правили мы в эти времена,
Приписывает нам пожар Гардинго».

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Но конечно, было бы неправильным говорить, что Данте испытывал к Болонье и университету какую-то особую неприязнь. Он бичевал пороки везде, где их видел, но это не мешало ему оценивать и достоинства. Болонский университет не зря был для города предметом гордости, он не только восстановил изучение римского права в Европе, но и стал тем центром, из которого по всем странам распространялось светское образование.

> Изучение риторики, логики и других свободных наук стояло в Болонье также на большой высоте, но все эти подготовительные науки должны были помочь триумфу богини правосудия. С XII века, с тех пор как магистр Ирнерий открыл болонскую студию, началось обновление римского права не только в Италии, но и во всей Европе. Римское право становилось могучим стимулом общественных перемен. Болонья стала великим светочем возрождающейся науки; оттуда Данте вынес любовь к точным выражениям и юридическим формулам и ненависть к церковному праву, которую он не раз выражал в своих произведениях. Но в Болонье изучалось не только гражданское, но и церковное право. Свое основное произведение «Декрет» Грациан написал в начале XII века в болонском монастыре Сан Феличе; таким образом, один из главных ревнителей модернизированного канонического права являлся современником первых цивилистов Болоньи. Данте ненавидел специалистов, изучавших папские декреты, и часто обрушивался на «декреталистов». В своем трактате «Монархия» Данте напал на тех болонских учителей канонического права, которые защищали абсолютную власть папы, как, например, Маттео д'Акваспрата. Во всех философских произведениях Данте, недоучившегося студента Болонского университета, так и не получившего ученой степени, чувствуется мышление

юриста. Данте часто цитирует дигесты в «Пире» и в «Монархии», а цитату из глосс мы находим в «Новой Жизни», написанной вскоре после возвращения из университета. Многие выражения в стихах и прозе Данте представляют собою пересказы из юридических сочинений, которые он изучал в Болонье. Так, знаменитый стих «Ада» «Не госпожа народов, а кабак» является пародией на одну из попавших в глоссы поговорок. Сама его утопическая концепция империи и универсальной монархии была в значительной степени навеяна изучением римского права.

Императоры Священной Римской империи, поняв важную роль гражданского права в борьбе империи с папством, с первых шагов университета поддерживали его особыми грамотами и привилегиями, обеспечивавшими университет от всякого вмешательства местных властей. В XIII веке знаменитый и старейший в Европе университет привлекал к себе студентов из разных стран и других итальянских городов.

Учебный распорядок был довольно строг. Утром профессора читали ординарные лекции, то есть обязательные, по главным предметам. Лекции продолжались три часа, и студенты внимательно следили, чтобы профессор не ушел ранее положенного времени, — в те времена профессоров выбирали и приглашали студенты, они же могли их уволить, если были ими недовольны. Лекции были длительны, так как студенты хотели получить за свои деньги как можно больше знаний. Занятия начинались рано по звону колокола на башне Св. Петра.

Послеобеденные лекции, менее длительные, на второстепенные и специальные темы, посещались не столь охотно; многие профессора отказывались их читать, ибо студенты плохо и неаккуратно платили за то, без чего они могли обойтись. Учебный год был очень долог и кончался в августе, а уже 10 октября начинался новый. Правда, в течение года было много святых дней, которые почитались бездельем. В четверг обыкновенно лекции не читались.

Студенты определяли предмет лекции, которую профессор будет читать, — это было нетрудно, так как существовала определенная и строго разработанная программа. Юристы должны были проштудировать Кодекс Юстиниана, Дигесты, декреты, а медики —

Авиценну и Галена. Чтения эти иногда продолжались по нескольку лет, так как не дозволялось пропустить ни одной страницы. Профессорам надлежало также в известные дни, обычно после карнавалов, организовывать диспуты и оппонировать студентам.

Понятие «университет» в средние века не связывалось с каким-либо определенным зданием или группой зданий, как в настоящее время. Университет означал первоначально содружество студентов и профессоров. Если профессора или студенты были недовольны городским управлением, они могли перейти в другой город и там основать новый университет.

Университетские власти по договору и по согласию с городской коммуной Болоньи устанавливали цены на прокормление студентов и на квартиры, сдаваемые студентам внаем. Запрещалось их повышать или отдавать квартиру тем, кто платит больше. Увеличить квартплату можно было лишь в случае значительных перестроек, улучшающих жилище. Студенты были богатые и бедные. Богатые прибывали в Болонью со слугами и лошадьми, тратили много и приносили городу значительный доход. Бедные студенты занимались всякого рода ремеслами и даже нанимались в слуги.

Болонья росла и богатела, хотя торговый ее оборот не мог сравниться с объемом флорентийского. Размеренная монотонность университетских занятий часто нарушалась сражениями и кровопролитиями на улицах, которыми изобиловала бурная политическая жизнь города. Данте приехал в то время, когда в Болонье царил относительный мир. Верх в коммуне одержали гвельфы. Позади была страшная, продолжавшаяся сорок дней резня 1274 года, после которой из города были изгнаны 12 тысяч граждан, сторонников гибеллинов и богатого древнего рода Ламбертацци. Победителями руководил другой патриций, гвельф Джеремеи. Ролландино был выбран старшиной пожизненно в 1280 году, через два года составлены «святые постановления» против изгнанников и нобилей, не записанных в корпорации. Лишь дома Аккурсиев были спасены от разрушения в память великого комментатора римского права.

На юридическом факультете, главном и наиболее уважаемом, занятия продолжались от шести до семи лет. Потом проводился очень строгий экзамен; чтобы быть

допущенным к нему, нужна была рекомендация по крайней мере одного профессора. Выдержавшие экзамены получали звание лиценциата. Уже через два дня лиценциат имел право приступить к сдаче экзаменов на доктора, которые происходили публично в церкви Св. Петра. Все присутствующие могли вмешиваться в диспут и задавать вопросы соискателю. Докторат давался очень торжественно. Заключительную речь в конце процедуры произносил болонский архидиакон. Экзамены эти обычно обходились очень дорого, так как кончались торжественным пиром за счет нового доктора.

Почему Данте прервал учебу в Болонье и вернулся во Флоренцию, точно неизвестно. Скорее всего дело было в каких-то семейных вопросах, которые можно было решить только на месте. Может быть, пришли в упадок дела, которые после смерти его отца вели какие-то родственники, а может быть, требовалось его срочное вмешательство как главы семьи в какие-то домашние проблемы. Ну и нельзя забывать о том, что он обязан был выполнить обязательство, данное его отцом, — жениться на Джемме Донати. Они оба к тому времени уже достигли брачного возраста, о чем ее родственники вполне могли ему напомнить.

Вероятнее всего, Данте даже был уверен, что покидает Болонью не навсегда, а скоро сможет вернуться и закончить образование. Тем более, что это было ему действительно нужно — ученые юристы во Флоренции высоко ценились, так что хорошие заработки и даже политическая карьера ему были бы обеспечены. Но… сложилось как сложилось.

Кстати, как раз тогда, когда Данте уезжал из Болоньи, по всему городу шли разговоры о произошедшей в соседнем Римини трагедии — правитель города из ревности убил свою прекрасную жену Франческу и своего родного брата Паоло. Вероятно, эта история запала Данте в душу, ведь во всем его Аде, наверное, единственные, кто вызывают искреннее сочувствие, — это несчастные любовники Паоло и Франческа.

И молвила одна из них: — «О ты,
Исполненный величья, доброты,
Который к нам нисходишь в ад кромешный,
К нам, обагрившим кровью Божий мир,
Когда б Господь призыв услышал грешный.
Молила б я, чтоб даровал Он мир
Душе твоей! В печали безутешной
Ты жалость нам великую явил.
Расспрашивай! Покуда вихрь суровый

Безмолвствует, мы отвечать готовы.
Мне в том краю родиться рок судил,
Где волны По сливаются с родною
Манящей их прибрежною волною.
Любовь, чья власть над сердцем так сильна
Возвышенным, зажгла во мне влеченье
К тому, с кем я была разлучена
И, разлучась, не знала утешенья.
Любовь, забыть которую нет сил
Тому из нас, кто истинно любил,
Забыть ее я не властна доныне
И вырвать я из сердца не могла.
Любовь к одной нас смерти привела;
Убийца наш терзается в Каине,
Тот, чья рука нас смерти обрекла».
О их судьбе задумавшись в кручине,
Не поднимал я долго головы.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Во время обучения в Болонье Данте впервые столкнулся и с влиянием политики на поэзию. Там все были в восторге от стихов Гвидо Гвиницелли ди Маньяно, но когда Данте спрашивал кого-нибудь, где он и можно ли с ним встретиться, все сразу переводили разговор на что-нибудь другое. В конце концов Чино деи Сигибульди объяснил, в чем дело, — Гвиницелли был не только поэтом и родоначальником нового, современного направления в поэзии, во времена владычества гибеллинов он исполнял обязанности судьи и юридического советника болонской коммуны. Поэтому, когда в 1270 году к власти пришли гвельфы, его изгнали из Болоньи, и через шесть лет он умер, так и не получив возможности вернуться в родной город.

Данте помнил, что стихи Гвиницелли произвели большое впечатление на его флорентийского друга Гвидо Кавальканти, хотя по существу были ему чужды. От этого замечательного художника слова Кавальканти воспринял только изысканность и чистоту поэтического стиля, стремление к краткости и выразительности стиха. Не так было с Данте. Он изучал Гвиницелли так, как он изучал Вергилия. В «Божественной Комедии» Данте назовет никогда им не виданного Гвиницелли «мой отец»

и скажет тени болонского поэта: «И самый след чернил ваших сладостных стихов будет нам дорог, пока длится нынешний язык».

Гвидо Гвиницелли был первым, кто восстал против абстрактности и расплывчатости старой тосканской школы, поэтике гвиттонианцев он противопоставил точность и ясность выражений. Метафоры болонца возникали чаще всего из сопоставлений с огнем, небесными светилами, лучами солнца. «Любовь так возвышается над благородным сердцем, его питающим, — говорит он, — как пламя над светильником. Такова природа огня — стремиться ввысь». Гвидо отверг пространные причитания своих предшественников на любовные темы. Его сравнения удивляют и остаются в памяти. Итальянский стих в поэзии Гвиницелли впервые приобрел ту гибкость и звучность, благодаря которым через столетие прославился Петрарка.

В канцонах поздних трубадуров и некоторых продолжателей провансальской поэзии в Италии, как, например, Ланфранко Сигала, возлюбленная претворяется в небесное видение; от нее исходит свет, нестерпимый для смертного взора. Оживленная и воплощенная в образ прекрасной дамы идея средневековых неоплатоников лишь в стихах Гвидо Гвиницелли превратилась в поэтическое видение, воспламеняющее фантазию. Сопутствуемая звездой Дианы, Прекрасная дама сонетов Гвиницелли смиряет гордость тех, кто приветствует ее появление, внушает им высокие помыслы, одаряет вдохновением. Данте в «Новой Жизни» завершил начатое болонским поэтом. Беатриче воплотила все добродетели, она — чудо, колеблющее законы природы.

Конечно, прекрасную даму идеализировали задолго до Гвиницелли, но именно он стал зачинателем нового стиля в поэзии, превращающего прекрасную даму в ангела, достойного занять место возле престола всевышнего. Сама идея, видимо, родилась из предположения теологов, что после низвержения Люцифера и падших ангелов освободившиеся места постепенно заполняются особо достойными праведниками. Ну а поэты переиначили эту идею на свой лад и заменили праведников на своих прекрасных муз — дам, вдохновляющих их на творчество.

На основании данных, которыми располагает в

настоящее время наука, начало поэзии на итальянском языке можно датировать второй четвертью XIII века. Первые поэты, писавшие по-итальянски, — поэты сицилийской школы — появились в тридцатых и сороковых годах; приблизительно на десятилетие позже мы находим их последователей в городах Тосканы. Сицилийскую школу, возникшую при дворе императора Фридриха II и его сына, короля Манфреда, Данте помянет добрым словом в трактате «О народном красноречии»: «Те, чьи сердца были благородны, исполненные поэтического дара стремились приблизиться к величию этих владык, и все, что в их времена смогли с немалыми усилиями завершить лучшие умы Италии, прежде всего проявлялось при дворе столь великих государей; и так как королевский престол находился в Сицилии, случилось, что все, что наши предшественники написали на народном языке, звалось сицилианским…»

…В технике стиха (канцоны и баллаты), в лексике (кальки с провансальского или перенесение провансальских терминов в итальянский), в условностях литературных выражений поэты-сицилийцы еще обнаруживают зависимость от языка и поэтики трубадуров. Однако они творили уже в стихии родного языка и создавали на нем новые стихотворные формы, например, сонет, который перешел от них к следующим поколениям итальянских поэтов, а затем проник в литературу всех европейских народов. Впервые сонет (в двух ритмических разновидностях) находим у Джакомо да Лентики, Пьера делле Винье, Аббата из Тиволи и Якопо Мостаччи.

В пятидесятых — семидесятых годах XIII века в Тоскане появляется крупный поэт Гвиттоне д'Ареццо, возводивший свою поэтическую генеалогию к Джакомо да Лентини (Нотариусу) и считавший себя прямым наследником сицилийца. В год рождения Данте Гвиттоне вступил в орден «Рыцарей блаженной Девы Марии», среди кавалеров которого было, по свидетельству Данте, немало отъявленных ханжей и лицемеров вроде болонских градоправителей Лодеринго и Каталано. «Веселящиеся братья», как их называли в народе, не произносили обетов безбрачия и брат-гаудент Гвиттоне д'Ареццо вел вполне светскую жизнь, был женат и имел детей.

Ставший вождем тосканских рифмачей Гвиттоне основательно изучил провансальскую поэзию и был умелым версификатором, любившим упражняться в игре слов. Язык его стихов груб, шероховат и в то же время аффектирован. Данте, сравнивая «скверные наречия тосканцев», упоенных собственным красноречием, с языком поэтов сицилийской школы, пальму первенства отдавал сицилийцам, стремившимся создать не местный, областной, а общеитальянский литературный язык. Влияние Гвиттоне д'Ареццо распространилось на все города Тосканы и Романьи. Повсюду его подражатели слагали монотонные канцоны и скучные сонеты.

Истоки «нового стиля», который должен был освободить поэтов Тосканы от псевдоученой поэтики Гвиттоне д'Ареццо, находятся в Болонье — так думали Данте и его друзья, молодые флорентийские поэты. Первым, кто нашел «новую выразительность» для поэзии, они называли Гвидо Гвиницелли. В восьмидесятые годы XIII века едва ли не все молодые флорентийские стихотворцы находились под сильным влиянием «сладостной» поэзии Старшего Гвидо — так называли Гвиницелли в отличие от его флорентийского тезки, младшего годами Гвидо Кавальканти. Данте, Гвидо и их друзья прежде всего осудили язык старой тосканской школы, узкоместный, необработанный, полный провинциализмов, не стремящийся стать общенародным. Спор нового и старого направлений в тосканской поэзии XIII века был, таким образом, в первой его стадии лингвистическим и стилистическим. Защита и прославление нового стиля ставились в тесную связь с проблемой единого литературного языка всей Италии, то есть с проблемой политической и национальной. Расхождения Данте и флорентийских поэтов с последователями Гвиттоне д'Ареццо обнаруживаются в основных взглядах на творческий процесс. Слагающий рифмованные строки, конечно, должен владеть техникой стиха, быть мастером, но не в этом сущность поэзии. Если следовало учиться слагать стихи на вольгаре, народном языке, то не у итальянских подражателей провансальских трубадуров, а у великих мастеров. Таково было убеждение Данте и его друзей.

Эти споры между поэтами продолжались много лет, и даже в «Божественной Комедии» Данте о них не забывает — в двадцать

четвертой песне «Чистилища» он разговаривает о поэзии с последователем старой школы Бонаджунта да Лукка. И старый поэт, мыкающийся в чистилище, признает свое поражение.

И отвечал я призраку из Лукки: —
Они мои, и то, что в тишине
Порой любовь нашептывает мне, —
Я претворяю в сладостные звуки.
И с грустью он промолвил в свой черед: —
«О, милый брат, я понимаю ясно:
Нам недоступен этот новый род
Поэзии. Пытались бы напрасно
Мы так писать — нотариус и я,
С Гвиттоне нашим. Истинно прекрасно
То, что любви возвышенной подвластно
И, вдохновясь, исходит от нее».

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Но Данте и другие поэты нового направления требовали от поэзии не только чистоты формы и искренности чувств, но еще и глубокой эмоциональности и сильных переживаний. Достойно слагать стихи, по их мнению, могли лишь те, чьи чувства шли от души и были по-настоящему сильны. В поисках подтверждения своих идей они обращались к великим мудрецам древности, и в первую очередь к Платону, считавшему, что «истинное красноречие неотделимо от чистосердечного выражения душевных чувств». Впрочем, все, что не соответствовало их идеям, поэты конечно же просто игнорировали, тем более что их интересовала не сама философия, а лишь те возможности, которые она может дать поэзии.

Новое содержание требовало более гибких и емких форм. Молодое вино налили в старые мехи, но традиционные формы канцоны, сонета и баллаты под пером флорентийцев заискрились юной свежестью, обнаружив неожиданное богатство ритмических и мелодических узоров. Данте, Чино да Пистойя и Гвидо Кавальканти не только сравнялись в мастерстве со своими провансальскими и сицилийскими учителями, но значительно превзошли их.

Новое направление в итальянской литературе было

связано со своими предшественниками не только преемственностью поэтической техники, оно унаследовало от сицилийцев философскую проблематику, и в первую очередь споры о природе бога Любви. С античных греко-римских времен Амор вырос и повзрослел; он уже не крылатый коварный мальчик, а великолепный сеньор, напоминающий античного Купидона лишь жестокой привычкой поражать поэта золотою стрелой прямо в сердце. Является ли Амор субстанцией, аллегорией или только условным образом? Возможно ли допустить реальное существование языческого бога, пусть облаченного в одежды христианского государя, рядом с единым божеством? Аббат из Тиволи в сонете, обращенном к Джакомо да Лентини, взывал к Амору: «О бог Любви, к тебе я обращаюсь с мольбой! Да буду я услышан, ибо требую лишь справедливости; я сотворен по твоему подобию и даже подстригаю волосы и бороду на твой манер».

Поэтический диспут сицилийской школы продолжил Данте в «Новой Жизни». В воображении Данте Амор предстает как бы сверстником его и Гвидо. Он появляется в различных обличьях: то с черной шляпой на голове и в бархатных одеждах, облаченный в блестящие доспехи, то одетый в грубую тунику, как странник, идущий на богомолье, — только вдруг за плечами пилигрима вспыхивают огненные крылья. Для флорентийских поэтов владыка Амор был и психологической реальностью, и пагубным наваждением, и аллегорией, заключающей в себе глубочайшие смыслы, которые каждый толковал по-своему.

Единодушные во всем, что касалось поэзии, ее задач, средств поэтического выражения, языка и стиля, поэты сладостного стиля, оставаясь в рамках одного литературного направления, часто значительно расходились в философских взглядах. Это относится в первую очередь к Данте и к тому, кого он называл «первым своим другом», — Гвидо Кавальканти. Их сложные, сопровождавшиеся размолвками отношения мало походили на спокойную и прочную дружбу с Чино да Пистойя, устоявшую под натиском времени…

…Данте приносил все свои новые стихи на суд старшему годами и более искушенному в поэтических опытах Гвидо. Кавальканти хвалил их или порицал с видом метра и со своей обычной, даже в беседах с

друзьями, несколько презрительной манерой. В отличие от Данте Кавальканти был склонен рассматривать любовь как болезнь и наваждение. Подобных же взглядов придерживался один из близких его приятелей, талантливый врач Якопо да Пистойя, посвятивший Гвидо одно из своих сочинений. Вслед за таджиком Авиценной и арабом Аверроэсом Якопо пытался психические явления объяснять физиологическими изменениями организма. Как и Гвидо, он писал о разрушительном воздействии на человека чрезмерной любовной страсти. В стихах Кавальканти, отразивших философские увлечения поэта, любовь предстает как страшная сила, чья природа иррациональна, а истоки темны. В наиболее сильных и оригинальных своих стихах, в которых полным голосом говорит его индивидуальность, Гвидо преодолевает, в сущности, чуждое ему влияние Гвиницелли. В них воспевается слепая страсть и бессилие добродетели. Образ Амора в поэзии Кавальканти — иной, чем в юношеских произведениях Данте. Это безжалостный сирийский лучник, поразивший сердце поэта двумя стрелами. Третья стрела была бы спасением для его души, полумертвой от первых двух ран, но Амор держит натянутым лук, не спуская ее с тетивы. Эта третья стрела, очевидно, возвышенная, просветленная любовь, которой поэт так и не познал.

Некоторые юношеские стихи Данте ближе к легким и певучим сонетам и баллатам беззаботного флорентийского нотариуса Лапо Джанни, чем к трагическим и глубоко пессимистическим созданиям его первого друга. Излюбленной формой Лапо был плэзэр — стихи о том, чего человек желает. Впечатления реальной жизни, преображенные фантазией поэта, становились сладостной мечтой, недосягаемой и убедительной. Воды Арно обретали целебные свойства, отливали серебром зубцы городских стен, грязные улицы средневековой Флоренции покрыли плиты из хрусталя. Наступил всеобщий мир, спокойны и безопасны для путников стали дороги, и соседи перестали враждовать. Вокруг города зазеленели сады и прозрачной влагой наполнились водоемы. Счастливые и нарядные девушки и юноши, пылающие взаимной любовью, огласили город звуками веселых песен, виол и гитар. Люди почувствовали себя молодыми, полными здоровья и радости, ибо повсюду воцарился мир. В этой

идиллической картинке несомненно одно — искренняя любовь поэта-горожанина к родной Флоренции. Такие плэзэр на провансальский лад, своеобразные маленькие утопии, писал и Данте, но в его стихах нет того легкомысленного ликования, которым дышит каждая строка Лапо Джанни.

Печально сознавать это, но короткая светлая пора относительного мира и согласия скоро закончилась, и многие поэты, прежде так дружно творившие в новом «сладостном стиле», оказались в разных политических лагерях, а значит, стали врагами. Но тот небольшой период времени, когда они могли себе позволить быть друзьями, оказал огромное влияние на всю итальянскую культуру. Конечно, ни один из молодых поэтов «сладостного стиля» даже близко не приблизился к Данте ни по таланту, ни по значительности созданных ими произведений, но все вместе они фактически создали новую итальянскую поэзию.

Ну а конкретно с Кавальканти Данте дружил еще довольно долго, и его влияние хорошо заметно в первой части «Новой Жизни». Однако впоследствии их пути разошлись, и виной тому были не только литературные разногласия. В основном дело было в разнице мировоззрений — для Кавальканти любовь была прежде всего страстью, и понять столь важное для Данте обожествление прекрасной добродетельной возлюбленной ему не удалось. Тяжкое непонимание заставило бывших друзей расстаться с нехорошим чувством, и даже в десятой песне «Ада» Данте вспоминал Кавальканти с осуждением:

Но тут с другой поднялся стороны
Печальный дух коленопреклоненный
И, убедясь, что я — один пред ним,
Сказал в слезах, отчаяньем томим: —
«Ты, гения величьем вдохновленный,
Проникнул в мир незрячий и немой.
Скажи, зачем мой Гвидо не с тобой?»
— Я прихожу не собственною властью, —
Несчастному отцу я отвечал, —
Со мной певец, которого, к несчастью,
Не оценив, твой Гвидо презирал.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Но после смерти Кавальканти от малярии Данте оказался достаточно благороден, чтобы забыть о прошлых обидах и тяжелых личных воспоминаниях, поэтому в его надгробном слове были лишь похвалы и искреннее восхищение огромным лирическим талантом того, кого он когда-то называл своим первым другом.

Беатриче

Все в мыслях у меня мгновенно замирает,
О радость светлая, завижу лишь тебя!
Приблизиться хочу — любовь меня пугает
И говорит: беги! или умри, любя!

С туманом борются темнеющие взгляды…
Что в сердце у меня — ты на лице прочтешь.
И камни самые спасительной ограды
Под трепетной рукой кричат: беги — умрешь!

Ты видела меня, и взор твой молчаливый
Душа убитая в гробу своем звала.
Луч жалости один, луч жалости стыдливой, —

И, вновь воскреснувши, она бы расцвела;
Но, смерть свою любя, с надеждой боязливой
Она вотще твой взор молила и ждала.

«Новая жизнь». Перевод В. С. Соловьева.

Когда Данте было девять лет, на улице он встретил восьмилетнюю девочку, и эта встреча повлияла на всю его дальнейшую жизнь и на все его творчество. Имя этой девочки он прославил на века, сделав ее символом красоты, благородства и чистоты. Любой, кто знает о Данте, слышал и имя его возлюбленной — Беатриче.

Вот как Данте рассказывает о первом появлении перед его глазами восьмилетней флорентийской девочки, которая поразила его сердце и ум на всю жизнь: «Девятый раз после того, как я родился, небо света приближалось к исходной точке в собственном своем круговращении, когда перед моими очами появилась впервые исполненная славы дама, царящая в моих помыслах, которую многие — не зная, как ее зовут, — именовали Беатриче.

В этой жизни она пребывала уже столько времени, что звездное небо передвинулось к восточным пределам на двенадцатую часть одного градуса. Так предстала она предо мною почти в начале своего девятого года, я же

увидел ее почти в конце моего девятого. Появилась облаченная в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту.

В это мгновение — говорю по истине — дух жизни, обитающий в самой сокровенной глубине сердца, затрепетал столь сильно, что ужасающе проявлялся в малейшем биении жил. И, дрожа, он произнес следующие слова: Вот бог, сильнее меня, пришел, чтобы повелевать мною».

Этот текст (начало «Новой Жизни») следует понимать исходя из современного знания средневековой культуры. Боккаччо был прав, утверждая, что Прекрасная дама Данте звалась Беатриче Портинари и что она вышла замуж за богатого банкирского сына Симона деи Барди и умерла рано. Но автор «Декамерона» не сумел понять, что юная флорентийская красавица стала для Данте высшей реальностью — символом вечного добра, светоносной посланницей небес. Ее появление среди людей на улицах погрязшей в грехах Флоренции воспринималось поэтом как чудо.

Когда Данте исполнилось восемнадцать лет, если верить его собственным рассказам, он увидел на одной из улиц Флоренции прекрасную даму в белоснежных одеждах. Это вновь была Беатриче. Она улыбнулась ему и поздоровалась, наполнив его душу блаженством и пылкой возвышенной любовью. С тех пор у него начались видения, в которых ему вновь и вновь являлась прекрасная Беатриче.

Надо сказать, что все их встречи, а также все, что сопутствовало этим встречам, он тщательно притягивает к числу девять. Так, об их знакомстве он пишет, что оно состоялось, когда Беатриче была в начале своего девятого года, а он на исходе своих девяти лет. Вторая встреча соответственно состоялась через девять лет после первой в девять часов утра. А еще через девять часов Беатриче явилась к нему во сне. Это число и дальше пронизывает все творчество Данте — в аду у него девять кругов, в раю столько же небес, да и вообще Космос у него полностью построен на числе девять. Вокруг Земли, по его убеждению, находились девять небес: первое небо — Луны, второе — Меркурия, третье — Венеры, четвертое — Солнца, пятое — Марса, шестое — Юпитера, седьмое — Сатурна, восьмое — неподвижных звезд, девятое — кристальное Перводвигателя. И приводят в движение их девять духовных чинов: ангелы, архангелы, начала,

силы, крепости, власти, престолы, херувимы и серафимы. Таким образом, число девять, по мнению Данте, — главное число мироздания, а поскольку свою любовь к Беатриче он поднимал до самых эмпирических высот, то все, что касалось этой любви, тоже должно было быть связано с этим же числом девять.

Данте видел в первом своем сне, что в его комнате в облаке цвета огня появился юноша, который нес в руках спящую Беатриче, едва прикрытую прозрачным плащом. Когда видение отступило, Данте написал сонет, в котором излагал это странное на первый взгляд событие, трудное для понимания.

На небе звезд не меркнуло сиянье,
И не коснулась ночь предельных мет —
Амор явился. Не забыть мне, нет,
Тот страх и трепет, то очарованье!
Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятьях дама почивала,
Чуть скрыта легкой тканью покрывал.
И, пробудив, Амор ее питал
Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
Но, уходя, мой господин рыдал.

Он послал свой сонет флорентийским поэтам. Многие ответили ему в стихах, по обычаю того времени, но плохо поняли, что хотел сказать Данте. Среди поэтических корреспондентов оказался один, чьи стихи удивили Данте, так как они намного превышали тот средний уровень слагателей рифм, которыми была полна Тоскана. Данте повстречал поэта, обладающего изысканной техникой и возвышенностью чувств. Автором ответного сонета был Гвидо Кавальканти.

Данте мысленно то удалялся, то возвращался к Беатриче. Следуя провансальской куртуазной манере, он выбирал «даму защиты», которой порою писал стихи, звучащие вполне искренне. Стих его совершенствовался от наивно гвиттонианского до утонченного стиля Гвидо Кавальканти и возвышенного Гвидо Гвиницелли. Поэтика Данте становилась поэтикой нового сладостного стиля, но он долго не мог порвать с провансальской поэзией, с темами сицилийцев, с приемами старой тосканской школы. Склонность Данте к «даме защиты», к которой иногда непритворно устремлялись вздохи поэта,

оскорбила Беатриче, очевидно желавшую, чтобы стихи Данте были обращены только к ней. И она отказала Данте «в своем пресладостном приветствии», а в этом приветствии, по словам Данте, заключалось все его блаженство.

Однажды, когда огорченный Данте заснул в слезах, «как побитый ребенок», он увидел в своей комнате юношу. Присмотревшись, Данте узнал властителя сердец Амора. Молодой сеньор заговорил важно, мешая латынь с итальянским: «Сын мой, пришло время оставить притворство наше». И вдруг Данте увидел, что Амор заплакал. «Владыка, почему ты плачешь?» — в недоумении спрашивает Данте и слышит в ответ: «Я подобен центру круга, по отношению к которому равно отстоят все точки окружности, ты же — нет». Данте показалось, что юноша говорит очень непонятно. К этому образу, рожденному философскими раздумьями, Данте будет возвращаться неоднократно. В «Пире», толкуя Аристотеля, он напишет: «Каждая вещь более всего совершенна, когда она касается и достигает собственного достоинства; в таком случае она более всего отвечает своей природе, поэтому круг можно назвать совершенным тогда, когда он действительно круг. Это достигается в том случае, когда в нем есть точка, равно отстоящая от окружности». Амор «Новой Жизни» и хотел сказать: «Я центр круга, центр совершенной фигуры. А ты еще на периферии великого искусства любви». В экстатической поэзии неистового францисканца брата Якопоне да Тоди, которого в дни юности Данте знала вся Италия, мы находим тот же образ — Бога любви, пребывающего в центре круга. В последней песне «Рая», написанной великим поэтом незадолго до смерти, бог неизменной любви находится в центре мироздания, управляя Солнцем и другими светилами.

Амор, явившийся Данте во сне, объяснил ему, что Беатриче отнеслась к нему так холодно, потому что сочла, что он принадлежит к числу недостойных людей, которые могут ухаживать одновременно за двумя дамами. По его совету Данте написал стихотворение, в котором заверял Беатриче, что с детских лет любит лишь ее одну, а все остальные не имеют для него никакого значения.

Однако и после этого он не обрел покоя, наоборот, чувства

стали разрывать его на части с новой силой, и он написал сонет, в котором отразил свое смятение и свои душевные противоречия.

Полны мои мысли любовью одною,
Но друг против друга враждуют упорно;
Та молвит: любви ты отдайся покорно,
А эта: любовь лишь играет тобою.

Одна разрывает всю душу тоскою,
Другая мне сладость несет упованья, —
Вдруг сходятся вместе в тревожном желанье
И в сердце трепещут пугливой мольбою.

Склоняется разум пред волею пленной,
Сказать бы хотел, и, что молвить, не знаю,
И так на распутье блуждаю в смятенье…

Одним, лишь одним примирю все сомненья:
Прибегнув к тому, чем так долго страдаю, —
К той тайне грозящей с мольбой дерзновенной.

«Новая жизнь». Перевод В. С. Соловьева.

Все эти переживания, заставлявшие Данте скрываться от общества дам и кавалеров, не могли не обратить на себя внимания не только его близких друзей, но и знакомых. В прелестном прозаическом отступлении Данте рассказывает, как он однажды проходил тем садом, улицей, мимо того фонтана, которые нам ныне неведомы, и был остановлен веселыми и любезными речами некоей благородной дамы, находившейся в окружении других дам. «Я приблизился и, увидев, что моей благороднейшей госпожи не было среди них, почувствовал вновь уверенность в себе. Тогда я приветствовал их и спросил, что им угодно. В том обществе было много дам; некоторые смеялись. Другие смотрели на меня, ожидая, что я скажу. Иные разговаривали между собой. Одна из них, обратив на меня свой взор и назвав меня по имени, произнесла следующие слова: „Какова цель твоей любви, если не можешь выдержать присутствия твоей дамы? Скажи нам, так как цель такой любви должна быть необычной и небывалой“. И когда вопрошающая умолкла, не только она, но и все другие дамы ожидали моего ответа, и

ожидание это отразилось на их лицах. Тогда я сказал: „О дамы, целью моей любви раньше было приветствие моей госпожи, которая, конечно, вам известна. В приветствии этом заключались все мои желания. Но так как ей угодно было отказать мне в нем, по милости моего владыки Амора, мое блаженство я сосредоточил в том, что не может быть от меня отнято“. Тогда дамы начали разговор между собой, и, подобно тому, как мы видим иногда ниспадающую с неба смешанную с прекрасным снегом воду, так, казалось мне, я слышал, как исходили слова их, мешаясь с воздыханиями. И после того, как они некоторое время разговаривали между собой, та дама, что первая обратилась ко мне, произнесла: „Мы просим тебя, чтобы ты сказал нам, где пребывает твое блаженство“. Я ответил им лишь следующее: „В словах, восхваляющих мою госпожу“. Тогда обратилась ко мне та, что говорила со мной: „Если сказанное тобой правда, те стихи, которые ты посвящал ей, изъясняя твое душевное состояние, были бы сложены иначе и выражали бы иное“. Тогда, размышляя об этих словах, я удалился от них почти пристыженный и шел, говоря самому себе: „Если столь велико блаженство в словах, хвалящих мою госпожу, почему иною была моя речь?“ Тогда я решил избрать предметом моих речей лишь то, что могло послужить для восхваления благороднейшей дамы».

Так начался новый период творчества — новой жизни, период восхваления прекрасной дамы. Мучительный самоанализ сменился просветленными гимнами в честь единственной и несравненной. Данте приступил к сочинению большой канцоны о совершенной любви.

«Через некоторое время, — вспоминает Данте, — когда я проезжал по дороге, вдоль которой протекала быстрая и светлая река, меня охватило такое сильное желание слагать стихи, что я принялся думать, как мне следует поступать, и я решил, что говорить о совершенной даме надлежит, лишь обращаясь к дамам во втором лице, и не ко всем дамам, а лишь к тем из них, которые наделены благородством. И тогда мой язык заговорил, как бы движимый сам собой, и произнес: Лишь с дамами, что разумом любви владеют. Эти слова я удержал в моей памяти с большой радостью, решив воспользоваться ими для начала».

В феврале 1289 года у Беатриче Портинари умер отец. Это печальное событие, видимо, нашло отражение в творчестве Данте — в XXII главе его «Новой жизни» его прекрасная дама тоже теряет своего благородного и обожаемого отца. Собственно, такое маловероятное совпадение и стало одним из доказательств того, что Беатриче из его произведений — это именно дочь его соседа Фолько де Риковеро Портинари.

Данте писал, что он не решался войти в церковь, где горько оплакивала потерю его прекрасная дама, а грустил у дверей и тоже проливал слезы, сочувствуя ее горю (надо отметить, что в те времена еще не существовало убеждения, что «мужчины не плачут», и лить слезы было вовсе не зазорно даже королям и рыцарям). Проходившие мимо дамы обращали внимание на его страдания и на то, как он изменился, что совсем неудивительно — от переживаний он скоро заболел и слег. Кризис в его болезни наступил, разумеется, как и все прочие важные события, на девятый день, и тогда то ли в бреду, то ли в видении он увидел смерть Беатриче.

> И мне казалось, что я вижу женщин со спутанными волосами, рыдающих на многих путях, чудесно скорбных; и мне казалось, что я вижу, как померкло солнце, так что по цвету звезд я мог предположить, что они рыдают. И мне казалось, что летящие в воздухе птицы падают мертвыми и что началось великое землетрясение. Страшась и удивляясь, во власти этой фантазии, я вообразил некоего друга, который пришел ко мне и сказал: „Разве ты не знаешь, твоя достойная удивления дама покинула этот век?“ Тогда я начал плакать, исполненный величайшей горести, и не только в моем воображении, но истинные слезы омывали мои глаза. Затем я вообразил, что следует мне посмотреть на небо, и мне показалось, что я вижу множество ангелов, которые возвращались на небо, а перед ними плыло облачко необычайной белизны. Мне казалось, что эти ангелы пели величальную песнь и что я различаю слова их песни: „Осанна в вышних“ — и ничего другого я не слышал. Тогда мне показалось, что сердце, в котором заключалась столь великая любовь, сказало мне: „Поистине мертвой покоится наша дама“. И после этого мне показалось, что я иду, чтобы увидеть тело, в котором обитала благороднейшая и блаженная душа. Столь сильна была обманчивая фантазия, что она показала мне мою даму мертвой. И мне казалось, что дамы покрывают

ее голову белой вуалью; и мне казалось, что на лице ее отобразилось такое смирение, что слышалось — она говорила: „Я вижу начало умиротворения“. И в этом мечтании, когда я увидел ее, меня охватило чувство такого смирения, что я призывал смерть, говоря: „О пресладостная Смерть, приди ко мне, не поступай со мною недостойно, ты должна быть благородна, в таком месте была ты! Приди ко мне, столь жаждущему тебя. Посмотри — я уже ношу твой цвет“. Когда же я увидел завершенье скорбных обрядов, которые надлежит совершать над телом умерших, мне почудилось, что я возвращаюсь в мою комнату. Там привиделось мне, будто я гляжу на небо. И столь сильно было мое воображение, что истинным своим голосом, плача, я произнес: „О прекраснейшая душа, блажен видевший тебя!“ Произнося эти слова скорбным голосом, прерываемым приступами рыданий, я призывал Смерть. Молодая и благородная дама, бывшая у моего ложа, думая, что мои рыданья и мои слова были вызваны лишь моим недугом, также начала плакать. Другие дамы, бывшие в комнате, по ее слезам заметили, что и я плачу. Тогда они удалили молодую даму, связанную со мною ближайшим кровным родством, и подошли ко мне, чтобы меня разбудить, полагая, что я вижу сны. Они сказали мне: „не спи“ и „не отчаивайся“. От этих слов прервалось сильное мое мечтание как раз, когда я хотел воскликнуть: „О Беатриче, будь благословенна!“ И я уже сказал „О Беатриче“, когда, придя в себя, я открыл глаза и увидел, что заблуждался. И хотя я назвал это имя, мой голос был прерван приступом рыданий, так что эти дамы не смогли, как я полагаю, меня понять.

Очнувшись от этих кошмаров, Данте начинает рассуждать об Аморе и о поэзии, но потом переходит к восхвалениям Беатриче, которая в его описаниях уподобляется едва ли не самой Святой Деве.

Благороднейшая дама снискала такое благоволение у всех, что, когда она проходила по улицам, люди бежали отовсюду, чтобы увидеть ее; и тогда чудесная радость переполняла мою грудь. Когда же она была близ кого-либо, столь куртуазным становилось сердце его, что он не смел ни поднять глаз, ни ответить на ее приветствие; об этом многие испытавшие это могли бы свидетельствовать тем, кто не поверил бы моим словам.

> Увенчанная смирением, облаченная в ризы скромности, она проходила, не показывая ни малейших знаков гордыни. Многие говорили, когда она проходила мимо: „Она не женщина, но один из прекраснейших ангелов“. А другие говорили: „Это чудо; да будет благословен Господь, творящий необычайное“…

После таких славословий, в которых Беатриче выглядит уже не земной женщиной, пусть даже самой прекрасной и совершенной, а настоящим небесным созданием, Данте печально сообщает, что в первый час девятого дня девятого месяца (по принятому в Сирии исчислению) ее душа вознеслась на небеса. На самом деле Беатриче умерла 8 июня 1290 года, но Данте всеми правдами и неправдами притянул эту дату к нужным ему цифрам. Сирийское исчисление было взято потому, что у них год начинался с октября, и следовательно июнь становился девятым месяцем.

Подобные ухищрения — еще одно несомненное доказательство реальности Беатриче, как, впрочем, и того, что это была именно Беатриче Портинари. Если бы она, как долго пытались доказать некоторые исследователи жизни и творчества Данте, была выдуманным персонажем, аллегорией, символом, то притягивать «за уши» сирийский календарь не было бы никакой необходимости — выдуманная возлюбленная без каких-либо затруднений могла бы умереть в нужный день и час нужного месяца.

Но откуда вообще взялось предположение, что Беатриче на самом деле не существовало? Ведь Данте ясно пишет о ней как о реальной даме, которую он время от времени встречает то с двумя пожилыми родственницами, то в компании других дам. Она разговаривает с ним, сердится, улыбается, у нее умирает отец — все это выглядит совершенно реально. Идеальны лишь чувства, которые Данте к ней испытывает — именно его восхищение и преклонение возносят прекрасную Беатриче до небес.

Но так сложилось, что очень многие исследователи творчества Данте, начиная с самых первых, тщательно и аргументированно доказывали, что никакой дамы по имени Беатриче в жизни великого поэта не существовало и что в виде прекрасной дамы он вывел некий символ, аллегорию или что-нибудь еще в этом роде. Образ Беатриче у разных философов и исследователей означал: Мудрость, Императора, идеальную Церковь, Мысль, сектантские воззрения Данте, его душу, интеллект, просто некую идеальную женщину и многое другое. Выдвигались даже предположения, что Данте считал Беатриче

неким воплощением Бога. Ну и наконец, есть теория, отталкивающаяся от простого перевода ее имени — «блаженство». Причем под блаженством в данном случае понимается религиозная благодать. Впрочем, эта теория может казаться разумной лишь теологам, потому что при переносе на грешную землю она не выдерживает никакой критики.

> Но даже если допустить, что Данте признавал существование лишь одного блаженства, что это доказывает в отношении Беатриче? Тот факт, что имя «Беатриче» означает «блаженство», не дает оснований заключать, что не существовало женщины, носившей это имя и любимой Данте. Можно любить женщину по имени Блаженство; можно даже любить ее, помимо прочих резонов, потому что ее зовут Блаженством; наконец, можно любить женщину и называть ее Блаженством, потому что в любви к ней обретаешь счастье, а имя «Беатриче» как раз и означает «приносящая счастье». Но всё это вовсе не опровергает реального существования женщины. Отзвуки, пробуждаемые женским именем, не чужды любви, которую вызывает женщина. Понятно, что женщина по имени Беатриче, Блаженство, могла быть не просто прекрасной возлюбленной, но и носить прекрасное имя для такой жаждущей счастья души, какой была душа Данте. Понятно, в качестве параллели, что Петрарка, страстно мечтавший о поэтических лаврах, мог влюбиться в Лауру. Но если, исходя из имени, делать вывод, что Беатриче была просто блаженством, придется параллельно заключить, что Лаура Петрарки была просто лавром.
>
> *Э. Жильсон. «Данте и философия».*

Но почему же все-таки многие теологи, философы, историки и литературоведы так упорно ищут в образе Беатриче скрытый смысл и не желают верить в то, что она могла быть всего-навсего обычной земной женщиной?

> Я думаю, что этот сюжет составляет самую суть всех споров между эрудитами о реальности или ирреальности Беатриче. За всеми аргументами о. Мандонне (Орден проповедников) кроется изумление перед тем фактом, что благоразумный человек, каким, несомненно, был Данте, мог так превозносить женщину. Это не

укладывается в голове. Для безупречного монаха, каковым был о. Мандонне, религиозное призвание имело значимость, не сопоставимую с любовью. Поэтому он считал, что разъясняет «Новую жизнь», когда сделал из Беатриче объект такого пыла, каким может пламенеть духовный человек, оставаясь разумным и не впадая в безумие.

Случай о. Мандонне — крайний, но не единственный. Более того, таких примеров немало. Почти все интерпретаторы, усматривающие в персонаже Беатриче всего лишь символ, занимают примерно такую же позицию; да и другие литературные героини, помимо Беатриче, вызывали такое же недоверие. Возможно ли поверить, что разумный человек мог дрожать, пылать, лишаться чувств, почти умирать из-за девушки, потом женщины, которая никогда не подала ему ни малейшей надежды и с которой он, судя по всему, даже не пытался заговорить? Беатриче умирает, но Данте продолжает ее любить и превозносит выше, чем когда-либо. Данте женится, становится отцом семейства, но по-прежнему любит Беатриче. Все это побуждает нас спросить себя: а мог бы я в подобных обстоятельствах любить женщину с такой же силой и с таким же постоянством? Ответ: нет. Отсюда мы тотчас делаем вывод, что и Данте никогда так не любил никакой женщины. Остается отыскать, что же могло обозначать для Данте женское имя, которое никогда не было именем женщины. Отсюда берет начало та череда Беатриче, которые не были Беатриче: священническое призвание Данте, вера, теология, благодать, империя, францисканская духовность иоахимитов, свет славы, альбигойская ересь или активный интеллект.

К неправдоподобию реальности Беатриче добавляется другое неправдоподобие — универсальность встающей здесь проблемы. Петрарка любил Лауру. Идет ли речь о Лауре де Нов или о другой женщине, и звалась ли она Лаурой или нет, не так уж важно. Важно то, что Петрарка в течение многих лет любил одну и ту же женщину, сначала молодую и в расцвете красоты, потом постаревшую, поблекшую от болезни и многочисленных родов, наконец умершую; любил, несмотря на то, что не только ничего не получил от нее взамен, но даже когда просил о самом невинном утешении, она ему отказывала. В обоих случаях перед нами одна и та же

длительная страсть поэта к женщине, которую он воспевает, одно и то же отсутствие плотских последствий этой страсти и, судя по всему, одно и то же согласие любимой женщины принимать любовное прославление, которому, если бы она этого действительно хотела, был бы, вне всякого сомнения, незамедлительно положен конец.

Но Лаура в самом деле существовала. В «Secretum» («Моя тайна») Петрарка точно описал свои чувства к ней, не оставляющие никаких сомнений. Он ее добивался, она ему отказала. Таких отказов не принимают от мифа. Почему бы и Беатриче тоже не существовать?

Быть может, эти колебания объясняются просто тем, что произведения искусства, созданные людьми искусства и для целей искусства, в конце концов неизбежно становятся объектами исследования со стороны рафинированных ученых и профессоров? Этот факт очевиден, а его последствия катастрофичны…

…Чтобы избежать деформаций, которым подвергает шедевры профессиональный подход со стороны множества профессоров-историков, следовало бы ввести изучение психологии художника. К несчастью, в рамках психологии, этой довольно-таки сумбурной дисциплины, психология художника отнюдь не составляет исключения. Лишь немногие психологи были художниками, а те немногие художники, которые могли бы считаться психологами, творят лучше, чем анализируют. Тем не менее создается впечатление, что здесь, в случае Данте и Петрарки, мы различаем нечто вроде особой разновидности чувства: в нем любовь настолько срастается с творческой деятельностью художника, что становится невозможным представить одно без другого. Разумеется, художник — тоже человек. Он может любить, как и другие, может уступать позывам самого обыкновенного плотского влечения, стремиться к покою и безмятежности взаимной супружеской любви, — короче говоря, жить как художник и любить как человек. Но он способен также любить как художник, ибо ему необходима некая эмоция или страсть, чтобы высвободить творческую мощь. Разумеется, и эта любовь не отделена от плоти, как и другие виды любви, но вовсе не обязательно ее должно сопровождать плотское удовлетворение; более того, чтобы эта любовь длилась, часто даже полезно, чтобы ей было в этом отказано.

Шарлота фон Штайн и Христиана Вульпиус сыграли разные роли в жизни Гёте: та, которая была его музой, не стала той, на которой он женился. Генрих Гейне женился на Матильде Мира, но Камилла Зельден, Мушка, вызывала у него совсем другое чувство. Рихард Вагнер, безусловно, любил Минну Планер и еще больше Козиму Лист, на которых был женат, — но не так, как любил Матильду Везендонк и, может быть, в меньшей степени Юдифь Готье. Совершенная муза дарит каждому из любящих ее людей то, чего он от нее ждет: Вагнеру — «Тристана» и «Нюрнбергских мейстерзингеров», Везендонку — ребенка.

Когда люди искусства ближе к нам по времени и когда они более охотно рассказывают о себе, мы узнаем их несколько лучше, чем их предшественников. Вероятно, великие творцы довольно похожи между собой, несмотря на разделяющие их столетия, и поэтому благодаря одним мы можем кое-что понять в других. Рихард Вагнер выразил эту мысль в общем виде: «Мои поэтические представления всегда предшествовали моему практическому опыту, причем настолько, что я должен считать свое нравственное развитие всецело обусловленным ими». Трудно показать яснее, что жизненные ситуации не объясняют творений Вагнера, но сами объясняются ими.

Неизбежно огрубляя, можно сказать, что художник воспринимает жизненные ситуации как материал для возможных творений, и что именно для наилучшего осуществления этих творений он ставит себя в эти ситуации. В действительности дело обстоит сложнее…

…Проблема еще более усложнится, если к изучению поэта добавить изучение его музы. Здесь документы еще более редки. Ими также опаснее пользоваться, ибо музы, как правило, пишут мемуары, лишь перестав быть музами… Однако ничтожество посредственных муз не дает нам права пренебрегать ролью муз выдающихся — тех, которые, изначально вступая в игру, умеют не только участвовать в ней, никогда ей не отдаваясь, но и вести ее: они входят в нее ровно настолько, чтобы побудить художника завершить произведение, которое тот носит в себе и от которого только они могут его освободить…

…Поэтому, думаю, вовсе не пустое дело — говорить о некоей разновидности любовной страсти, которая у

художника становится частью творческого процесса: ее длительность, ритм, собственная жизнь не сопоставимы с тем, что обычно называют любовью…

Чему нас учит все это относительно Данте и Беатриче? Признаюсь: абсолютно ничему. По крайней мере ничему такому, что я мог бы объяснить тем, кто сам этого не видит. В этих историях все выглядит так, словно принцессы вдохновляют поэтов тем сильнее, чем они недоступнее. Можно сказать, что со времен куртуазной любви и до наших дней творческий инстинкт поэтов защищал от них самих животворные эмоциональные источники их искусства, выбирая те из них, которые были им недоступны. Конечно, я не считаю невозможным, чтобы муза художника была всецело порождена его воображением. Но даже когда она существует в реальности, именно он творит ее как музу.

Не менее верным остается и то, что во все времена, и, видимо, прежде всего, хотя и не исключительно, среди певцов любви некоторые взращивали, лелеяли, культивировали в себе страсть, необходимую для рождения их творений. Будучи менее плотской, эта страсть была бы бесплодной; будучи удовлетворенной, она угасла бы — и действительно угасала всякий раз, когда, овладевая своей недоступной принцессой, поэт умирал. Когда же поэт имел счастье или мудрость обнимать лишь свое чувство, он создавал свое творение, а вместе с ним — если она существовала — и свою музу. Те, кто говорил, что никогда в мире не существовало такой женщины, как Беатриче Данте, были бы правы, если бы Данте и его творчество не составляли части мира; но это не доказывает, что женщина, которую Данте сделал своей Беатриче, никогда не существовала. Те, кто говорит, что такая любовь, как у Данте к героине «Новой жизни» и «Божественной комедии», неправдоподобна, вполне правы; но ведь и «Новая жизнь», и «Божественная комедия» тоже были неправдоподобны, пока Данте их не написал, — а ведь они существуют. Вероятность любви Данте к Беатриче должна с полным правом представляться нам равной вероятности того, что мы пишем о двух шедеврах, ею вдохновленных.

Э. Жильсон. «Данте и философия».

Но вернемся к смерти Беатриче, после которой Данте впал в глубокую печаль, проводил дни и ночи в слезах и сочинял стихи,

в которых предрекал, что на небесах Беатриче воссияет среди ангелов. Он утешал себя тем, что этот мир был слишком несовершенен для его идеальной дамы и что теперь она там, где ее настоящее место.

> Данте подводит читателей «Новой Жизни» к мысли о том, что смерть Беатриче была как раз такой акцией высшей справедливости и ему как поэту оставалось лишь воспеть ее, не неся ответственности за саму «ангелизацию». Но в то же время им сделаны уже решающие шаги к концепции «Божественной Комедии»: в отличие от своих современников он не только возносит Даму буквально до небес, но и предполагает, что она с самого начала была их обитательницей, ибо она — Беатриче (что значит «благодать»), «девятка» (самораскрытие Троицы). Следовательно, ее путь с земли на небо — отражение ее пути с неба на землю, предначертанного Богом.
>
> *А. Л. Доброхотов. «Данте Алигьери».*

Кстати, в XXXII главе «Новой жизни» он упоминает, что в этот период скорби к нему пришел друг, который был ближайшим родственником его умершей возлюбленной, и попросил сочинить о ней стихи. Разумеется, Данте исполнил его просьбу и сразу же написал сонет, а потом, после некоторых раздумий — еще и канцону, начинающуюся словами «Который раз, увы, припоминаю, что не смогу увидеть Прекрасную…» До создания бессмертной «Божественной Комедии» было еще немало лет, но можно легко заметить, что в финале этой канцоны явственно звучат мотивы будущего «Рая».

> Ее красу не видит смертный взор.
> Духовною она красою стала
> И в небе воссияла,
> И ангелов ее восславил хор.
> Там вышних духов разум утонченный
> Дивится, совершенством восхищенный.
>
> *«Новая жизнь».*
>
> *Перевод И. Н. Голенищева-Кутузова*

> Когда сквозь дымку туч проглянет солнце вдруг,

Является порой покрыт цветами луг, —
Так сонмы светочей увидел я, сиявших
В лучах, которые струились с высоты;
Источника лучей, их ярко озарявших,
Меж тем не видел я. О Добродетель, Ты
В величии Своем так вознеслась высоко,
Дабы не ослепить мое земное око.
Меж этих радостно светящихся огней
Искал я в пламени, сияющем ясней, —
Цветок божественный, к которому с зарею
Дня восходящего и позднею порою
Привык с молитвою взывать я. И, когда
На небе и земле царящая звезда
Предстала мне в красе своей неизреченной,
Увидел я вверху, над этою священной
Звездою, огонек: вращаясь без конца,
Он осенил ее подобием венца.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

После смерти Беатриче Данте, по его собственному признанию, год переживал свою потерю, писал стихи и предавался печали. Но однажды он поднял глаза и вдруг увидел какую-то прекрасную благородную даму, которая смотрела на него с таким сочувствием, что он даже очнулся от апатии. Первоначально он пытался избегать встреч с этой дамой, потому что она смущала его и отвлекала от горестных мыслей. Но потом ее нежные сочувственные взгляды все же сломили лед, в который он пытался заковать свое сердце, и Данте посвятил ей сонет, в котором восхищался ее милосердием и признавался, что не может запретить своим глазам смотреть на нее. Правда, в следующем сонете он уже упрекал самого себя за ветреность.

Но, несмотря на укоры совести, он продолжал проникаться нежными чувствами к сострадательной даме и говорил себе, что, возможно, она явилась по воле Амора, чтобы утешить его.

Затем в «Новой Жизни», написанной (скорее составленной, так как стихи возникли ранее) через год после смерти Беатриче, описывается покаяние Данте и его возвращение к Беатриче. Он снова проливает слезы, снова мучается денно и нощно, и муки его усугублены его краткой изменой. Наконец, Данте повествует о

пилигримах, направляющихся в Рим, которых он встретил на улицах Флоренции. По этому поводу он пишет сонет, в котором со свойственным ему преувеличением уверяет, что, если бы печальная весть о смерти Беатриче коснулась ушей этих странников, пришедших из неведомых и далеких стран, они наполнили бы Флоренцию рыданиями. Следует также рассказ о неких благородных дамах, которые попросили Данте написать стихи. Данте послал им один из своих сонетов, посвященных Беатриче, написанный после ее смерти, и новый сонет — апофеоз возвышенной дамы на небесах.

За сферою предельного движенья
Мой вздох летит в сияющий чертог.
И в сердце скорбь любви лелеет бог
Для нового вселенной разуменья.

И, достигая область вожделенья,
Дух-пилигрим во славе видеть мог
Покинувшую плен земных тревог,
Достойную похвал и удивленья.

Не понял я, что он тогда сказал,
Столь утонченны, скрытны были речи
В печальном сердце. Помыслы благие
В моей душе скорбящей вызывал.
Но Беатриче — в небесах далече —
Я слышал имя, дамы дорогие.

После этого Данте явилось «чудесное видение».

В этом видении, говорит он, «в котором я узрел то, что заставило меня принять решение не говорить больше о благословенной, пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно. Чтобы достигнуть этого, я прилагаю все усилия, о чем она поистине знает. Так, если соблаговолит тот, кто все животворит, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, приснoблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей лик того, кто благословен во веки веков». Таким образом, Данте на последней странице «Новой Жизни»

обещает, что скажет о Беатриче «то, что никогда не было сказано ни об одной женщине».

В следующем крупном произведении Данте, «Пире», неожиданно оказывается, что сострадательная дама была аллегорической, а не реальной женщиной и представляла собой Философию. Но в «Божественной Комедии» он все же признает, что после смерти Беатриче у него были обычные земные увлечения реальными женщинами. Вероятнее всего, финал «Новой Жизни», в котором ему явилось чудесное видение, был написан им позже основной части, скорее всего даже после того, как он создал «Пир». Уж очень он отличается своей холодноватой академичностью от проникновенных и пронизанных чувствами первых глав. Многие исследователи творчества Данте считают, что в первоначальном финале «Новой Жизни» сострадательная дама все же утешала его в его потере, и даже строят предположения, кем она могла быть — в то, что это была лишь аллегория Философии, поверить еще сложнее, чем в то, что Беатриче — аллегория Блаженства.

В XIX веке была выдвинута любопытная и выглядящая достаточно достоверной теория, что сострадательная дама была невестой, а впоследствии и женой Данте, Джеммой Донати. Тем более что по хронологии это вполне совпадает — по свидетельству Боккаччо Данте женился через год после смерти Беатриче, то есть как раз тогда, когда, по его собственному признанию, он проникся нежными чувствами к сострадательной даме. Влюбленный в Беатриче, Данте мог не обращать никакого внимания на собственную невесту, на которой ему в любом случае пришлось бы жениться, хочет он того или нет. Но потеряв возлюбленную и оплакав ее, он вполне мог сблизиться с Джеммой, если она проявила достаточно такта, сострадания и любви. Впрочем, в любом случае это только предположение, основанное на достаточно расплывчатых фактах. Была Джемма той самой сострадательной дамой или нет, единственной музой Данте навсегда осталась Беатриче.

О, яркий блеск божественного света!
Найдется ли меж теми, для кого
Парнаса тень убежищем служила,
Кого струя поэзии вспоила,
Хотя один, кто не был бы смущен,
Когда б тебя попробовал такою
Изобразить в своей поэме он,
Какою ты явилась предо мною,
Там, где тебя, прозрачна и светла,

Гармония небес обволокла,
Подобно дымке легкой покрывала,
Такою мне ты в воздухе предстала.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Политика

Я отвечал: — Растроган я сердечно
Страданьями твоими, но когда,
Поведай нам, окончится вражда.
Которая терзает бесконечно Флоренцию?
Что вызвало раздор? — Ответил он:
— «Польется кровь ручьями,
И партия лесная даст отпор
Противникам и будет над врагами
Торжествовать в течение трех лет.
Но тут пришлец появится меж нами,
Которого в стране покуда нет,
И перевес в борьбе доставит Черным.
Их партия насилиям позорным
Подвергнет всех враждебных ей в краю.
Вот почему в тоске я слезы лью.
Во всей стране есть праведников двое,
Но гражданам неведомы они,
И раздувают пламя роковое
Во всех сердцах три адских головни:
Гордыня, зависть и любостяжанье».

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Бурные события политической жизни Флоренции не могли не повлиять на жизнь Данте. Ведь, как уже говорилось, каждый мальчик, появлявшийся в любой из знатных семей этого великого города, с рождения принадлежал к какой-либо партии. Даже те, кто не желал вмешиваться в политику, все равно во многом зависели от нее, ведь победы или поражения их партии означали, станут их друзья и родственники управлять Флоренцией или вынуждены будут бежать на чужбину. Ну а Данте с его пылким нравом, с его страстностью и непримиримостью, тем более не мог остаться в стороне от событий, в которых решались судьбы его родины и его друзей.

Ему повезло в том, что период его молодости выпал на достаточно мирные времена, когда гвельфам и гибеллинам приходилось сосуществовать относительно спокойно. В такой атмосфере Данте и сложился как поэт. Неизвестно, какой была бы

его поэзия, если бы Флоренция в очередной раз превратилась в кипящий котел на несколько лет раньше. Но судьба распорядилась так, что первый раз он принял активное участие в политических событиях, когда ему уже исполнилось двадцать четыре года. В это время началась война между Флоренцией и ее юго-восточным соседом, городом Ареццо, где у власти были гибеллины. Закончился этот конфликт тем, что флорентийские войска нанесли аретинцам сокрушительное поражение в битве при Кампальдино. Ареццо потерял значительные территории, его роль на политической арене Центральной Италии стала падать, а роль Флоренции соответственно еще больше возросла.

Ни в одной из дошедших до нас хроник не упоминается имени Данте среди участников Кампальдинского сражения, что и понятно: он был слишком молод и мало кому известен. Правда, гуманист Леонардо Бруни утверждал, что читал собственноручное письмо Данте с описанием этой битвы. Данте писал, что, хотя со дня Кампальдинского сражения, в котором он участвовал будучи уже не ребенком, а юношей, прошло десять лет, он хорошо помнит страх, который он испытал в начале боя, сменившийся потом, в конце битвы, радостью. Свидетельство биографа Данте, жившего веком позже, подкрепляется свидетельствами самого Данте, которые мы снова находим в «Божественной Комедии». В пятом рву ада предводитель чертей, желая напугать Данте, изобразил из собственного зада трубу. Звук этой бесовской трубы вызывает в Данте воспоминания о трубных звуках Кампальдино, о битвах и походах.

Видал не раз я конную дружину,
Когда она с врагом вступала в бой
И вслед за тем показывала спину;
Видал еще, как всадники гурьбой
При звуках труб и барабанном треске
Все на турнир спешили в полном блеске;
Видал я рать, чинившую разбой
В окрестностях Ареццо, но доселе
Ни с корабля, в виду опасной мели,
Ни при осаде вражьих крепостей,
Я не слыхал подобного сигнала,
Какой теперь услышал у чертей.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

После войны Данте вернулся во Флоренцию, и на какое-то время жизнь его вновь потекла по привычному руслу — он писал стихи, занимался философией и без особого энтузиазма вел необходимые домашние дела. К тому же он женился, и, видимо, первые годы его брак был достаточно счастливым — во всяком случае, не известно ничего, что могло бы свидетельствовать об обратном, ведь будь Данте несчастен, он по своей привычке выплескивать эмоции в стихах не преминул бы написать сонет или канцону о своей несчастной доле. Между тем его известность как поэта и философа росла. Когда весной 1294 года через Флоренцию проезжал Карл Мартелл, сын Карла II Неаполитанского, Данте был включен в почетный эскорт, отправленный его встречать, и это знакомство произвело на них обоих большое впечатление. Молодой король любил поэзию и искусство, и, его конечно, восхитили стихи Данте. А тот, в свою очередь, вживую увидел настоящего просвещенного государя, о каком всегда мечтали люди искусства. Если бы Карл Мартелл прожил подольше, вероятно, вся жизнь Данте сложилась бы по-другому, и ему не пришлось бы стать изгнанником. Но к сожалению, Карл умер в возрасте двадцати трех лет, а его брат, Роберт Анжуйский, стал одним из главных недругов Данте.

Отзвук этих сожалений Данте о рано угасшей жизни и о том, как это повлияло на его собственную судьбу, можно увидеть в восьмой песне «Рая», где он встречает Карла Мартелла на небе Венеры.

На духа я взглянул, чей ласковый привет
Меня порадовал. — Кто ты? — спросил я духа
С сердечной теплотой. И сказанные мной
Слова приветствия едва коснулись слуха,
Как тут же просиял он радостью двойной
И мне ответил так: — «Немало бед различных
Предотвратил бы я, когда б среди людей
Прожил я долее. Как в нитях шелковичных
Червяк скрывается, так посреди лучей
Блаженства моего укрыт я от очей.
Но ты любил меня, любил не без причины,
И если б отдален был час моей кончины
И цели я достиг желаний и трудов —
Отведал бы и ты любви моей плодов.
На левом берегу, что омывает Рона,

Сливаясь с Соргою, я был наследник трона;
Принадлежало мне Авзонии крыло
Там, где цветут Бари, Гаэта и Кротона
И в море две реки прозрачных, как стекло,
Бегут вдоль берегов. Венчала мне чело
И придунайских стран блестящая корона,
А та Тринакрия, прекрасная страна,
Приманкой дивною служащая для взора,
Которая в краю лишь том омрачена,
Где грозно высятся Пакино и Пелоро
И Эвром гладь волны сильней возмущена
(Чему причиною — не тщетные усилья
Тифея мощного, но серы изобилье),
Ждала бы и досель Сицилии страна
Наследников моих, от Карла порожденных
И знаменитого Рудольфа королей, —
Когда б наместники жестокостью своей
Не раздражили все туземцев побежденных
И крик не раздался среди Палермо: «Бей!»
О, если б в будущем читал мой брат свободно —
То в Каталонии с доверием слепым
Он не отнесся бы к сынам ее скупым,
Его к погибели приведшим безысходно.
Он остерегся бы так погружать свою
И без того тяжелую ладью.
Из щедрого скупым он стал неблагородно,
Затем, что видел он друзей своих вокруг,
Мечтавших об одном: набить себе сундук».
— О повелитель мой, — сказал я, — радость эту,
Которой твоему обязан я ответу, —
Ты видишь и ее ты созерцаешь в Нем,
Кто блага всякого в величии Своем —
Начало и конец, и эта радость вдвое
Дороже для меня при мысли, что достиг
Ты горней высоты, где созерцаешь Лик
Пресветлый Господа…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Кроме поэзии, бытовых дел и политики Данте после смерти Беатриче занимался еще и философскими исканиями. Вероятно, не найдя утешения в материальной жизни, он пытался отыскать

его в жизни духовной, увидеть смысл бытия и утешиться в своей потере. В частности, он начал посещать монастыри Санта Мария Новелла и Санта Кроче, где впервые познакомился с очень популярным у францисканцев учением иоахимитов-спиритуалов.

Многое роднило автора будущих инвектив против развращенных сановников церкви и с крайним направлением в францисканстве, братьями-фратичелли, которые ходили босые и проповедовали против папы-антихриста, особенно с тех пор, как на престол св. Петра воссел Бонифаций VIII. Фратичелли и спиритуалы, так же как и Данте, ожидали прихода в Италию императора, надеясь, что он положит конец бесчинствам высшего клира церкви, который присвоил деньги нищих и сирот и нарушил все заветы основателя христианства.

Данте стал постоянным посетителем нищенствующих орденов, надеясь найти истину, которую ему не открыли строгие болонские профессора. О своих исканиях мудрости Данте спустя несколько лет расскажет в «Пире»: «Как только я утерял первую радость моей души, о которой упоминалось выше, меня охватила такая тоска, что всякое утешение было бессильно. Однако через некоторое время мой ум, искавший исцеления, решил, убедившись в бессилии уговоров как собственных, так и чужих, вернуться к тому способу, к которому прибегали для утешения многие отчаявшиеся; и я принялся за чтение книги Боэция, в которой он себя утешил, пребывая в заключении и будучи всеми отвергнут. Услыхав также, что Туллий (Цицерон) написал книгу, в которой, рассуждая о дружбе, стремился утешить достойнейшего мужа Лелия по поводу смерти его друга Сципиона, я принялся читать и ее. И хотя мне поначалу трудно было проникнуть в смысл этих книг, я наконец проник в него настолько глубоко, насколько это позволяло мне тогдашнее мое знание грамматики и скромные мои способности; благодаря этим способностям я многое, как бы во сне, уже прозревал, — что можно заметить в «Новой Жизни». И подобно тому, как бывает, что человек в поисках серебра нежданно находит золото, даруемое ему сокровенной причиной, быть может, не без воли Божьей, я, пытаясь себя утешить, нашел не только лекарство от моих слез, но также списки авторов наук и книг. Изучив их, я правильно рассудил, что философия, госпожа этих

авторов, повелительница этих наук и книг, — некое высшее существо. И я вообразил ее в облике благородной жены и не мог представить себе иначе как милосердной, поэтому истинное зрение во мне любовалось ею столь охотно, что я едва мог отвести его от нее. И под действием этого воображения я стал ходить туда, где она истинно проявляла себя, а именно в монастырские школы и на диспуты философствующих. В короткий срок, примерно в течение тридцати месяцев, я стал настолько воспринимать ее сладость, что любовь к ней изгоняла и уничтожала всякую иную мысль».

За два с половиной года своих занятий Данте познакомился с сочинениями Бернарда Клервосского, писавшего замечательнейшей латинской прозой. Кто-то справедливо заметил, что если бы Бернард писал по-французски или по-провансальски, а не по-латыни, он был бы величайшим трувером Франции. Данте привлекали ученые труды Альберта Великого, одного из первых европейских Фаустов, который соединял в себе архиепископа и мага, естествоиспытателя и толкователя Аристотеля. Он читал столпа схоластики Фому Аквинского, интересуясь главным образом его комментариями к «Этике» Аристотеля; «Этика» станет одной из самых любимых книг Данте. Как бы ни увлекался Данте учением малых братьев и иоахимитов, решающую роль в формировании его мировоззрения сыграло изучение Аристотеля, которого в то время именовали просто Философом. Отзвуки этих усиленных штудий мы найдем не только в «Пире», но и в других произведениях, написанных в изгнании, а также в «Божественной Комедии». Данте усовершенствовал свои знания латинского языка и уже свободно читал Цицерона, Боэция и античных латинских поэтов.

Мы не можем здесь останавливаться с подробностями на влиянии этого периода на Данте, но заметим, что образ Катона Утического, который в произведениях Данте займет значительное место, зародился именно в эти годы. Язычник, покончивший с собой, чтоб не подчиниться тирании Цезаря, в проповедях доминиканца Ремиджо Джиролами ставился рядом с библейскими праведниками, с Фомой Кентерберийским, злодейски убитым неправедным королем Англии Эдуардом, и с Людовиком IX Французским, умершим в крестовом походе. Это

очарование образа Катона было столь сильно, что Данте сделал его стражем Чистилища, несмотря на то, что он не был христианином. Велико было и влияние на Данте францисканцев. Данте, несомненно, знал Убертино да Казале, который в 1305 году, удалившись на гору Альверно в Апеннинах, написал по-латыни трактат «Древо жизни», произведение по своим идеям еретическое.

Весьма возможно, что Данте слышал у францисканцев легенду о Гончем Псе, который восстановит порядок в Италии и прекратит бесчинства папского престола. В воображении поэта мешались образы из пророчеств Иоахима и проповедей брата Ремиджо, древнеримские сивиллы и волшебник Мерлин из легенд о короле Артуре. Но постепенно Данте отрывался от монастырской среды, все больше уединяясь с любимыми книгами: Вергилием, «Этикой» Аристотеля, Боэцием, Цицероном. В конце этого периода Данте посещал также часто церковь августинцев, где происходили философские и богословские диспуты.

Может быть, непосредственно после этих философских увлечений Данте подружился с одним из родственников своей жены — Форезе Донати. Это был веселый человек, склонный к выпивке, обжора и гуляка, к тому же остроумный сатирический поэт. Его мало интересовали проповеди брата Джованни Оливи и споры у августинцев. Не знаю, чем он понравился Данте, который стал с ним исчезать из дому.

Улицы Флоренции конца XIII века были плохо освещены, лишь кое-где из полумрака мигали огни таверн. Ходить невооруженным было опасно: Флоренция славилась на всю Италию своими ворами, которые совершенно незаметно умели срезать с поясов кошельки с деньгами. Вечерами на двух или трех флорентийских площадях, а не только в кабаках играли в кости и в другие азартные игры, причем нередко дело доходило до поножовщины. У каждого флорентийца висел на поясе кинжал. Допущены были и публичные дома, которые строго проверялись специальной полицией здоровья. Их разрешалось устраивать только вдали от церквей, чтобы не оскорблять святые места. Все это мало походило на идеализированную Флоренцию, «с серебряными стенами, мощенную кристаллом», которую воспел друг Данте Лапо Джанни.

Форезе и Данте сидели в одной из многочисленных таверн Флоренции, пили вино и вели остроумные и не всегда пристойные беседы. Форезе знал наизусть всю ту стоящую особняком тосканскую поэзию, для которой историки литературы не находят названия, обычно именуя ее комическо-реалистической. Поэзия эта была порождена чисто городской средой, загулявшими купчиками, готовыми промотать отцовское состояние, бездельниками, одаренными острым умом, но которым не хватало характера заняться чем-либо серьезным. В этой поэзии мы видим тот мир, из которого вышли новеллы Боккаччо…

Приятели, Форезе и Данте, затеяли переписку-перебранку в стихах. Первым задрался Данте. Фамильярное прозвище Форезе было Биччи (что значит «башенка» или «домишко»). Нужно сказать, что прозвища были очень распространены во Флоренции. Данте уверял, что бедный Биччи так беден, что зимою в его комнатах все замерзает от стужи. На самом же деле все происходит не в декабре, а в августе. Несчастная жена Биччи простужена и кашляет. Одеяло ее столь коротко, что она принуждена надеть чулки, чтоб не замерзнуть. Муженька, как обычно, нет дома — его место в постели пусто, он, верно, удрал куда-нибудь пьянствовать. Появляется теща и причитает: зачем она выдала свою дочь за Форезе, а не за одного из графов Гвиди (вероятно, Гвидо Новелло, умершего в 1293 году). Графы Гвиди были мощные феодалы, у которых были замки и владения в верхней долине Арно. На самом деле, конечно, еще не старая жена Форезе вовсе не страдала так от бедности, и весьма возможно, что у Форезе в кармане водилось больше денег, чем у Данте. Но таков был стиль поэтического препирательства, допускавший всякие преувеличения в целях усиления комического.

Форезе Биччи делает вид, обращаясь к Данте в ответном сонете, что он действительно беден. Если он ни свет ни заря убежал из дому, то лишь потому, что ему было нечем укрыться. Пошел он не зря, а стремясь что-либо промыслить. Он очутился на кладбище, где думал найти клад, но вместо денег нашел покойного Алигьери, отца Данте, связанного Соломоновым узлом. Тут Форезе испугался и перекрестился, тень старичка стала молить, чтобы он развязал ее и спас от узла. Форезе не справился с этой задачей и побрел домой. Метафорически узел

Соломона мог означать те обязательства по ростовщичьим делам, от которых и после смерти не мог освободиться старый Алигьери. В испуге Форезе побрел домой.

Средь ночи кашель на меня нашел,
Укрыться было нечем — вот причина,
И я не выспался, но все едино
Чуть свет уже на промысел пошел.

Понять нетрудно, до чего я зол:
Ведь вместо клада — что за чертовщина! —
Или хотя бы одного флорина
Я Алигьеро средь могил нашел.

Он связан был, и узел был мудреный,
Не знаю — Соломонов иль другой,
И тут я на восток перекрестился.

«Из дружбы к Данте, — старикан взмолился, —
Освободи от пут!» Но узел оный
Не одолел я и побрел домой.

Обозленный Данте ответил своему насмешливому приятелю, что за обжорство ему придется подписывать на пергаменте векселя и что в конце концов он очутится в долговой тюрьме. Тогда Форезе предлагает Данте вернуть в Сан Галло все, что он оттуда взял, это лучше, чем глумиться над собственной бедностью. Сан Галло, известная во Флоренции больница для бедняков, и богадельня Санта Мария помещались в пригороде Сан Галло, за городскими стенами. Форезе задели нападки Данте, и он бросает гневно своему родственнику: «Мы нищие, зачем же, объясни, у нас ты деньги клянчил?» Здесь неясный намек на то, что у брата и сестры Данте — Франческо и Таны (Гаэтаны) больше средств, чем у самого Данте, и что он хочет, чтоб они его содержали. Форезе предрекает Данте печальный конец в богадельне около Порте Пинти. Насмешка Форезе особенно зла и полна пренебрежения к семье Алигьери, так как этот приют для нищих был основан в XI веке семьей Донати, которая оказывала ему помощь и в XIII веке. Сонет кончается: «Я вижу в Пинти божий дом, где трое из одной тарелки жрут, а третий Данте — в одежонке

драной». Тогда Данте окончательно разъярился и написал сонет, в котором подвергается сомнению даже супружеская верность матери его адресата, Монны Тессы:

О Биччи Новый, сын — не знаю чей
(Все ждем, чтоб Монна Тесса нам сказала!),
Ты, отправляя в глотку что попало,
Небось ограбил множество людей.

За кошельки хватается скорей
Народ, завидев издали нахала,
И говорит: «Теперь пиши пропало!
Уродец этот — жуткий лиходей!»

И тот, который для злодея — то же,
Что для Христа Иосиф, сна лишен,
Боясь, что влипнет сын его пригожий.
Порочны братья, Биччи развращен:
Разбойничая, лезут вон из кожи
И жен законных держат не за жен.

В ответе Форезе много неясностей, но суть выражена в стихе:

Известно мне, ты — Алигьери сын.

Затем говорится о каких-то неудачных операциях старого Алигьеро Алигьери, который менял золотой (аквилин); далее Данте упрекается в трусости и в том, что он бесчестно заигрывает со своими врагами.

Конечно, портрет, нарисованный Форезе, не соответствовал гордому характеру Данте, и в этом поэтическом диалоге была крайняя сатирическая гиперболизация, оскорбляющая и унижающая.

Но видимо, несмотря на все ссоры, Данте искренне любил беспутного Форезе Донати, поэтому в «Божественной Комедии» поместил его не в ад среди чревоугодников, чего тот в общем-то вполне заслуживал, а в чистилище. И там же он с огромным уважением упоминает Неллу Донати, над которой смеялся в первом сонете их с Форезе сатирического спора.

Но дух один, из глубины орбит,
К нам обратил глаза и громогласно
Проговорил: — «Какая милость мне Дарована?» —
Изменены вполне
Черты его казались, и напрасно
Глядел я в них, по голосу же ясно,
Как будто искрой света озарен,
Я в призраке узнал Фарезе сразу.
Тогда с мольбой мне тихо молвил он:
— «Не обращай вниманья на проказу,
Которою весь лик мой изменен,
На тощее и высохшее тело,
Но мне скажи, растрогавшись мольбой:
Кто эти два, идущие с тобой?»
— В тот час, когда навеки отлетела
Душа твоя, — ему ответил я, —
Не меньше я оплакивал тебя,
Чем в этот миг, но мною овладело
Желанье знать, что изнуряет вас?
И ни о чем другом не в состоянье
Я говорить и мыслить в этот час.
Ответил он: — «За грех невоздержанья
Решеньем справедливого суда
Заключены надолго мы сюда,
И причиняют жгучее терзанье
Нам вид плодов и чистая вода.
Но их зову терзаньями напрасно;
То, что влечет на эти муки властно, —
Есть тот порыв, святая воля та,
Что привела к распятию Христа,
Когда к Отцу взывал Он в муках: «Боже!»
И молвил я: — Едва прошло пять лет
С тех пор, как ты покинул грешный свет
Для жизни новой лучшей. Отчего же
Так скоро ты сюда подняться мог?
Мне думалось: пока не минет срок —
В кругах влачишь ты покаянья бремя,
Где времени утрату только время
Вознаградить способно. — И такой
Он дал ответ: — «Слезами и тоской,
Молитвами возлюбленная Нелла
От адских мук спасти меня успела.
Угодней тем Творцу моя жена,
Что в той стране едва ли не одна

Чиста она меж этих невозвратно
Утративших свою стыдливость жен,
Чьей наглостью бывал я поражен».

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Где-то в начале 90-х годов XIII века Данте записался в цех медиков и аптекарей. Это не означало, что он стал врачом или начал торговать за прилавком фармацевтической лавки. Просто в то время все флорентийцы, не являвшиеся магнатами, но обладавшие определенным имущественным цензом, обязательно старались быть приписаны к какому-нибудь цеху, потому что только члены цеховых корпораций считались полноправными гражданами. Поэтому в цехах состояли не только те, кто на самом деле занимался торговлей, делами или каким-либо ремеслом, но также и их родственники, компаньоны, вложившие деньги в дело, и даже родственники этих компаньонов.

Цех медиков и аптекарей Данте, вероятно, выбрал за то, что там состояли в основном очень образованные люди, ведь чтобы стать доктором, надо было выучиться в университете, да и аптекари были знакомы с медицинской и биологической литературой как современных, так и древних авторов — Аристотеля, Авиценны, великого римского медика Галена и т. д.

В 1295 году, после долгого противостояния магнатов и пополанов, закончившегося кровопролитием на улицах города, во Флоренции вновь установился относительный порядок. Именно тогда Данте на свою беду и решил, что пришло его время заняться политической деятельностью.

> С первого ноября 1295 года до 30 апреля 1296 года Данте участвовал в особом совещании при Капитане народа. Его избрали также одним из старейшин той части города, где он жил, для совещания по случаю предстоящих выборов приоров. От мая до сентября 1296 года он состоял членом Совета ста, ведавшего финансовыми делами республики. В следующем году имя его упоминается в актах совета подеста. Политическая деятельность Данте от 1298 до 1300 года нам не известна, так как протоколы этих лет в флорентийском архиве потеряны. От 15 июня до 15 августа 1300 года Данте был одним из семи приоров Флоренции (приоры выбирались на два месяца). Этот

приорат явился «началом всех его бедствий». В это время флорентийские гвельфы окончательно разделились на две враждебные партии — белых и черных…

В чем была суть соперничества белых и черных гвельфов? Граница между ними не совпадает с границей между магнатами и пополанами, хотя некоторые историки приписывают белым бóльшие симпатии к народу. Если поименно рассмотреть зачинщиков свары, то окажется, что с одной стороны были банкирские дома Спини и Моцци, которым путем разных интриг удалось утвердиться в Риме и получить в свои руки ведение финансовых дел папы Бонифация VIII, а с другой — Черки, которые стремились занять то же положение при папской курии…

Конкуренция банкирских домов Черки — Спини породила во Флоренции разделение граждан по совсем новой линии, а именно на сторонников и противников власти и влияния папы и гвельфской лиги во главе с неаполитанским королем. Белые противопоставили этому направлению в гвельфской партии идею о полной независимости Флоренции и Тосканы от папы, что невольно сближало их с изгнанными гибеллинами.

В это время направлялся в Италию, чтобы восстановить пошатнувшуюся власть французов в Сицилии, брат французского короля Филиппа Красивого — Карл Валуа, которого Бонифаций VIII назначил губернатором владений церкви, правителем Болоньи и примирителем Флоренции…

В эти дни над Флоренцией появился огненный хвост кометы, напоминавший крест. Флорентийцы увидели в ней знамение войны, несчастий и разорения. По словам Джованни Виллани, «комета эта означает появление господина нашего Валуа». Так вместе со всеми думал и Данте. Принц Карл направился на север Тосканы. Много лет спустя на страницах своей великой поэмы Данте, вспоминая эти тревожные для флорентийцев дни, заклеймит позором французскую династию. Рассказ о ее позорных деяниях он вложит в уста Гуго Капета, родоначальника французских королей. Недобрым словом помянет он Карла Анжуйского, короля Неаполя, и нового Карла, который повторит поход своего старшего родственника к вящей славе их рода:

Один, без войска, многих он поборет

Копьем Иуды; им он так разит,
Что брюхо у Флоренции распорет.

Надеясь предотвратить надвигающуюся на Флоренцию беду, обе партии флорентийских гвельфов решили направить в Рим свои депутации. Делегацию белых составили крайне неудачно, так как все три посла были известны своими антипапскими настроениями. Первого, Мазо Минарбетти, Дино Компаньи характеризует как «ложного пополана». Второй — Гвидо Убальди, по прозвищу Кораццо, твердо верил в то, что в городе он единственный настоящий гвельф. И наконец, третий посол, Данте Алигьери, столь же мало был пригоден для этой миссии, как и его товарищи, ибо в Риме знали, что он голосовал против военной помощи святому отцу…

Папа встретил белых флорентийцев очень холодно. Он обратился к ним с речью, в которой говорил, что все граждане Флоренции должны смириться и стать ему покорными. Вскоре папа отослал обратно во Флоренцию двух послов, задержав только Данте, однако вряд ли принял его вторично…

Принц Карл вошел во Флоренцию 1 ноября. Он рассчитывал изрядно потрясти флорентийских толстосумов и заставить их наполнить золотом его пустые мешки. Дело белых было безвозвратно проиграно. Черные сначала притаились, как звери, а затем бросились на ослабевшего противника. Народ растерялся и заперся по домам. Через четыре дня, на рассвете, Корсо Донати с несколькими десятками вооруженных всадников неожиданно появился у стен Флоренции и почти без сопротивления проник в город через Порто Сан Пьер Маджоре. Он занял дома богачей Корбицци и там укрепился, потом проник в темницу и выпустил оттуда своих сторонников. Усилившись, он поспешил к дворцу подеста и заставил синьорию (приоров) отказаться от своих должностей и разойтись по домам. Корсо любил такие неожиданные стремительные операции, застававшие противника врасплох. В них он проявлял свою дерзость, находчивость и военный талант. Напрасно звонил колокол, призывая народ к восстанию, все были словно зачарованы именем французского принца.

Флорентийские купцы чувствовали себя польщенными посещением и искательством брата могущественного Филиппа Красивого. Представители жирного народа готовы были идти в торжественной процессии навстречу тому, кто пришел их грабить.

Начались грабежи и поджоги домов белых. Окрестности города пылали. Из окон замка, предоставленного ему за Арно, Карл с равнодушным любопытством наблюдал за пожарами и иногда со скучающим видом спрашивал: «А это что горит?» 7 ноября белая синьория подала в отставку, и черные гвельфы образовали свое правительство. Подеста города был назначен мессер Канте Габриэль ди Губбио, человек необычайной жестокости. Когда он взял в свои руки власть, он прекратил неорганизованные грабежи и убийства. Наказания стали приобретать юридический характер: сперва собирались материалы, затем следовали кары. 19 января 1302 года молнии правосудия поразили трех приоров, которые состояли в этом звании от декабря 1298 года до февраля 1299-го. Данте был упомянут в следующем списке политических преступников — 27 января 1302 года. Вместе с несколькими представителями белой партии Данте обвинялся в хищении, незаконных доходах, а также в том, что он утаивал деньги, принадлежавшие коммуне, и употреблял их для организации сопротивления папе и господину Карлу. Приор Алигьери стремился помешать приезду принца, нарушить мирное состояние города Флоренции и внести разлад в гвельфскую партию. Последняя часть обвинительного акта была наиболее близкой к истине. Мы не можем себе представить, чтобы Данте занимался хищением доверенных ему денег и имущества в свою пользу, но он был открытым противником вмешательства святого отца в дела города и, конечно, противился прибытию во Флоренцию французского принца, папского наместника.

Городской герольд, следуя традиции, провозгласил перед домом Данте список обвинений и сообщил, что он приговаривается к изгнанию и к уничтожению и конфискации его имущества. Скорее всего самого поэта в это время даже не было во Флоренции — во всяком случае, Боккаччо писал, что тот успел покинуть папский двор и еще до объявления приговора вернулся домой, взял немного денег, а жену и детей поручил заботам

родственников. К счастью, Джемме опасаться было нечего, ведь она происходила из семьи, стоявшей на стороне победителей, а ее родственник Корсо Донати и вовсе был одним из лидеров черных гвельфов. Как бы он ни ненавидел самого Данте, узы крови не позволили бы ему дать в обиду Джемму и ее детей.

В отличие от своего деда, не раз изгоняемого из Флоренции и всегда возвращавшегося, Данте покинул родной город навсегда. Вернуться ему было не суждено. Да и с женой он с тех пор практически не виделся — даже когда дети подросли и смогли к нему присоединиться, с Джеммой они так и продолжали жить порознь и даже в разных городах.

> Данте покинул Флоренцию под вечер, когда городские ворота были еще открыты. Всадник поспешно удалялся от стен и башен родного города, ни разу не оглянувшись. Путь его лежал к замкам графов Гвиди. Он ехал по болонской дороге вдоль Сьерры, к истокам этой реки, и, затем свернув, миновал гору Консума и высоты Монте Фальтероне. Убедившись, что за ним нет погони, он переночевал в горной деревушке, находившейся уже во владениях графов Гвиди, как он выяснил из разговора с местным жителем. Крестьянин предложил путнику кружку молодого вина, кусок грубого ячменного хлеба и козий сыр. Он поставил в стойло коня и бросил для Данте в углу просторного дома, сложенного из грубых каменных глыб, охапку свежей соломы. В горах было холодно. Началась первая ночь в изгнании. Данте лежал на соломе и думал. О том, что он во всем потерпел неудачу. Кто он? Недоучившийся болонский юрист, неудавшийся политик, который, как неумелый игрок в кости, проиграл все, что имел. Он потерял друзей, родных, семью, жену. И он лишился того, что любил больше всего на свете, — Флоренции, злой и неблагодарной родины. Что ждало его впереди? Скитания, может быть, кровавая месть, скорее всего гибель. Следовало ли бороться вместе с такими же несчастными, как он, объединившись с кем угодно, с гибеллинами прежде всего? Порой грудь его разрывалась от ненависти к папе Бонифацию, которого он считал главной причиной своих несчастий. Иногда проблескивала мысль: может быть, следует оставить все, уйти в уединение, найти себе где-нибудь прибежище и покровительство, чтобы стать великим писателем и поэтом, не певцом любви, но поучающим Италию

мудрецом? Ему снился монастырь и что он пишет — пишет в какой-то келье среди гор. Потом появились две женщины на прекрасной зеленой лужайке. Одна из них, в венке из цветов, плясала. Танец ее был легок, музыкален и, казалось, вмещал в себе всю гармонию мира. Другая сидела перед огромным серебряным зеркалом и любовалась своей красотой, не замечая ничего вокруг. Первые лучи утреннего солнца проникли через полуоткрытую дверь вместе с горным холодом. Данте проснулся и подумал: «Я видел Лию и видел Рахиль, жизнь деятельную и жизнь созерцательную». На душе у него стало легко, словно в этом сне таилось какое-то обещание. Он вскочил на коня, пустил его вскачь и скоро достиг верховьев Арно, которые лишь небольшая гряда отделяет от истоков Сьерры. На перевале он увидел твердыни местных сеньоров, и среди них замок Поппи, бывший некогда опорой флорентийцев в борьбе с Ареццо. Данте направил коня к воротам замка.

Разумеется, белые гвельфы не смирились с поражением и, собравшись в одном из замков графов Гвиди, пытались убедить не покорившихся Флоренции феодалов, что пришла пора восстать против угнетения флорентийской коммуной, особенно против «Установлений Справедливости» — законов, которые унижают магнатов и заставляют их подчиняться черни.

Данте поначалу нашел прибежище в каком-то из горных замков, где пока еще достаточно пылко поддерживали лидеров белых гвельфов. Там он узнал, что поскольку он не явился на суд, его имущество конфисковали, а самого его присудили к сожжению, если он осмелится когда-нибудь вернуться во Флоренцию.

Вместе с шестнадцатью представителями флорентийцев он участвовал в заключении договора между флорентийскими белыми гвельфами и влиятельным феодалом Уголино Убальдини в церкви Сан Годенцо, возвышавшейся над долиной реки Арно. Именно об этой реке он с горечью писал в «Чистилище»:

От самого истока, где Пелоро
Отрезан был волной от косогора
И где река водою так полна,
Что затопляет все кругом она,
До самого ее впаденья в море
В той местности на всем ее просторе
Все жители бегут от добрых дел,
Пугаясь их, как от змеи опасной.

Таков страны губительный удел,
Где лишь порок укоренился властно,
И жители долины той несчастной,
Исказили настолько образ свой,
Что кажется, как будто бы травой
Коварная Цирцея их вскормила.
Вдоль берегов текущая уныло
Река в пути встречает не людей,
Но тех, кому вполне пристойно было
Искать себе для пищи желудей.
За свиньями там следуют собаки,
Сварливые не в меру забияки;
От них река с презрением бежит,
Но впереди, где путь ее лежит,
Чем бурней и быстрей меж берегами
Течет она, тем более собак
Встречается, что сделались волками.
Прорезавши ущелий горных мрак,
Бежит она, минуя все преграды,
И на пути встречает там лисиц,
Чьей хитрости лукавой нет границ…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Современникам Данте нетрудно было понять иносказания, которые он использовал: свиньи — это графы Порчано (их фамилию можно перевести как «Свиньины»), живущие в верховьях Арно, сварливые собаки — старые враги Флоренции аретинцы, волки — это уже сами флорентийцы, которым Данте так и не простил обиды, ну а лисицы — жители Пизы, около которой Арно впадает в море.

А тем временем конфликт между черными и белыми гвельфами отнюдь не закончился победой первых, а, наоборот, раздувался все сильнее. В начале лета 1302 года Танно деи Убальдини вторгся во владения Флоренции и начал их разорять, а белые гвельфы напали на замки Флорентийской республики на юго-востоке, со стороны Ареццо. Черные в ответ напали на владения горных феодалов и подкупили нобиля Карлино деи Пацци, который сдал им замок Пьянтравинье вместе со всем гарнизоном, состоявшим в значительной части из изгнанных белых, с которыми черные жестоко расправились. За эту подлую измену Данте обессмертил Карлино как самого подлого

предателя, осудив его на вечные муки на самом дне своего «Ада». Правда, во время создания «Божественной Комедии», тот был еще жив, но Данте нашел достойный выход из положения — один из предателей, с которым он разговаривает в последнем круге ада, говорит ему: «Здесь того Карлино жду, Пред чьим грехом бледнеет наряду Моя вина».

Разразившаяся война между гибеллинами и белыми гвельфами, с одной стороны, и черными — с другой, так называемая Муджеланская война, продолжалась все лето 1302 года. Вступившие в долину Муджело флорентийцы разорили эту горную область, которую называли «сад Убальдини», и разрушили несколько маленьких городов. Так дошли они до замка Монтеччанико, где им 17 августа того же года было нанесено чувствительное поражение. Замок защищал отряд из Пистойи, многочисленные белые флорентийцы и рыцари Убальдини. Осажденные кричали на смеси итальянского и латинского языков: «Пусть погибнет, пусть погибнет коммуна и народ Флоренции и да здравствуют гибеллины!» Белым удалось удержать не только Монтеччанико, но и еще один небольшой замок, принадлежавший Убальдини. Этим и закончилась война 1302 года. На стенах Монтеччанико боролись с ожесточением бывшие флорентийские банкиры, судьи, торговцы, магнаты и пополаны, изгнанные из Флоренции и, может быть, впервые взявшие в руки оружие. Весьма возможно, что и Данте участвовал в этих сражениях с мечом в руках.

Однако когда борьба стихла без больших результатов, Данте ясно понял, что белые победить не могут. Тогда произошел в его душе тот сдвиг, который он затем формулировал в словах Каччагвиды, своего предка, в шестнадцатой песне «Рая»: «Ты станешь сам себе партией». Он внутренне отказался от дальнейшей борьбы.

Но худшим гнетом для тебя отныне
Общенье будет глупых и дурных,
Поверженных с тобою в той долине.
Безумство, злость, неблагодарность их
Ты сам познаешь; но виски при этом
Не у тебя зардеют, а у них.

Вождем изгнанных флорентийских белых стал в 1303 году Скарпетта дельи Орделаффи, фактический сеньор города Форли. Он был, по-видимому, не слишком древнего происхождения, но гордо носил герб: зеленого льва на золотом поле. Этот тиран прославился как один из самых храбрых военачальников в Романье. Он вел политику, которую можно назвать не только ловкой, но и двуличной. По своим убеждениям Скарпетта был гибеллин, но ему удалось добиться покровительства папы Бонифация VIII, который к тому же назначил его викарием святой церкви. Папа стремился найти силы, на которые он мог бы опереться для проникновения в Болонью и остальную Романью. В окружении Орделаффи решили развить дипломатическую деятельность, чтобы подготовиться к походу против Флоренции в следующем году. Флавио Биондо, гуманист, родом из Форли, живший в XV веке, сообщает, что Данте писал письма сеньорам Италии, прося помощи для второй Муджеланской войны. К этому времени в среде белых возникло недовольство Данте, даже враждебное к нему отношение. Поэта обвиняли едва ли не в предательстве, а его предложение не лезть в военные авантюры, по крайней мере следующим летом, не подготовившись основательно, сочли чуть ли не изменой. В «Божественной Комедии» остались следы этих отношений. Брунетто Латини говорит, что Данте найдет врагов в обоих лагерях, то есть во Флоренции и в партии белых, однако «клювы этих хищных птиц его не тронут». За все добро, сделанное своим союзникам, его сочтут врагом.

Весьма возможно, что Данте выражался слишком откровенно о военном положении белых, а белые не терпели в своей среде колебаний. Устав от жестокостей и неудач, Данте посоветовал более осторожному Орделаффи отправиться за помощью к мощным гибеллинским правителям — веронским делла Скала. Мы полагаем, что Данте уехал в Верону весной 1303 года и больше не вернулся в Тоскану.

Когда Данте приехал в Верону, был еще жив Бартоломео делла Скала. Данте очутился в самом центре гибеллинского движения в Италии. Из древнего ломбардского города на зеленой реке Адидже Данте следил за дальнейшим развитием событий вокруг Флоренции и, вероятно, еще колеблясь в начале своего

пребывания в Вероне, вел переговоры о помощи с сеньором Вероны Бартоломео делла Скала. Новости были печальны, несмотря на то, что Болонья приняла сторону белых.

Чаша весов все больше склонялась в сторону черных, но даже они сами этому уже не все радовались, потому что междоусобицы подрывали силы Флоренции и съедали ее богатства. Надежда на мир появилась, когда умер папа Бонифаций VIII, чья жажда власти подогревала этот конфликт, и новым главой католической церкви был избран Бенедикт XI, которого уважали и гвельфы и гибеллины. Бенедикт твердо решил прекратить вражду между партиями и направил двух своих кардиналов успокаивать Тоскану. С его подачи начались переговоры о мире между черными и белыми гвельфами. Но черные не желали выпускать из рук власть, переговоры зашли в тупик, а потом и новый папа неожиданно скончался, и война вспыхнула с новой силой.

Данте был прав, вовремя покинув лагерь белых. Можно предположить, что именно в 1304 году Данте, надеясь на мир, на милость нового папы, а также на посредничество кардинала Никколо да Прато, написал канцону: «Мое три дамы сердце окружили». В канцоне горькие мысли об изгнании мешаются с мыслями о возвращении на родину. Данте представляет себе трех аллегорических дам, пребывающих под властью высокой любви. Это три добродетели: Справедливость, Правда и Законность. Всеми отвергнутые, они бродят, как нищенки, и нигде не находят прибежища на земле, захваченной тиранами и насильниками. Они пришли с верховий Нила: в средневековом представлении Нил — одна из четырех рек Земного рая. Три дамы связаны кровным родством. Божественная и заложенная в природе Справедливость родила человеческую Правду, а человеческая Правда родила Законность. Затем мы узнаем, что не только эти три дамы, но также Умеренность и Щедрость отвергнуты порочным миром. В заключение Данте говорит, что он гордится своим изгнанием:

Пусть белыми по воле провиденья
Цветам не суждено
Пребыть, но заодно,
Кто пал с достойными, того признаньем
Не обойдут.

Данте идет на компромисс со своей совестью, он согласен даже покаяться в несуществующих преступлениях, которые он будто бы совершил.

> У сердца смерть стоит — уж подступила.
> Будь я виновен даже,
> Недолго прожила моя вина,
> Раскаяньем давно погребена.

Он ждет разумного примирения и мудро советует своим политическим противникам проявить великодушие.

> Канцона, птицей белой мчись на лов,
> Канцона, черными лети борзыми,
> Что путь под отчий кров
> Отрезали, меня лишив покоя.
> Ни от кого скрывать не вздумай, кто я;
> Разумные уметь прощать должны:
> Прощенье — наилучший лавр войны.

Но черные никому ничего не прощали. Надежды Данте вернуться домой были тщетны.

Скитания. «Пир»

…Находится в сетях
Неведенья рассудок наш доселе.
Творец миров, в Своей премудрой цели
Создавши сонм бесчисленных светил,
Меж ними свет равно распределил,
А благами земными управленье
Могущественной силе Он вручил.
И, несмотря на наши ухищренья,
Сокровища и блеск своих щедрот,
Она то тем, то этим раздает,
Из одного в другое поколенье.
Фортуною зовет ее народ,
Пред ней земное знание — ничтожно,
Она царит и правит непреложно,
Подвластно все той силе роковой,
Таящейся, как змеи меж травой.
Не уследить Фортуны перемену,
И новому новейшее на смену
Несет она. Богиня такова,
Которую порой хулят свирепо.
И те, кого она дарила слепо,
Но ей ничто — проклятия слова;
Среди других созданий совершенных
Она царит в селениях блаженных
Всевластная над сферою земной…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Расхожее мнение о том, что Данте Алигьери был реакционным средневековым политиком, который не уловил становления новых общественных форм и в каком-то догматическом сне насильственно противопоставлял застывшие формы устаревшей идеологии живым силам истории, — это мнение широко распространено, однако, как нам кажется, неверно расставляет акценты. Его сторонники находятся в плену предрассудков нашей собственной эпохи, которая односторонне развивает понятия имманентности и

эволюции, стремясь при этом полностью исключить из историко-политического мышления статичные и трансцендентные элементы. Данте вовсе не был оторванным от жизни идеологом: у себя на родине он рано приобщился к активной практической политике, участвовал в работе строительных комиссий, жил в обществе среди людей, которые в подавляющем большинстве занимались общественной деятельностью.

Иноземные правители, его друзья в эпоху ссылки, умели ценить его дипломатический талант и пользоваться им. И если он после неудачной попытки найти свое место среди существующих сил и партий оказался почти в полной изоляции, если обманулся во всех своих надеждах и умер бедным изгнанником, не имеющим никакого влияния и политической значимости, это произошло не по недостатку способности отличать жизнеспособные тенденции и участвовать в них, а потому, что он видел эти тенденции по-своему. Для него «история» и «прогресс» не имели никакой самостоятельной ценности; он искал признаки, которые могли бы придать смысл происходящим событиям, но находил лишь хаос, противозаконные притязания отдельных людей, а потому смуту и бедствия. В его глазах мерилом истории служила не сама история, а совершенный божественный миропорядок — статичный и трансцендентный принцип, который, однако, вовсе не становится от этого абстрактным и мертвым.

Поскольку в юности Данте узрел божественное совершенство, для него оно было чувственным переживанием и образом тех устремлений, которых требовало состояние хаоса. В дальнейшем мы будем говорить об этом подробнее; теперь же необходимо лишь подчеркнуть, что напрасно самой светлой голове своего времени и самому проницательному знатоку человеческой природы приписывают банальные заблуждения и ошибки, объясняя ими его политическое злосчастье. Он был несчастлив, так как и не должен был быть успешным и счастливым: не потому, что не видел направления развития городов-государств и вообще не умел использовать шансы в политической игре, за что его мог бы упрекнуть современный историк (задним числом комбинирующий многое, что тогда было не под силу увидеть никому), а потому, что развитие городов-

государств ему казалось не главным или даже заслуживающим осуждения, а также потому, что по своему образу мыслей он был выше любых расчетов.

Э. Ауэрбах. «Данте — поэт земного мира».

С весны 1303 года до 7 марта 1304 года Данте жил в Вероне при дворе правителя Бартоломео делла Скала. Однако тот скончался, а с его наследником Альбоином Данте не поладил, и ему пришлось вновь отправляться на поиски лучшей доли.

В четвертом трактате «Пира» Данте отзовется о новом веронском правителе весьма пренебрежительно. Младший из братьев делла Скала — Кан Гранде в годы первого пребывания Данте в Вероне был еще мальчиком — ему шел пятнадцатый год, и он не мог, по-видимому, ничем помочь Данте.

Устами Каччагвиды Данте хвалит доблесть, великодушие и щедрость младшего Скалигера, который впоследствии, уже после смерти императора Генриха VII, станет его другом и покровителем.

Данте поссорился не только с Альбоином, но и с его братом Джузеппе. Комментаторы «Божественной Комедии» XIV века, особенно сын Данте Пьетро и Бенвенуто д'Имола, рассказывают о порочной жизни Джузеппе, побочного сына Альберто, сеньора Вероны. В 1292 году отец сделал его аббатом Сан Дзено, самого известного в городе монастыря, который находился под его управлением более двадцати лет. Джузеппе был хром и неказист. В ранней молодости аббат жил тихо и скромно, но затем стал предаваться разным излишествам и порокам. Возглавляя банду гуляк, он бродил ночью по Вероне, наводя ужас на мирное население. Настоятель Сан Дзено и его оголтелые спутники нападали на женщин и не брезговали грабежами. Данте строго осудит в «Чистилище» Альберто делла Скала за то, что он ославил божий дом, назначив своего недостойного, «с душой еще уродливей, чем тело», погрязшего в разврате сына настоятелем монастыря. Весьма возможно, что Данте жил не во дворце семьи делла Скала, а в аббатстве и был свидетелем бесчинств хромого аббата. Можно предположить, что Данте недолго оставался в Вероне после смерти Бартоломео делла Скала и уже в конце 1304 года покинул — на долгие годы — свое первое убежище в изгнании. Известнейшие терцины из «Рая» мы

невольно относим к этому последнему году пребывания Данте в гибеллинской столице северной Италии:

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Приблизительно два года, которые Данте провел в Вероне, не были для него бесплодными. В библиотеке Скалигеров, а также в монастыре Сан Дзено он ознакомился с «Декадами» Тита Ливия, с письмами Плиния Младшего, с поэмой Стация «Фиваида» и постепенно составил себе тот «канон» великих поэтов, которых мы встретим в благородном замке Лимба четвертой песни «Ада»: Гомер, Вергилий, Гораций, Овидий, Лукан. Позже он причислит к ним также Стация.

Пейзаж Вероны напоминал Данте Флоренцию. Посредине более полноводная, чем Арно, Адидже, один из главных притоков По. Город весь словно пронизан светом, то ярким, то мерцающим. Вода в Адидже кажется зеленой. Порой налетали холодные северные ветры с озера Гарда. Данте любил бродить по улицам Вероны. Он подолгу останавливался перед остатками римской старины: великолепными мраморными арками, огромной ареной Колизея. Верона в древности была одним из самых значительных городов Италии. Плиний Младший хвалил в своих письмах театральные представления и цирковые игры в ее колизее (театр в эпоху Данте еще не раскопали). В городе, который некогда был столицей Теодориха и короля Италии Пипина, сына Карла Великого, казалось, говорили камни. Века мешались: грубые каролингские статуи сменили изящную скульптуру Эллады и Рима…

Данте жил в центре гибеллинов Италии, где все говорило о связях Скалигеров с династией Гогенштауфенов. Орел на лестнице появился в гербе Скалигеров, вероятно, после того, как Бартоломео делла Скала женился вторым браком на дочери Конрада Антиохийского Констанце, внучке императора Фридриха II.

В первое воскресенье поста Данте мог наблюдать со стен города за состязанием бегунов, которые устраивались ежегодно. Победителю торжественно вручался приз — шесть локтей зеленого сукна. Не был

обделен и прибежавший последним — он получал живого петуха, которого должен был пронести по улицам под улюлюканье праздничной толпы. Память поэта удержит впечатления шумного спортивного празднества веронцев и воссоздаст их, преобразив, в пятнадцатой песне «Ада»…

Мы не имеем достаточно сведений о странствованиях Данте после того, как он покинул Верону, и до того, как он очутился в замках Маласпина в Луниджане, то есть с конца 1304 года до лета 1306-го. В это время он странствовал по северной Италии. Несомненно, что он побывал в Венеции, хотя прямых указаний об этом нет.

О его пребывании в Тренто, на севере от Венеции, мы осведомлены несколько лучше, так как там поэт был гостем Герардо да Каммино, упомянутого в «Пире» в подтверждение того, что благородный человек может иметь подлых предков. Данте упоминает реки Силу и Каманьо, протекающие в области Тренто. Он запомнил, что воды этих рек — чистая и мутная — долго текут рядом, не смешиваясь. Можно предположить, что Герардо дал Данте приют в своем замке. У Данте был обычай хвалить людей, оказавших ему гостеприимство и ничем не оскорбивших его гордости. Сеньор Тревизо умер в марте 1306 года. Эта дата помогает определить время пребывания Данте в Тревизо и время создания его первого большого произведения, написанного в изгнании.

Похвалу Данте заслужил также Гвидо да Кастелло из Реджо. В шестнадцатой песне «Чистилища» Данте упоминает трех своих покровителей:

> Герардо славный; Гвидо да Кастель,
> «Простой ломбардец», милый и французу,
> Куррадо да Палаццо…

Граф Куррадо да Палаццо являлся в 1276 году викарием Карла I Анжуйского во Флоренции, а в 1288-м — подеста Пьяченцы. Отпрыск одной из ветвей рода ди Роберти из Реджо, Гвидо да Кастелло был гибеллином (в то время как Герардо да Каммино и Куррадо да Палаццо принадлежали к партии гвельфов). Впоследствии и его изгнали из родного города, где он был фактически сеньором; тогда он и появился, около 1318 года, в

Вероне. В Реджо Гвидо да Кастелло любил оказывать помощь странствующим бедным рыцарям, среди которых было много французов; он не только давал им временное пристанище, но одарял конями и оружием. Французы прозвали его «простым ломбардцем», что значило: добрый, скромный, гостеприимный, прямодушный. В шестнадцатой песне «Чистилища» Данте упомянет также дочь доброго Герардо Гайю, славившуюся своей красотой и добродетелями.

О благородстве Гвидо да Кастелло, истинном, личном, а не наследственном, Данте говорит в четвертом трактате «Пира». Можно предположить, что великий изгнанник посетил также Виченцу и Падую, где в это время работал его друг, знаменитый флорентийский художник Джотто, расписывавший капеллу деи Скровеньи. Напомним, что Реджинальдо Скровеньи был злостным ростовщиком, одним из самых богатых людей Италии. Данте поместил его среди теней седьмого круга ада в печальной компании лихоимцев…

Таким образом, основываясь главным образом на текстах Данте, мы можем реконструировать с достаточной степенью вероятности и маршруты его странствий в 1305 — начале 1306 года. Он побывал на севере Италии, в Тревизо, Венеции, Падуе, Парме, Виченце и в Реджо (провинция Эмилия). В «Народном красноречии» Данте вспоминает о встрече с поэтом на народном языке Готто Мантуано, который «изустно познакомил нас со своими многими и отличными канцонами». Кроме этого краткого упоминания в трактате Данте, больше ничего об этом поэте до сих пор не известно. Но из него следует, что Данте был в Мантуе и, верно, посетил места Мантуанской области, связанные с именем Вергилия и трубадура Сорделло ди Гойто. Мы предполагаем, что знакомство Данте с поэтами из Фаэнцы (в области Романьи) — Томмазо и Уголино Буччола, упомянутыми также не без похвал в «Народном красноречии», состоялось ранее, когда флорентийский изгнанник жил в Форли или когда он останавливался в Фаэнце, направляясь в Верону к Скалигерам.

В 1300 году Данте исполнилось тридцать пять лет — по его мнению, это была ровно середина жизни и соответственно ее вершина, дальше жизнь шла по нисходящей. В сорок пять по его расчетам начиналась старость, и до нее было уже рукой подать, а

он все еще был малоизвестным изгнанником, без каких-либо шансов вернуться на родину. Следовало поторопиться — времени на то, чтобы достигнуть чего-то в жизни, оставалось не так уж много.

Поразмыслив, Данте пришел к выводу, что для того, чтобы вернуться во Флоренцию, ему надо стать знаменитым. Он хорошо знал родной город, падкий на славу и громкие имена. Флорентийцы равнодушно захлопнули двери перед бедным изгнанником, но они наверняка с удовольствием бы распахнули их великому философу, овеянному славой.

> И вот чтобы достигнуть славы, которая подняла бы высоко на щит имя бедного изгнанника, он решил написать трактат на философские и научные темы, приобщая родной итальянский язык к проблемам культуры, которые, по мнению современников поэта, могли быть выражены лишь на латинском языке. Данте больше не хотел быть поэтом любви и готов был отказаться от сладостного нового стиля, чтобы превратиться в учителя мудрости, бичующего нравы. В Вероне он приступил к трактатам «Пира».
>
> В начале этого произведения можно найти немало биографических подробностей, драгоценных для реконструкции биографии Данте и его взглядов на общество в первые годы изгнания. Данте говорит о скитаниях и бедности, о горестном опыте изгнанника, который все еще надеется на возвращение домой: «После того как гражданам Флоренции, прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, угодно было извергнуть меня из своего сладостного лона, в котором я был рожден и вскормлен вплоть до вершины моего жизненного пути и в котором я от всего сердца мечтаю, по-хорошему с ней примирившись, успокоить усталый дух и завершить дарованный мне срок, — я, как чужестранец, почти что нищий, исходил все пределы, куда только проникает родная речь, показывая против воли рану, которую нанесла мне судьба и которую столь часто несправедливо вменяют самому раненому. Поистине я был ладьей без руля и без ветрил, которую сухой ветер, вздымаемый горькой нуждой, заносил в разные гавани, устья и прибрежные края; и я представал перед взорами многих людей, которые, прислушавшись, быть может, к той или иной обо мне молве, воображали меня в ином обличье и в глазах которых не только унизилась моя

особа, но и обесценивалось каждое мое творение, как уже созданное, так и будущее».

Данте говорит о том, что личное присутствие часто умаляет действительную ценность человека. Большинство людей живет, подобно детям, — следуя чувству, а не разуму. Многие склонны к зависти и становятся завистниками, видя человека прославленного. Данте пришлось «лично предстоять почти перед всеми итальянцами… Я унизил себя этим, — продолжает он, — быть может, более, чем необходимо, следуя истине, и не только в глазах тех, до которых молва обо мне уже докатилась, был я унижен, но также и многими другими, так что из-за этого произведения мои обесценились. Мне надлежит поэтому придать настоящему моему сочинению большую строгость и писать возвышенным стилем, чтобы сообщить ему больший авторитет».

В стихах и прозе Данте появляется мотив о щедрости как свободном даре. Дарить нужно не бесполезное, поучает он, а то, что действительно необходимо, причем дарить так, чтобы получающий не унижался, взывая к щедрости мецената. Автор «Пира» ссылается на слова, приписывавшиеся Сенеке: «Ничто так дорого не покупается, как то, на что тратятся просьбы». Поэтому, заключает свою мысль Данте, выпрошенный дар подобен торгу и не украшает добродетелями дающего. В этих печальных строках чувствуется горечь поэта, зависевшего от случайных благодетелей и покровителей, с которыми гордому и нищему изгнаннику ужиться было нелегко. По-видимому, Данте секретарствовал (как, например, у Орделаффи в Форли), преподавал (как в Вероне), составлял латинские письма своим покровителям (как для графини Баттифолле), наконец, был придворным поэтом и доверенным лицом (в замках Маласпина). На опыте своем Данте познал, что сеньоры бывают разные: умные и просвещенные, но также заносчивые и невежественные. Существуют «господа природы настолько ослиной, что приказывают как раз обратное тому, чего они хотят; другие, которые хотят быть понятыми, ничего не говоря, и, наконец, такие, которые не хотят, чтобы слуга двигался с места для выполнения необходимого, если они этого не приказали. А так как эти свойства присущи некоторым людям, я не намереваюсь в настоящее время их разъяснять, ибо это

слишком затянуло бы настоящее отступление; скажу лишь, что такие люди вроде скотов, которым разум мало чем служит на пользу».

Истинная щедрость, полагал он, может быть только у тех сеньоров, которые не стяжали богатства угнетением бедных или грабежом. Данте восстает против «благотворительности» тиранов: «О вы, злодеи, рожденные во зле, обижающие вдов и сирот, грабящие неимущих, похищающие и присваивающие себе чужие права; из всего вами награбленного вы задаете пиры, дарите коней и оружие, имущество и деньги, носите дивные наряды, воздвигаете дивные постройки и воображаете себя щедрыми! И разве это не то же, что совлечь с алтаря пелену и постелить ее на стол грабителю? Разве, тираны, ваши подачки не столь же смехотворны, как поступок грабителя, который привел бы к себе в дом гостей и постелил бы на стол украденную им с алтаря скатерть с еще сохранившимися на ней церковными знаками и воображал бы, что другие этого не замечают?»

Данте особенно ополчается против дурных правителей Италии, которые следуют не учению мудрецов, а внушениям злых и глупых советников. «Подумайте об этом, враги божьи, — восклицает он, — вы, которые — сначала один, потом другой — захватили бразды правления над всей Италией, — я обращаюсь к вам, Карл и Фридрих, и к вам, другие властители и тираны; и поглядите, какие рядом с вами сидят советники, и подсчитайте, сколько раз на день ваши советники указывают вам цель человеческой жизни! Лучше бы вам, как ласточкам, низко летать над землей, чем, как ястребу, кружить в недоступной вышине, взирая оттуда на величайшие подлости». Инвективы Данте обращены к королю Карлу Неаполитанскому (умер в 1309 году) и к Фридриху Арагонскому, королю Сицилии (умер в 1307 году). Даты их смерти подтверждают, что четыре трактата «Пира» были написаны не позднее 1307 года.

Поэт, изучивший придворные нравы, с горестью говорит о вырождении рыцарских и куртуазных начал в высшем обществе. Происходит это оттого, что знатные сеньоры забыли, что такое добродетель, и предаются порокам и разврату. «Куртуазность, — пишет он, — и порядочность — одно; а так как в старые времена

добродетели и добрые нравы были приняты при дворе, а в настоящее время там царят противоположные обычаи, слово это было заимствовано от придворных, и сказать „куртуазность“ было все равно что сказать „придворный обычай“. Если бы это слово позаимствовали от дворов правителей, в особенности в Италии, оно ничего другого не означало бы, как гнусность». Развращенности нравов не избежали также образованные люди Италии, особенно юристы и медики. Законники и врачи занимаются наукой не для познания, а для приобретения денег или должностей. Данте уверяет, что если бы они имели все то, чего они добиваются, то есть достигли высокого положения и стяжали большие деньги, они перестали бы заниматься наукой.

Эти инвективы, направленные против высших классов итальянского общества, подготавливают яростные выпады против сильных мира сего в «Божественной Комедии». Данте не мог и не хотел молчать. В гневе он восклицал: «Хочется ответить не словами, а ударом кинжала на такую гнусность!» Данте расширяет свой флорентийский патриотизм: он уже не флорентиец, а итальянец, когда говорит: «О бедная моя родина, какая жалость к тебе сжимает мне сердце всякий раз, как я читаю, всякий раз, как я пишу что-либо относящееся к государственному управлению!»

Понадобилось изгнание, чтобы расширить горизонты Данте. Он готов был сделать еще один шаг — объявить во всеуслышание, что он не только гражданин Флоренции и патриот Италии, но что для него родина — весь земной шар. Так он говорит в сочинении «О народном красноречии»: «Но мы, кому отечество — мир, как рыбам море, хотя мы еще и беззубыми пили из Арно и так любим Флоренцию, что ради этой любви сносим несправедливое изгнание, мы опираем устои нашего суждения больше на разум, чем на чувство. И хотя для нашей услады и душевного покоя нашего не существует на земле места прелестнее Флоренции, мы, перечитывая сочинения и поэтов и других писателей, которые описывают мир и в целом и по частям, и размышляя о различных местностях мира и о расположении их относительно обоих полюсов и экватора, определяем и твердо решаем, что есть много как областей, так и городов более замечательных и более очаровательных, чем Тоскана и Флоренция, которой суждено мне быть и

сыном и гражданином, и множество племен и народов, говорящих на более сладостном и выразительном языке, чем италийцы».

Если Данте заслужил данное ему в XIX веке почетное прозвище «отца отечества», то не следует забывать и о том, что великий флорентиец был первым, провозгласившим на грани Средних веков и Возрождения, что он гражданин мира.

Работа над «Пиром» заняла у Данте примерно три года (1303–1306), но потом он, видимо, разочаровался в избранной форме произведения и стал искать новые пути. Нет, «Пир» был точно не тем шедевром, который мог бы прославить его на весь мир. И прежде всего потому, что такие многословные, эклектичные энциклопедии не были чем-то новым и оригинальным для того времени.

Однако Данте не зря был величайшим поэтом своего времени — пусть «Пир» и был вторичен по внешней форме, но в каком-то смысле он все же стал прорывом. Во-первых, Данте посвятил трактат анализу собственного творчества, что уже было ново и необычно для тогда еще средневекового образа мышления. А во-вторых, трактат написан не на латыни, на которой обычно писали научные труды, а на «народном» итальянском языке.

В «Пире» Данте начал защиту народного (итальянского) языка, которую он продолжил в трактате «О народном красноречии». Впервые в литературе Италии прозвучал голос, предвещавший итальянскому языку блестящее будущее. Данте не ставил еще «вульгарный» язык наравне с латинским. Он признавал особую экспрессивную силу латыни, но тем не менее считал, что народный язык способен выразить научные и философские идеи. И если латинский язык еще главенствует благодаря своей красоте, будущее принадлежит не ему, а языку народному, итальянскому. Он отмечает, что латинский язык стал непонятен не только широким массам народа, но также большинству сеньоров, изъясняющихся только на своем родном итальянском языке. Данте восстал против тех, кто во что бы то ни стало стремился превознести латынь и унизить родную речь и обрек на вечный позор и унижение тех злонамеренных людей Италии, которые восхваляют чужой народный язык и презирают свой собственный. Иногда, забыв о латыни, они превозносят провансальский и объявляют «итальянское наречие

пошлым, а провансальское — изысканным».

Не только разум заставлял Данте утверждать необходимость заниматься народной словесностью, но и совершеннейшая любовь к родной речи. Он говорил образами: «Если бы на глазах у всех из окон дома вырвались языки пламени и если бы кто-нибудь спросил, не горит ли дом внутри, а другой ему ответил, что горит, я так и не мог бы решить, кто из них достоин большего порицания. Не иначе выглядел бы и я, если бы на вопрос, живет ли во мне любовь к моему родному языку, я, после всех приведенных выше соображений, ответил просто — „да“. Это значит: не стой в бездействии, поспеши тушить пожар. Не довольствуйся пассивной любовью к родной речи, не созерцай ее равнодушно, а действуй, очищай и развивай родную речь, чтоб она стала общенародным итальянским языком.

Данте обнаружил необыкновенную проницательность ученого-лингвиста, намного опережая науку своего времени. Столь не свойственный средневековью историзм отличает все высказывания Данте об изменениях, которые претерпевает язык. Данте заметил, что за последние пятьдесят лет из итальянского языка одни слова исчезли, а другие появились или продолжают жить в измененном виде. Это наблюдение заставляет его предположить, что за более длинный период язык может измениться до неузнаваемости. Если бы те, пишет он, кто покинул эту жизнь тысячу лет тому назад, вернулись в свои города, они подумали бы, из-за различия в языке, что их город занят чужеземцами. Эту тему Данте более подробно обещает развить в небольшой книге о народном языке, которую он собирается написать. Как видим, замысел второго теоретического произведения великого поэта возник одновременно с «Пиром».

По первоначальному плану «Пир» должен был состоять из четырнадцати больших трактатов. Из задуманного Данте осуществил только четыре; о содержании ненаписанных десяти трактатов мы можем лишь догадываться. Начиная со второго трактата сочинение Данте построено как комментарий к большим доктринальным канцонам. Следовательно, «Пир» по своей структуре несколько напоминает «Новую Жизнь».

Первые две канцоны «Пира», несомненно, написаны еще во Флоренции в девяностых годах XIII века.

Последняя, как можно предположить, возникла уже в изгнании. Как мы уже сказали, Данте не хотел больше быть поэтом-лириком, он пожелал стать учителем истины, проповедующим новые правила морали. Но поэт оказался в нем сильнее учителя жизни — оба доктринальных произведения, то есть «Пир» и «О народном красноречии», Данте оставил незаконченными. Многими мотивами, образами, а также размышлениями об итальянском стихе из этих сочинений Данте воспользуется в своей гениальной поэме.

Первый трактат «Пира» кончается поэтическим пророчеством о народном языке, которое, как далеко не все пророчества, осуществилось в жизни: «Итак, это будет тот ячменный хлеб, которым насыщаются тысячи, для меня же останутся полные коробы. Он будет новым светом, новым солнцем, которое взойдет там, где зайдет привычное, и дарует свет всем, кто пребывает во мраке, так как привычное солнце им больше не светит». Данте называет итальянский язык «ячменным хлебом», подразумевая под пшеничным хлебом латынь. Ячменным хлебом насыщаются сотни тысяч, а пшеничный доступен лишь немногим. В «Народном красноречии» Данте даст более точное определение народного языка.

Судя по вступительному трактату, написанному как предисловие, можно было бы ждать, что для просвещения не знающих латинского языка людей разных сословий Данте напишет по-итальянски что-либо напоминающее энциклопедию своего учителя Брунетто Латини. Однако Данте пошел иными путями. Он стал комментировать свои далеко не легкие и не общедоступные канцоны. Таким образом, во втором, третьем и четвертом трактатах появились темы: Мадонна Философия, строение космоса, благородство, всемирная монархия и единое государство. Намечена также тема «Поэтика и риторика», столь важная для понимания творческих путей великого поэта.

Мы уже говорили в конце шестой главы о противоречиях в «Новой Жизни» между образом Беатриче и образом «сострадательной дамы». В «Пире» Данте стремится доказать, что именно сострадательная дама и была истинным проявлением Мадонны Философии и «достойнейшей дочерью повелителя вселенной». Это навело многих современных дантологов на мысль о том, что триумф Беатриче в конце «Новой

Жизни» был написан и присоединен к основному тексту тогда, когда Данте оставил свои трактаты и вернулся к Беатриче в «Божественной Комедии».

Второй трактат начинается первой канцоной:

Вы, движущие третьи небеса,
Их разумея…

Эти строки произносит в восьмой песне «Рая» король Венгрии Карл Мартелл, с которым Данте познакомился во Флоренции. Поскольку неаполитанский принц умер в 1295 году, мы с уверенностью можем сказать, что Данте написал канцону до изгнания. Она, несомненно, посвящена сострадательной даме, ставшей благодаря нежданной для нас метаморфозе Мадонной Философией. Равным образом еще к флорентийскому периоду следует отнести и вторую канцону «Пира». Нам известно (снова из «Божественной Комедии»), что музыкальное сопровождение к ней сочинил друг Данте, композитор и певец Казелла, умерший так же рано, как и Карл Мартелл. Подтверждает нашу датировку и то, что в обеих канцонах, особенно же во второй, чувствуется влияние сладостного нового стиля и выражения удивительно схожи с фразеологией «Новой Жизни».

Торжественно звучит начальная строфа первой канцоны:

Вы, движущие третьи небеса,
Их разумея, мне внемлите тайно.
Я слышу — в сердце голос прозвучал,
Столь новый для других, необычайно.
Покорна вам небесная краса.
Я вашу власть и волю ощущал;
Ваш свет мне в сердце силу излучал.
Не скрою горести и упованья.
Высокий слух прошу я приклонить.
Чтоб мог испытанное вам открыть.
Души услышьте скорбные рыданья.
Вот в спор вступает дух астральный с ней
В сияньи ваших радостных огней.

В заключительном обращении к самой канцоне, написанном в духе провансальских трубадуров, Данте

говорит о сложности своей философской поэтики:

Канцона, будут редки, мнится мне,
Те, кто твоим ученьем насладятся, —
Столь труден, столь возвышен твой язык.
Но коль тебе придется повстречаться
С тем, кто твоим стремленьям чужд вполне,
Утешься, — пусть он в тайну не проник.
Скажи ему, являя новый лик,
Покорный гармоническому строю:
«О, полюбуйся хоть моей красою!»

Последний стих призывает читателя, если он не уразумеет глубокого содержания канцоны, воспринять ее интуитивно, оценить ее мастерство и силу ее экспрессии.

Сделав своей новой прекрасной дамой Философию, Данте задумался о строении Вселенной и проблемах мироздания. Отвергнув популярную теорию Аристотеля о существовании восьми небес, он стал сторонником Птолемеевской системы мира, согласно которой космос состоит из девяти небес, причем девятое кристальное небо насквозь прозрачно и является Перводвигателем. Впрочем, к этой системе он склонялся уже давно, достаточно вспомнить, как трепетно он относился к числу девять, под которое подгонял все важнейшие события в своей жизни.

Однако, по мнению средневековых ученых-христиан, за девятым небом находилось еще одно, десятое небо — Эмпирей. И Данте, будучи христианином, не мог это игнорировать. В итоге, по системе, принятой Данте, Земля находится в центре Вселенной, а за ней в следующем порядке располагаются небеса и планеты: первое — это небо Луны, второе — Меркурия, третье — Венеры, четвертое — Солнца, пятое — Марса, шестое — Юпитера, седьмое — Сатурна, восьмое — небо Звезд, девятое — Перводвигателя и десятое — Эмпирей.

Эта система мира движется и управляется некими высшими существами, стоящими посредине между Абсолютом и человеком. Это ангелы христианской мифологии, которых Данте сравнивает с «идеями» Платона. Ангелы также подчинены закону девяти. Первый — это чин ангелов, второй — архангелов, третий — престолов. Вторую иерархию образуют господства, силы и начала. Третья иерархия — могущества,

херувимы и над всеми серафимы. Эти силы управляют планетами и звездами, вызывая движение одним своим духовным взглядом. Данте был знаком с системой мироздания, созданной философом-неоплатоником V века Псевдо-Дионисием Ареопагитом. Тем не менее в «Пире» он принял иерархическое деление не Дионисия Ареопагита, а Григория Великого. В «Божественной Комедии» Данте изменяет порядок первой триады, то есть принимает иерархию Дионисия Ареопагита. Таким образом, двигателями Венеры оказываются не престолы, а начала.

Как объяснить падение некоторых ангелов под предводительством сатаны, который стоял выше всех, так как был серафимом? Данте отвечает: за грех непослушания и своеволия была низвергнута одна десятая часть высших существ — для восполнения их и был создан потом род человеческий. Этот миф получил особое развитие в произведениях Бернарда Клервосского (XII век) и Бонавентуры (XIII век). Бернард писал о том, что места в раю, которые образовались после падения Люцифера и его сторонников, пополняются душами праведников. Поэты сладостного стиля, по-своему истолковывая церковную легенду, слагали стихи о том, что прекрасные дамы займут места падших ангелов! Неоплатонизм арабской и некоторой части средневековой западной философии создавал в эпоху Средневековья новые мифы, которые послужили основанием для литературных идей поэтов сладостного стиля.

Гораздо труднее воспринимается современным читателем параллель, проводимая Данте между науками и небесами. Эту идею, которую современники Данте воспринимали еще в школе, Данте осложнил и углубил. В его системе мира семи первым небесам соответствуют семь наук тривиума и квадривиума — основы средневекового образования. Напомним, что квадривиум («встреча четырех дорог») охватывал науки математические: арифметику, музыку, геометрию и астрономию. Тривиум являлся подготовкой к высшим штудиям и заключал: грамматику (латинскую), диалектику, риторику, то есть науки гуманитарные.

Отсюда соответствия: лунное небо похоже на грамматику; небо Меркурия можно сравнить с диалектикой; небо Венеры Данте сравнивает с

риторикой, исходя из двух свойств этой планеты — ясности ее облика, приятного для зрения, превышающего ясность любой другой звезды, и ее появления на небе Земли утром и вечером. Эти сопоставления мы находим и в «Сокровище» Брунетто Латини. В период высокого Средневековья, с конца XI до середины XIII века, так же как у теоретиков литературы конца античности, риторика идентифицировалась с поэзией. Между искусством оратора Цицерона и искусством поэта Вергилия не было пропасти.

Так как все науки освещаются светом Арифметики, то она сравнивается с небом Солнца. Данте напоминает высказывание Пифагора о Числе, лежащем в основе мироздания. Небо Марса сравнивается с музыкой, поскольку Марс занимает среднее положение среди небесных тел, а гармония зависит от положения и соотношения звуков. Но Марс вызывает также войны и пожары, сжигает и губит все живое.

Небо звезд Данте сравнивает с Физикой и Метафизикой. Метафизика уподобляется той части звездного неба, которая с Земли невидима или видима плохо. Выше Метафизики, утверждает Данте, явно противореча учению теологов, находится нравственная философия, которую он отождествляет с Первым двигателем. В астрономической системе Данте Перводвигатель, или Кристальное небо, упорядочивает суточное обращение всех остальных небесных светил. Если бы Перводвигатель стал неподвижен, то наступила бы полная неразбериха в движении планет, «и поистине не было бы на земле ни размножения, ни животной или растительной жизни; не было бы ни ночи, ни дня, не было бы ни недели, ни месяца, ни года, но вся вселенная лишилась бы порядка, и движение других небес совершалось бы понапрасну».

Таким образом, Этику Данте ставит выше Метафизики. Под Этикой он понимает науку о совершенном поведении, о морали, об идеальном устройстве государства, о законности и праве. Этика управляет движением и определяет бытие всего мира, без нее нарушились бы не только законы Земли, но и законы небес. Без Этики не было бы «ни деторождения, ни счастливой жизни, а науки были бы написаны втуне и напрасно найдены в древнейшие времена».

Систему мира Данте можно назвать космическим

панэтизмом. Он требует совершенства законов и правосудия на земле, поскольку они совершенны на небесах. Ибо только исходя из этического начала можно добиться счастливой жизни на земле, необходимой для совершенствования человека. Эта система мысли приводит Данте к идее о необходимости создания на земле единого государства, где злая воля преступных людей будет скована праведными законами; в нем исчезнет стяжательство, прекратятся грабительские войны и беззакония тиранов.

В третьем трактате «Пира» Данте стремится объяснить строение Земли. Земля представляет собою шар с двумя полюсами, из которых наш, северный, видим, в то время как южный невидим. Он предлагает читателю вообразить, что на полюсах находятся два города, на северном — Мария, а на южном — Лучия, расстояние между которыми 10 тысяч миль. Данте-геометр мерит расстояние между этими городами и экватором. Страницы, посвященные Марии и Лучии, представляют первый образчик научной прозы на итальянском языке.

Четвертый трактат «Пира» содержит две основные темы: о благородстве и совершенной мировой монархии. К теме благородства непосредственно примыкает рассуждение об идеальном человеке, подымающемся и спускающемся по арке жизни. Данте вступает в спор с императором Фридрихом II, который вслед за Аристотелем определял благородство как древнее богатство и добрые нравы. Эти мысли Данте первоначально выразил в третьей канцоне:

Так ложных мыслей стая
Летит. Себя отменнейшим считая,
Вот некто говорит: «Мой дед был славен.
Кто знатностью мне равен?»
А поглядишь — так нет его подлей.
Для истины давно он глух и слеп;
Как мертвеца, его поглотит склеп.

Благородство не зависит от богатства, низменного по своей природе. Данте прибегает к метафорам, чтобы выразить индивидуальный характер истинного благородства, которое дарується небесами и представляет собой индивидуальное, а не родовое свойство.

То примет полотно,
Во что себя художник превращает.
И башню не сгибает
Река, что из далека протекает.

Праведного и благородного человека, каково бы ни было его происхождение, не согнут приливы и отливы реки богатства. Изменить человека истинно благородного не смогут никакие перемены фортуны, говорит гордый изгнанник, испытавший влияние стоиков:

Дух истинолюбивый и прямой
Все тот же и с мошною и с сумой.

В третьей канцоне Данте удалось создать при помощи ярких и убедительных метафор поэтическое произведение на темы морали. Этика органически слита у него с поэтикой. Он увидел все же, что претворение любовных канцон в моральные поучения таит в себе натяжку, которую трудно скрыть. Для нового вина необходимы и новые мехи, чтобы форма не расходилась с содержанием. В третьей канцоне, написанной в изгнании, Данте говорит о перемене своей системы поэтического выражения. Для этого ему пришлось отказаться от поэтики сладостного нового стиля и избрать иной стих, резкий, отточенный, суровый, который затем прозвучит в «Божественной Комедии».

Стихов любви во мне слабеет сила.
Их звуки забываю
Не потому, что вновь не уповаю
Найти певучий строй,
Но я затем в молчанье пребываю,
Что дама преградила
Мою стезю и строгостью смутила
Язык привычный мой.
Настало время путь избрать иной.
Оставлю стиль и сладостный и новый,
Которым о любви я говорил.
Чтоб я не утаил,
В чем благородства вечные основы,
Пусть будут рифм оковы

Изысканны, отточены, суровы.

На проблеме благородства стоит остановиться подробнее. Основы феодального строя зиждутся на том, что духовное благородство присуще только тем, кто благороден по происхождению. Однако поэты и философы время от времени поднимали этот вопрос и пытались доказать, что духовное благородство выше благородства по происхождению и что оно может быть присуще и простым людям тоже. Особое развитие эта тема получила именно в Италии, потому что в силу ее политических особенностей власть в городах-государствах часто принадлежала людям богатым, но незнатным. И конечно, они поддерживали идею насчет того, что человек низкого происхождения тоже может обладать высоким душевным благородством.

Данте пошел дальше, чем его предшественники. Он объявил, что наследственного благородства вообще не существует. Эта естественная для современного человека мысль на рубеже XIII–XIV веков была не просто передовой, она являлась даже крамольной, потому что подрывала основы существующего строя и ломала принятую иерархию.

Не менее резко Данте высказывался и о богатстве, которым его соотечественники оправдывали любые преступления. Он говорил, что справедливого распределения земных благ не существует, в мире царят произвол и случайность, поэтому гордиться полученным по наследству богатством так же бессмысленно, как и благородным происхождением.

> Приобретение может быть дозволенное или недозволенное. Дозволенным является вознаграждение за искусство, за товар или за услугу. Недозволенным следует считать богатство, «когда оно достигается путем воровства или грабежа». Случайное обогащение, например, благодаря находке клада, потому несовершенно, что богатство обычно попадает в руки людей грубых и недостойных. Дозволенные богатства (то есть главным образом те, которые приобретаются торговлей) также редко достаются добрым людям. Эти последние заняты более важными делами, то есть наукой, искусством, законодательством. Поэтому Данте приходит к общему заключению, что богатство приобретается несправедливостью. В конце концов богатства приносят несчастья и самим богачам, которые становятся робкими и злобными, трепеща над своими

сокровищами, так как боятся потерять не только свое имущество, но и свою жизнь. «Это хорошо знают несчастные торговцы, которые странствуют по свету и которых, когда они возят при себе богатства, даже листья, шелестящие на ветру, вгоняют в дрожь; когда же у путешественников ничего нет, они без тревог коротают свой путь песнями и всякими утехами». Данте приводит из «Фарсалии» Лукана следующие строки: «О ты, надежная сила бедной жизни! О вы, тесные хижины и скромный скарб! О вы, еще не познанные богатства богов! В каких храмах и в каких чертогах можно было не убояться никакой резни, когда десница Цезаря постучится в дверь?»

Истинное благородство, не зависящее ни от происхождения, ни от богатства, является началом всех добродетелей. В своих стихах Данте говорит, что благородство есть «семя блаженства, которое небеса бросают только в гармоническое существо»; тем самым Данте возвращается к платонизированным идеям Гвидо Гвиницелли, которого он упоминает в главе двадцатой третьего трактата. В конце последней канцоны «Пира» Данте рассматривает эволюцию совершенного человека, истинно благородного и добродетельного, в зависимости от возраста. Возрастов человеческой жизни четыре: юность, продолжающаяся (вместе с детством) 25 лет, зрелость — от 25 до 45 лет, старость — от 45 до 70; при этом распределении вершиной жизни следует считать 35 лет. Напомним, что условно Данте начал «Божественную Комедию» в 1300 году, когда он достиг этого возраста. Таким образом, если вообразить жизнь как восходящую и нисходящую дугу, то 35 лет придутся посредине. Однако Данте не выдержал до конца этой системы, предположив, что возможен еще четвертый период жизни — дряхлость, которая продолжается до 80–81 года. Платон, по преданию, жил 81 год и умер, когда совершенное число девять умножилось 9 раз!

Конечно, бывают случаи, когда ранняя смерть прерывает жизнь человека, однако Данте интересует совершенное долголетие человеческого рода. Итак, каждому возрасту даруются специфические добродетели, все одинаково проистекающие из истинного благородства. Для юности необходимы послушание, ласковость, стыдливость, телесная красота. Данте настаивает на важности этого последнего качества: «При

этом надо иметь в виду, что и это проявление природы необходимо для нашей доброй жизни; большую часть действий положено нашей душе производить при помощи телесных органов, а это легче, когда тело должным образом сложено и соразмерно во всех своих частях. Когда же оно хорошо сложено, тогда оно красиво в целом и в частях и доставляет наслаждение своей удивительной гармонией, а хорошее здоровье набрасывает на него покров сладостного для взоров цвета. Поэтому говорить, что благородная натура украшает свое тело и делает его пригожим и складным, все равно как сказать, что она доводит его до совершенной упорядоченности, и это, равно как и другие разобранные нами свойства, по-видимому, необходимо для юности». Эта гармония души и тела — идеал гуманистов Возрождения, противоречащий средневековой аскезе. В заключительной строфе третьей канцоны Данте говорит о четырех возрастах:

Душа, украшенная даром бога,
До смертного предела,
С тех пор как узы ощутила тела
Таиться не вольна.
Она нежна, стыдлива и несмела
У юности порога;
Прекрасная, она взирает строго,
Гармонии полна.
Созрев, она умеренна, сильна,
Полна любви и в нравах куртуазна,
А в старости щедра,
Предвиденьем и мудростию властна
И, радуясь, согласна
О благе общем рассуждать бесстрастно.
Достигнув дряхлости, она стремится
С всевышним примириться,
Как надлежит близ смертного одра,
Благословив былые времена.

Для Данте величайшим образцом зрелого человека является основатель римского государства Эней. Он был вежлив, честен перед законом, любвеобилен, стоек и умерен. В старости надо быть справедливым, благожелательным и разумно щедрым, интересоваться не личными делами, а общественными, памятуя слова

Аристотеля «человек — животное общественное». Приобретая к старости большой опыт и осторожность, человек оказывается способен давать верные и мудрые советы. В пример бескорыстной, доблестной и достойной жизни Данте приводит другого римлянина — Катона Утического, «который был рожден не для себя, а для отечества и всего мира». Уже в «Пире» Катон, покончивший с собою, чтобы не подчиниться тирании Цезаря, является скорее символом, чем историческим воспоминанием о некогда жившем человеке. Этим объясняется и его появление в «Божественной Комедии» как стража чистилища. Именем Катона Данте завершает свои рассуждения о признаках благородства, «ибо Катон благороден на протяжении всех возрастов».

В четвертом трактате «Пира» уже заметно появление идей следующего произведения Данте — «Монархии». Он начинает задумываться о едином мировом государстве под владычеством некоего императора, который прекратит междоусобные войны и объединит под своим справедливым правлением все страны. Только в едином государстве, по мнению Данте, три аллегорические дамы — Справедливость, Правда и Законность — найдут себе достойное убежище. Для того чтобы прекратилась анархия, по мнению Данте, нужна триада: единый руководитель мирового государства, единый папа, как духовный властитель, и философ-советник при императоре, не зависящий ни от авторитета церкви, ни от воли правителя. Можно даже сказать, что Данте придумал что-то вроде разделения ветвей власти, разумеется, в зачаточном состоянии и в рамках идей своего времени. Духовная — папе, светская — императору, исправляющая и направляющая — философу.

Современную же ему Италию он сравнивал с конем без всадника, который носится по полю без управления и без помощи. Этот мотив потом будет звучать и в одной из самых знаменитых песен «Чистилища»:

Италия! Кидаемый по воле
Бурливых волн, ты — остов корабля,
Носящийся без верного руля!
Среди племен ты не царица боле:
Терзаема раздором и стыдом —
Приют скорбей и непотребный дом.
Тот светлый дух приветствовал, как сына,
Страны своей родимой гражданина.
А ныне что? Враждой разлучены

Живущие в одних стенах сыны,
И нет угла во всей земле обширной,
Где жили бы спокойно жизнью мирной.
Юстиниана смелая рука
Тебя сдержать старалась бесполезно.
Пока в седле не будет седока —
И надобности нет в узде железной:
Лишь увеличен ею твой позор.
Когда б ты чтила Господа веленье.
Ты Цезарю вручила б управленье.
О, дикий конь! Не с тех ли самых пор
Ты сделался упрям и непокорен,
Как, будучи (увы, к его стыду!)
Альбрехтом взят тевтонским на узду,
Ты не был им оседлан и пришпорен?
Рудольфа сын, обязан был седлом
Ты завладеть! И твой отец в былом,
И ныне ты, из трусости корыстной,
Дозволили ватаге ненавистной
Опустошить великолепный сад Империи.
Укоры вам стократ
За это шлю — отныне и вовеки!
Враждуют Капулетти и Монтекки;
Мональдо с Филиппески — во вражде.
Повсюду страх, насилие и горе,
Ошибок ряд увидишь ты везде,
Опасности грозят Санта-Фиоре.
Приди взглянуть на Рим, тебе родной!
Он, как вдова, не осушает очи,
К тебе с мольбой взывая дни и ночи:
— «Зачем, о ты, мой Цезарь, не со мной?»
Взгляни, как все исполнены любовью!
И, если ты не пожалеешь их —
Себя стыдись и славы дел твоих!
Владыка наш, Ты, искупивший кровью
Грехи людей, умерший на Кресте, —
Ужель от нас Ты отвращаешь взоры?
Иль мы в земной не видим слепоте
Путей Твоих? Посеяны раздоры
Тиранами во всей земле родной,
Где каждый вождь становится Марцеллом.
Я не коснусь в моем укоре смелом,
Флоренция моя, тебя одной.
Живет в сердцах у многих справедливость,

А у тебя в устах она живет.
Сынам твоим присуща торопливость,
И, прежде чем их кто-либо зовет,
Бегут они опрометью вперед,
Готовые служить любому делу.
К завидному ты призвана уделу!
Довольна будь, родная сторона,
Богатствами и мудростью полна,
Все лучшее имея, даже — море!
А прав ли я — увидим это вскоре.
Ты превзошла на первой же поре
В правлении и Спарту, и Афины,
Твои законы тоньше паутины,
И тем, что ты сплетаешь в октябре, —
Не пережить ноябрь до середины.
Как много раз в течение времен,
Мне памятных, меняла без причины
Ты у себя обычаи, закон,
Правителей, монету, учрежденья.
Припомни все, — и ты найдешь сравненье,
Пришедшее невольно на язык:
Положена на мягкий пуховик,
Так мечется, без устали стеная,
На нем порой капризная больная.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

«О народном красноречии»

Так, по смягченному умеренному свету,
Увидел я, что был на высшую планету
Шестую вознесен, и в небе я достиг
Звезды Юпитера, где сонмы душ, летая
И в виде светлых букв сливаясь и блистая,
Изображали все собою наш язык.
Порой изгибами такими птичек стая
Взлетает над рекой, себе наметив цель.
Так духи светлые, как будто в начертаньях,
Изображали там в чудесных сочетаньях —
Для взоров ясные: то D, то J, то L.
Сперва кружилися они под звуки пенья,
Составив же одну из этих букв — тотчас
Недвижны делались, смолкая на мгновенье.
О ты, кому всегда покорен был Пегас!
Ты гениям даешь бессмертие по праву.
Бессмертием даришь и город, и державу,
Своим наитием чудесно осеня,
Дай силу мне воспеть блаженных духов славу,
К изображенью их ты вдохнови меня!

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Примерно в то же время, когда Данте сочинял «Пир», он начал работу над еще одним трактатом, но на сей раз на латыни. При этом посвящен был этот трактат, как ни парадоксально это выглядит на первый взгляд, итальянскому языку. Все дело в том, что труд «О народном красноречии», в котором Данте рассматривал особенности происхождения, изменения и использования живого итальянского языка, предназначался не для широкой публики, а для ученых людей, и соответственно, как все серьезные научные работы того времени, должен был быть написан на латыни.

Трактат этот был поистине новаторским — ничего подобного прежде никто из итальянских поэтов и других мастеров слова не писал. Пожалуй, «О народном красноречии» — первый опыт теории итальянской поэзии, до него существовали только наставления в практическом стихосложении.

Начинается трактат с происхождения языков и анализа романских языков со всеми диалектами, чтобы определить, что же можно называть настоящим литературным итальянским языком и откуда он пошел. Вторая часть — это уже история и теория поэзии. Данте считал, что литературный итальянский язык складывался именно в поэзии, а значит, в ней и надо искать его истоки. Впрочем, тут с ним трудно спорить — к началу XIV века более-менее значимой прозы на итальянском еще не существовало, тогда как поэзия уже сто лет как активно развивалась и совершенствовалась.

> Самой совершенной поэтической формой своего времени Данте считает канцону. Поэт прекрасно знал античную теорию о трех стилях; канцона требует стиля трагического или высокого, в то время как для сонета пригодны и средний и низкий стили. Данте успел написать только о канцоне. Исследование итальянских рифм и «низших» форм — сонета и элегии — должно было содержаться в следующих частях трактата, оставшихся ненаписанными.
>
> Народной речью, по определению Данте, является речь младенцев, то есть язык, воспринятый от матери или кормилицы, в то время как вторичной речью является та, которую римляне называют «грамотной», то есть зависящей от грамматики. Естественна первая, вторая же искусственна. Дар прирожденной речи свойствен только человеку: ангелы и демоны не нуждаются в словах, животным они недоступны. Восходя к истокам человеческой речи, Данте думал, что древнееврейский язык был «первым в мире, а первым словом, произнесенным первым человеком, было „эль“, то есть бог. После Вавилонского столпотворения произошло разделение человечества по ремеслам; каждое ремесло заговорило на своем языке. „Род человеческий сошелся на нечестивое дело: одни отдавали приказания, другие делали чертежи, третьи возводили стены, иные выравнивали их по линейкам, те выглаживали штукатурку, те ломали камни, кто по морю, кто по земле с трудом их волочили, а остальные занимались всяческими другими работами, когда были приведены ударом с неба в такое смешение, что все говорившие при работе на одном и том же языке заговорили на множестве разнородных языков, работу прекратили и больше уже не могли столковаться. Ведь

только у занятых одним каким-нибудь делом удержался один и тот же язык, например, один у всех зодчих, один у всех перевозчиков камня, один у всех каменотесов“».

Итак, новые языки родились из трудового процесса, на них заговорили ремесленники. Такое «цеховое разделение», примененное в лингвистической сфере, чрезвычайно характерно для мышления флорентийца. Но что же случилось с первоязыком, древнееврейским? У Данте заметно некоторое колебание — эволюционировал ли он дальше, или же остался в том виде, в каком был в эдеме. Данте оговаривается: на священном языке потомки Сима говорили лишь до своего рассеяния. Так и латинский язык, хоть «и не подвержен порче», все же и он эволюционировал, поскольку не застыл в латинской грамматике. Позже, в «Раю», Данте скажет, что язык является следствием самой природы человеческой и что он изобретен Адамом. Впрочем, в «Раю» Адам уверяет, что первое слово было «и», которое лишь впоследствии стало звучать «эль». Следственно, все языки подвержены эволюции.

…А что до языка
Первоначального и для меня родного —
Среди людей угас бесследно он, пока
Еще не начата была толпой народа
Постройка дикая во времена Немврода.
Не вечны на земле бывают все дела,
Подвержены небес влияниям. Природа
Дар слова людям всем естественно дала,
Но говорят они на языках различных,
И раньше же, чем в мир страданий безграничных
Сошел я, — на земле именовали El Добро
Верховное и всех стремлений цель. Лучи
Которого собою мир одели.
Позднее слово то преобразилось в Eli…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

После рассеяния народов по всему миру те племена, которые населили Европу, объяснялись в основном на трех языках: в южной Европе говорили на романских

наречиях; север и восток заняли многочисленные племена, говорящие утвердительно «jo» (Данте, по-видимому, не различал славян от германцев, вернее, считал их народами родственными). Третьей группой языков был греческий, распространенный и в Европе и в Азии. Южные (романские) наречия делятся на три основных языка. Одни из жителей юга Европы при утвердительном ответе говорят «ос», другие «oil», третьи «si», а именно испанцы («ок»), французы («оиль») и итальянцы («cu»). Ясно, что Данте объединял провансальцев, каталанцев и испанцев в одну группу, причем видно, что языки провансальцев и каталанцев были ему лучше известны.

Данте совершенно справедливо заметил, что наречия романских народов происходят от одного языка и содержат значительное количество слов от общего латинского корня. Он также высказывал мнение о том, что все романские языки были первоначально одним языком. Он ставит перед собой вопрос — почему происходит деление языка? «Почему, собственно, язык разделился натрое и почему любое из этих разделений делится снова и в самом себе, например, речь правой части Италии отличается от речи левой, ибо по-иному говорят падуанцы и по-иному пизанцы; и почему даже близкие соседи различаются по речи, например, миланцы и веронцы, римляне и флорентийцы, да и сходные по роду и племени, как, например, неаполитанцы и гаэтанцы, равенцы и фаэнтинцы; и что еще удивительнее — граждане одного и того же города, как болонцы предместья Сан Феличе и болонцы с Большой улицы?» Так как человек существо неустойчивое и переменчивое, то и язык, по мнению Данте, не может быть ни долговечным, ни постоянным, но, подобно одежде, обычаям и нравам, изменяется в связи с местным развитием и течением времени. Автор «Народного красноречия» приходит к заключению о неизбежной эволюции языков. Нельзя не отметить замечательное проникновение Данте в общие законы изменения человеческого языка и человеческого общества. Он пишет: «Мы гораздо больше отличаемся от древнейших наших сограждан, чем от отдаленнейших современников, поэтому мы смело свидетельствуем, что, если бы теперь воскресли древнейшие жители Павии, они говорили бы с нынешними ее жителями на языке

особом и отличном». Но эволюция совершается постепенно, а постепенного движения люди не замечают. Этой эволюцией языка «были обеспокоены изобретатели грамматической науки, поскольку грамматика есть не что иное, как учение о неизменном тождестве, не зависимом от разного времени и местности». Разве не следует из этого заключения, что латинский язык грамматиков — язык мертвый, так как живо лишь то, что изменяется?

Следует ли отдать предпочтение одному из трех языков романского юга? Данте не хочет решать этого вопроса и приступает к изучению народной италийской речи, показывая необычайные для своего времени осведомленность и наблюдательность. Он положил основу итальянской диалектологии и лингвистике новых языков.

Италия, замечает Данте, разделяется на две части грядой Апеннин: реки западной, правой стороны впадают в Тирренское море, левая, восточная обращена к Адриатике. Данте перечисляет итальянские провинции и государства, каждое из которых имеет свой диалект, сильно отличающийся от других. Но и внутри этих диалектов (а их в Италии не менее четырнадцати) есть различия, как, например, в Тоскане — между сьенским и аретинским, в Ломбардии — между феррарским и пьяченцким. Если бы захотели подсчитать основные, второстепенные и третьестепенные различия между наречиями Италии, то и «в этом крошечном закоулке мира, — полагает автор трактата, — пришлось бы дойти не то что до тысячи, но и до еще большего количества различий».

Затем Данте говорит с насмешкой о неправильности и грубости различных диалектов, приводя сатирические песенки, осмеивающие говоры Италии. Аквилейцы и истрийцы «изрыгают резким голосом свои фразы»; сардинцы, которые не являются италийцами, но к ним причислены, подражают латыни, «точно обезьяны людям». (Данте недостаточно ясно судил об изменении латинских форм в сардинских диалектах, которые казались ему нелепыми.) Апулийцы лопочут по-варварски и говорят «вообще непристойно». Данте осуждает и римлян и венецианцев.

Сицилийская народная речь претендует на преимущество перед другими, так как в Сицилии

началась итальянская поэзия и многие ее мастера пели на языке придворном и возвышенном. Там, при дворе Фридриха II и Манфреда, которые презирали невежество и проявляли величие и прямодушие, начал было развиваться возвышенный литературный язык и все лучшее, написанное на народной речи, стало называться сицилийским. Однако эти похвалы нельзя распространить на все сицилийское наречие. Вспомнив о раздробленности Италии, заблудившейся «в лесе диалектов», Данте восклицает со свойственной ему страстностью:

«Рака, рака! О чем звенит теперь труба последнего Фредерика? О чем колокол второго Карла? О чем рога могущественных маркизов Иоанна и Аццо? О чем флейты других владык, кроме как „Сюда, палачи! сюда, лицемеры! сюда, корыстолюбцы!“?» Данте употребляет запрещенное Евангелием от Матфея слово «рака», что значит — дурак, жалкий человек, чтобы показать крайнее свое негодование. «Последний Фредерик» — король Сицилии, а «второй Карл» — король Неаполя, маркизы Иоанн и Аццо — Джованни Монферратский и Аццо VIII д'Эсте, умерший в 1308 году. Так как маркиз Джованни Монферратский, скончавшийся в феврале 1305 года, здесь упомянут как живой, следует заключить, что первая книга «О народном красноречии» была написана до этой даты, по всей вероятности, еще в Вероне.

Переходя к тосканским диалектам, Данте осуждает Гвиттоне из Ареццо, развенчивая также и других местных поэтов, не исключая флорентийцев, впрочем, он добавляет: «Хотя все почти тосканцы и коснеют в своем гнусноязычии, мы знаем, что некоторые из них постигли высоту народной речи, а именно флорентийцы Гвидо, Лапо и еще один, да и Чино из Пистойи, которого мы не по недостойной причине вынуждены недостойно поставить сейчас за ними». Таким образом, Данте делает исключение для поэтов сладостного нового стиля во Флоренции. Заметим, что «еще один» — это сам Данте Алигьери! Если он ставит Чино после флорентийцев, то только потому, что Чино происходил из города Пистойи. Походя Данте отмечает некоторых поэтов, которые, принадлежа по рождению к несовершенной диалектальной среде, над нею возвысились и пишут на языке, близком к лучшим образцам сицилийского, а

также к литературному наречию Болоньи и Флоренции, как, например, Альдебрандино из Падуи (бывший подеста Флоренции).

Где же скрывается совершенная итальянская речь? Чтобы найти ее, Данте прибегает к метафоре «пантера». В «Истории животных» Аристотеля, а также у Плиния Старшего в «Естественной истории» и, наконец, у Исидора Севильского и Брунетто Латини можно прочесть, что от пантеры исходит сильное благоухание, привлекающее охотников; охотники чувствуют близость пантеры, ее запах, разлитый кругом, но изловить ее не могут. Подобно пантере, совершенная италийская речь находится как бы всюду и нигде. Данте приводит мнение Аристотеля о том, что сущее определяется при помощи простейших категорий или предикатов, то есть первичных элементов, которые определяют реальность сущего, наблюдаемого в различных возможных его проявлениях. В эти определения, по учению средневековых аристотеликов, входят качество, количество, соотношение, действие, влияние, место, время, положение. В данном случае следует найти общие признаки (качества), по которым оцениваются достоинства людей. Присущий всем итальянцам народный италийский язык, как некая простейшая субстанция, существует всюду в Италии; это его качество проявляется во всех диалектах, но нигде полностью. Применение философского принципа «единого простейшего» к лингвистике принадлежит всецело Данте. Данте считает, что поскольку итальянцы поступают, как граждане, у них имеются законы, определяющие хорошего и дурного гражданина, имеются простейшие признаки обычаев, одежды, речи, по которым определяется, что они являются италийцами. Подобно этому, итальянский народный язык существует как некая простейшая народная субстанция всюду в Италии, но нигде полностью. Эта мысль Данте находится в прямой зависимости от «простейшего» аристотелевской философии. Данте ставит явления языка на один уровень с гражданскими законами и юридическими нормами (римского права) для утверждения внутреннего единства Италии. Он приходит к заключению, «что в Италии есть блистательная, осевая, придворная и правильная народная речь, составляющая собственность каждого и ни одного в отдельности италийского города, которой

все городские речи италийцев измеряются, оцениваются и по которой равняются».

Данте рассматривает в последующих главах эпитеты, которые он применил для определения народной речи, то есть: блистательная, осевая, придворная и правильная. Он говорит: «Возвышенна она, несомненно, потому, что из стольких грубых италийских слов, из стольких запутанных оборотов речи, из стольких уродливых говоров, из стольких мужиковатых ударений она вышла, мы видим, такой отличной, такой распутанной, такой совершенной и такой изысканно-светской, какой являют ее Чино да Пистойя и его друг в своих канцонах». Из этой цитаты явствует, что Данте не отличался ложной скромностью и что в стихах поэтов сладостного нового стиля как раз и скрывалась «благоухающая пантера» древней легенды, то есть блистательный литературный итальянский язык. Эта речь является осевой, так как скопище городских говоров «поворачивается туда и сюда, следуя движению и остановке той, которая поистине является главой семьи. Разве не искореняет она день за днем „тернистые заросли итальянского леса“?» И если в Италии нет двора, как в Германии или во Франции, продолжает Данте, то потенциально существует императорская курия, несмотря на то, что тело Италии расчленено. Та речь, которая принадлежит всей Италии, и есть народная итальянская речь. Ею пользовались в Италии мастера поэтических творений на народном языке на севере и на юге, на западе и на востоке Апеннинского полуострова.

«Благодатный светоч разума» проистекает, по мнению Данте, из римского права, единого в разобщенных провинциях и городах Италии, а также из внутреннего единства итальянского литературного языка, связанного с диалектами и стоящего над ними.

В начале второй книги Данте подчеркивает, что стихи являются образцом для прозаиков, а не наоборот. Наилучший язык присущ людям знающим и одаренным. Слова не должны расходиться с мыслью стихотворца. Три темы преобладают, по мнению Данте, в поэзии: воинская доблесть, любовный пыл и справедливость. Так, в провансальской поэзии Бертран де Борн воспел битвы и отвагу воинов, Арнальдо Даниэль — любовь, а Герaут де Борнейль — прямоту и справедливость. Если мы обратимся к поэзии итальянской, то приходим к

выводу, продолжает автор трактата, что Чино да Пистойя воспевал любовь, а его друг (то есть Данте!) — справедливость. Что же касается ратных подвигов, то доселе их не прославил в стихах еще ни один итальянец. Все эти темы требуют для своего выражения возвышенной народной речи.

Затем Данте рассматривает различные формы итальянского стиха. В его время одни поэты писали канцоны, другие — баллаты или сонеты, а третьи вовсе не следовали правилам стихосложения. Из всех перечисленных размеров Данте признает лучшим канцону. Канцона не нуждается в музыкальном сопровождении и танце, как баллата, по своему стилю она выше сонета. Все лучшее, что было создано в итальянской поэзии, написано размером канцоны.

Данте требует от поэтов, пишущих на вольгаре, чтобы они следовали законам ученой поэтики и поняли, что слогом трагедии является высокий слог, в то время как комедии свойствен более низкий. Данте не успел написать книги, посвященной сонету, но, по-видимому, сонет следовало сочинять низким или средним стилем, так же как и комедию. Известно, что к среднему или низкому стилю относилась также легкая лирика и сатира…

Он приводит примеры речевого строя, сначала свойственного людям образованным, затем — знатокам риторики. Однако автор трактата одобряет далеко не все риторические приемы и не отказывает себе в удовольствии посмеяться над писателями, лишь «поверхностно вкусившими риторики». Для иллюстрации своей мысли Данте приводит оборот, характерный для речи придворных льстецов: «Похвальная осмотрительность маркиза д'Эсте и его благорасположенное величие делает его всем любезным». Ирония подчеркивается самим именем маркиза д'Эсте, которого Данте ославил как тирана. По-латыни эта фраза ритмична, она разделена на три части с различными комбинациями курсуса. Но автор «Народного красноречия» ищет фраз, отличающихся краткостью и элегантностью. Этот латинский строй должен служить примером поэтам, которые пишут на народных языках.

Затем Данте приводит несколько примеров изящных словосочетаний из провансальских и итальянских

поэтов. У сицилийцев и французов Данте берет лишь по одному примеру — у короля Наваррского и у судьи из Мессины (Гвидо делле Колонне). Итальянские примеры выбраны только из поэтов сладостного нового стиля — от Гвидо Гвиницелли до самого Данте. Для того чтобы достигнуть совершенства в этом стиле, необходимо следовать образцовым поэтам, поучает Данте, то есть Овидию, Стацию и Лукану. Среди прозаиков учителями стиля являются Тит Ливий, Плиний (по-видимому, Младший), Орозий и Фронтин. Павла Орозия, автора «Истории против язычников», и Сикста Юлия Фронтина, написавшего «Книгу военного лукавства» (I в. н. э.), мы не считаем «классиками», но наши воззрения во многом отличаются от вкусов и пристрастий XIV века. Данте с большой резкостью обрушивается на Гвиттоне д'Ареццо и его последователей, которые не желают учиться на лучших образцах древности и язык которых невежествен и груб.

Автор «Народного красноречия» понял, что стилистика поэзии и прозы на новых европейских языках не в меньшей степени, чем на древних, связана с отбором слов. Он пишет: «Иные слова бывают детскими, иные женственными, иные мужественными; а из них одни дикие, другие светские; из тех же, какие мы называем светскими, одни мы ощущаем как расчесанные и напомаженные, другие как волосатые и взъерошенные. И вот среди расчесанных и волосатых находятся те, какие мы называем величавыми, а напомаженными и взъерошенными мы называем те, которые чересчур звучны». Данте полагает, что слова должны быть просеяны сквозь сито. Он запрещает для высокого стиля канцоны выбор слов «детских, из-за их простоватости, вроде маменька и папенька, ни женственных из-за их изнеженности, как душенька и милашка, ни диких, из-за их терпкости, вроде отара и цитра, ни напомаженных и взъерошенных светских, вроде женщина и тело».

Для пишущих канцоны остаются «расчесанные и волосатые светские слова, весьма благородные, и члены блистательной народной речи». Данте объясняет, что «расчесанными» следует считать прежде всего слова трехсложные (но также и двусложные), в которых не встречается соединение плохо звучащих согласных, как, например, amore (любовь), donna (госпожа), virtute (добродетель). «Волосатыми» словами Данте называет те,

которые необходимы для связи, а также междометия. Украшающими, по его мнению, следует признать слова многосложные, которые в смешении с необходимыми связками «дают прекрасную слаженность сочетанию»…

В те годы, когда создавались трактаты «Пир» и «О народном красноречии», Данте считал канцону самым совершенным видом высокой «трагической» поэзии. Канцона требовала не только большого мастерства, но также сознательного отбора слов. Тем самым она была ограничена в словесном материале, что не могло не привести к ограниченности ее тем и сюжетов. Когда Данте изобрел терцины, перед ним открылся безграничный горизонт творческих возможностей. Творец «Божественной Комедии» нарушил собственные запреты прежде всего в стилистике. Его дьяволы в аду говорят таким языком, который возможен был только в сонете, да и то у поэтов «простонародных», как Рустико Филиппи или Чекко Анджольери.

Терцина вместила все стилевые возможности итальянского языка. Преодолев ограничения «жанров» и освободясь от стилистических систем античных и средневековых теоретиков, Данте открыл новые пути мировой литературе.

«Монархия»

…Ты видишь длинный ряд
Одежд, блистающих безгрешной белизною,
Ты видишь, как велик наш лучезарный град,
Который славою исполнен неземною,
Ряды его полны, и лишь немногих ждут.
Но ранее, чем ты за пир воссядешь тут,
Вон там, на высоте блистательного трона —
Его украсила имперская корона, —
Мы душу Генриха увидим короля,
Которого не ждет Италии земля,
Но мир внести в нее — была его задача.
Похожи на детей вы в жадности слепой,
Что грудь кормилицы отталкивают, плача,
И гибнут с голоду. Дорогою одной
С монархом не пойдет ни косвенно, ни явно
Тот, кто на форуме Божественном бесславно
Префектом явится. Но воля Божества
Не может допустить, чтоб осквернялось долго
Им исполнение священнейшего долга;
Но тьму, куда низверг Он Симона-волхва,
Его низвергнет Он за гнусное деянье,
А ниже погрузит пришельца из Ананьи…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

О том, чем Данте занимался в годы изгнания (кроме литературной деятельности, разумеется), до нас дошло довольно мало свидетельств. Но судя по тем немногим документам, которые сохранились, он не просто так ел хлеб сеньоров, дававших ему покровительство, а отрабатывал его тем, что исполнял для них различные дипломатические поручения.

Например, есть текст мирного договора между маркизами Франческино де Мулаццо и его двоюродными братьями Мороэлло и Ксррадино о прекращении вражды с Антонием Камулла, епископом и графом Луни, заключенный при посредстве уполномоченного маркизов Данте Алигьери из Флоренции. И к нему еще один документ, датированный тем же числом, где написано, что в местечке Кастельнуово близ Сарцаны состоялось

окончательное примирение, и Данте по обычаю обменялся с епископом поцелуем. Этот договор положил конец многолетним стычкам и убийствам простого народа, населявшего пограничные земли.

Поселение, где находился бывший епископский дворец, расположено недалеко от моря, на вершине холма. За замком гряда возвышенностей, покрытых каштанами и оливами, постепенно переходит в Аппуанские горы, белеющие снежными вершинами. Замки Кастельнуово и Фосдинов, входящие уже во владения Маласпина, расположены по соседству, но скалистые холмы скрывают их один от другого. Внизу простирается белая лента реки Магры, постепенно расширяющаяся, при устье своем синяя, как море, в которое она вливается.

На последней скале над рекой около моря возвышается монастырь Корво. В письме аббата монастыря фра Иларио, известном уже Боккаччо (некоторые скептические дантологи приписывают это письмо самому автору «Декамерона»!), рассказывается о том, как неизвестный путник постучался в ворота обители. «Он пришел сюда, привлеченный, может быть, святынями места, а может быть, и чем-нибудь другим. Так как он еще не был знаком ни мне, ни кому-либо другому из нашей братии, то я спросил его, чего он хочет и чего он ищет. Он не шевельнулся, но стоял неподвижно, устремив глаза на колонны и арки нашего монастыря. Тогда я повторил вопрос, и он, тихо повернувши голову и посмотрев на меня и на братию, ответил: „Мира!“ Тогда, интересуясь все более и более узнать, кто он, я отвел его в сторону и перекинулся с ним еще несколькими словами. Тут я узнал, кто он, ибо хотя я его никогда не видал, но его слава уже долетела до нас».

В настоящее время и от епископского замка, и от монастыря Корво остались лишь развалины. Сохранилась одна из мощных восьмиугольных башен замка в Мулаццо. Народ называет ее до сих пор «башнею Данте», у ее подножия еще в XIX веке находился домик, в котором будто бы жил великий поэт. Так в народном воображении легенда одолевает историю и тень Данте бродит в поисках мира между башней маркиза Франческино и монастырем брата Иларио.

Из замков Маласпина в Луниджане Данте, по-видимому, совершил поездку в горные долины верхнего течения реки Арно. Может быть, из Казентино Данте написал маркизу Мороэлло, своему другу и покровителю, о беспощадной любви, настигшей его:

«Итак, после того как я покинул ваш дом, по которому так тоскую и где (как вы неоднократно с радостью говорили) мне было позволено делать, что я хотел, едва я ступил совершенно уверенно и не соблюдая осторожности на берег Арно, тотчас же, увы, словно упавшая с неба молния, предо мною возникла, не ведаю каким образом, — некая дама, и своим обхождением и внешностью близкая моим чаяниям. О, как поразило меня ее появление! Но грянул гром, и изумление кончилось. Ибо, подобно тому, как блеск молнии среди ясного неба непременно сопровождается громом, страшная и властная сила Амора овладела мною, едва я увидел блеск ее красоты. И этот жестокосердый, словно изгнанный из отечества господин, который после долгого изгнания возвращается в свои владения, все то, что было во мне противно ему, обрек либо смерти, либо изгнанию, либо цепям. Он положил конец похвальным моим намерениям, ради которых я чуждался и дам и песен о них; он безжалостно лишил меня, как чуждых ему, тех постоянных раздумий, которые помогали мне исследовать и небесные и земные предметы; и наконец, дабы душа моя не восстала против него, сковал мою волю и принуждает меня делать не то, что угодно мне, а то, что ему угодно. И во мне царит Амор, и никакие силы не осмеливаются противиться ему; и о том, как он правит мною, вы сможете прочесть ниже, за пределами данного письма».

Вслед за этим посланием или вместе с ним — как можно предполагать — Данте отправил маркизу канцону, названную «Горная» (la montanina), в которой говорится о встрече на берегу Арно с неумолимым Амором.

Итак, Данте снова влюбился, а значит, вернулся к подзабытой за последние неспокойные годы любовной лирике. Горная канцона стала введением в цикл стихов о Каменной Даме, как Данте именовал прекрасную мадонну Пьетру, к которой он неожиданно воспылал чувствами. Кто была эта дама, неизвестно, скорее всего — родственница кого-то из местных феодальных

магнатов.

Цикл стихов о Каменной Даме состоит из двух канцон и двух секстин в стиле трубадуров Прованса. Мадонну Пьетру Данте сравнивает с оледеневшим камнем, тогда как о себе говорит, как о пылающем пламенем любви среди льдов и снега. Каждая строфа заканчивается одинаковыми рифмами: камень — камень, мрамор — мрамор.

Тем временем политическая жизнь Италии, как обычно, бурлила, и вот 27 ноября 1308 года произошло событие, которое всколыхнуло в Данте надежду на осуществление его мечты о единой и мирной Италии и даже о возрождении величия Римской империи. Римским императором был избран Генрих, граф Люксембургский. Данте в это время, видимо, находился в Париже, но услышав о намерениях императора направиться в Рим, он тут же решил вернуться в Италию.

> В начале своего появления в «саду империи», как именовали в то время Италию, Генрих не обнажал меча. Он протягивал лилию мира, обещал праведный суд и милосердие и объявил, что не делает различий между гвельфами и гибеллинами. Казалось, вот пришел наконец тот идеальный государь, которого создал в своем воображении Данте. Узнав о прибытии Генриха VII, десятки тысяч людей, скитавшихся по стране и лишенных крова, воспылали надеждой. С мольбой простирали они руки к императору, ожидая, что он вернет их в родные города, откуда они были изгнаны. Генрих с радостью пошел навстречу уповавшим на его помощь, но можно с уверенностью сказать, что бывший люксембургский граф не отдавал себе вполне отчета в тех трудностях, которые ожидали его в Италии. Одна возможность возвращения изгнанников по воле императора создавала Генриху VII врагов среди правителей городов-республик, которые вовсе не желали принять в стены своих городов ими изгнанных и вернуть им расхищенное добро. Несостоятельность политики всеобщего примирения и объединения враждующих партий стала ясной уже в Милане, куда в начале следующего года прибыл новый монарх.

В январе 1309 года папа Климент V, поначалу поддерживавший нового императора из собственных эгоистических соображений, короновал Генриха VII в Миланском соборе. Данте присутствовал при этом и радостно преклонил колена перед королем, как того требовал обычай. В то время он

искренне верил, что на самом деле можно объединить и примирить итальянские государства.

В дни пребывания Генриха в Милане поэт обратился с письмом к правителям и народам Италии. Данте предвещает появление совершенного государя, который примирит всех враждующих. «Все страждущие от голода и жажды насытятся в свете его лучей; а те, кому люба несправедливость, придут в замешательство перед его сияющим ликом». Этому совершенному кесарю противна мысль о жестокости, и, даже карая, он придерживается справедливых мер. Данте призывает всех итальянцев обратиться к императору и подчиниться ему: «Я призываю вас не только подняться ему навстречу, но и высказать восхищение перед его лицом. О вы, что пьете из его рек и плаваете по его морям; вы, что ступаете по песку побережий и вершинам Альп, принадлежащих ему; вы, что пользуетесь всеобщими благами, каковы бы они ни были, и имеете ваше собственное достояние лишь благодаря его закону; не пытайтесь, словно невежды, обманывать самих себя, теша свое сердце словами: „Над нами нет хозяина!“»

В этом письме Данте еще наивно верит, что двуличный папа Климент V окажет действенную помощь новому императору…

В апреле месяце Генрих VII направился на юг, но далеко не все города открыли ему ворота. Он осадил Кремону, которая сдалась после недолгого сопротивления… Таким образом, лилия мира была отброшена и император появился с мечом в руках. В одном из немногих датированных писем: «В Тоскане близ истоков Арно апреля 1 восемнадцатого дня счастливейшего прихода божественного Генриха в Италию» (то есть 1311 года) Данте заклинал императора оставить ломбардские дела и направиться в Тоскану. Но Ломбардия была усмирена лишь отчасти, не только Кремона, но Лоди, Брешиа, Бергамо, Мантуя, Падуя отказались принять императорских наместников. Если бы Генрих обратил внимание на письмо Данте и воспользовался его советами, весьма возможно, что путь в Рим открылся бы ему гораздо ранее. Несомненно, что если бы Флоренция пала, то испуганные этим поражением города гвельфской лиги северной и центральной Италии открыли бы ворота императорским

викариям. Как и первое письмо, это второе послание написано с большой страстностью. У истоков Арно среди своих старых друзей Данте ожидал исхода грозных событий. Как библейский пророк, он не только хвалил, но и в гневе наставлял государя. Император, которому принадлежит весь мир, увяз в ничтожнейшей части мира, и пока он медлит, крепнет тосканская тирания и набирается сил. Только поразив центр сопротивления, можно справиться со всеми мятежниками. Данте поучал Генриха, порицал его медлительность и призывал действовать:

«И весной и зимой ты сидишь в Милане, и ты думаешь так умертвить злую гидру, отрубив ей головы? Но если бы ты призвал на память высокие подвиги славного Алкида, ты понял бы ныне, что обманываешься подобно этому герою; ведь страшное чудовище, роняя одну за другой свои многочисленные головы, черпало силы в собственном уроне, пока наконец благородный герой не поразил его в самые корни жизни. Ибо, чтобы уничтожить дерево, недостаточно обрубить одни только ветви, на месте которых будут появляться новые, более густые и прочные, до тех пор, пока остаются здоровыми и нетронутыми питающие дерево корни. Как ты думаешь, о единственный владыка мира, чего ты добьешься, заставив мятежную Кремону склонить перед тобой голову? Может быть, вслед за этим не вздуется нарыв безрассудства в Брешии или в Павии? И хотя твоя победа сгладила его, новый нарыв появится тотчас в Верчелли, или в Бергамо, или в другом месте, пока не уничтожена коренная причина болезни и пока не вырван корень зла и не зачахли вместе со стволом колючие ветки».

Но император, чтобы устрашить другие коммуны, решил наказать Брешию и ввязался в долгую тяжелую осаду, во время которой в войске вспыхнула эпидемия, а часть союзников, недовольных промедлением, покинули его и уехали на родину. Однако в конце концов Брешия все же сдалась, после чего многие другие города предпочли мудро согласиться признать Генриха королем.

Данте все это время не бездействовал, а изо всех сил поддерживал императора. В частности, императрица Матильда отправляла его с письмами к графине Баттифолле и другим представителям могущественного рода Гвиди, чтобы склонить их

на сторону императора. К сожалению, скоро императрица, бывшая своему мужу верной подругой и помощницей, заболела и умерла.

Узнав о том, что Флоренция, Сьена, Перуджа, Болонья и Лукка заключили союз с королем Робертом Неаполитанским против Генриха VII, Данте 31 марта 1311 года обратился к своим соотечественникам с гневным посланием. Данте уже не предвещает мир, но предрекает страшные кары непокорным. Он убеждает флорентийцев, что Римская империя необходима гражданам всех итальянских городов, только при ней смогут они пользоваться гражданскими правами и пребывать в мире, «ибо, если пустует императорский престол, весь мир выходит из равновесия, дремлют в ладье Петра кормчий и гребцы, и жалкую Италию, брошенную на произвол судьбы, подвластную мелким сеньорам, лишенную какой бы то ни было единой власти, сотрясают столь буйные и яростные ветры и волны, что ее состояние не передать словами, и несчастные итальянцы могут с трудом соразмерить его со своими слезами». Граждане Флоренции поднялись против правителя всего мира и вместо покорности предпочли путь мятежа. Неслыханные бедствия постигнут безумную Флоренцию, ее не защитят высокие стены и мощные башни. Город падет и будет уничтожен, а жителей его гнев императора рассеет по всей земле. И Данте кончает свое обличение обращением к флорентийцам: «О тщеславнейшие из тосканцев, безумцы от природы и от дурных привычек! В отличие от людей зрелых вы не видите, глупцы, как неверны во мраке ночи шаги вашего больного сознания. И люди зрелые и незапятнанные, следуя своим путем, взирают на вас, что стоите чуть ли не на пороге темницы и все-таки отталкиваете того, кому случается пожалеть вас, чтобы он ненароком не избавил вас от тюрьмы и от тяжести наручников и колодок. И, будучи слепыми, вы не замечаете, что именно владеющая вами жадность обольщает вас ядовитыми речами и помыкает вами при помощи безумных угроз и насильно втягивает вас в грех и мешает вам руководствоваться священными, основанными на природной справедливости законами, соблюдение которых, когда оно в радость и по доброй воле, не только не имеет ничего общего с рабством, но

по здравом рассуждении является проявлением самой совершенной свободы. А что такое свобода, если не свободный переход (который законы облегчают каждому, кто их уважает) от желания к действию? Следовательно, если свободны только те, что охотно подчиняются законам, то какими считаете себя вы, которые, притворясь, будто любите свободу, противитесь всем законам и составляете заговор против главного законодателя?»

Весьма возможно, что Данте выжидал исхода военных экспедиций Генриха VII у истоков Арно, близ Флоренции. Но когда Генрих со своим ближайшим окружением прибыл по морю в Пизу, куда была стянута его армия, Данте направился туда же. Мы знаем об этом из рассказа Петрарки, который в семилетнем возрасте видел великого поэта (всего раз в жизни) в Пизе, когда Данте пришел в гости к его отцу, также флорентийскому изгнаннику.

Пиза, старинный гибеллинский город, пышно и радостно встречала государя. Его пребывание в городе сопровождалось празднествами и турнирами…

Пизанцы надеялись на скорую гибель и поражение своих давних противников Лукки и Флоренции. Однако чаяния пизанцев не совпадали с планами императора, который стремился сперва короноваться в Риме, а затем постепенно стеснить кольцом и уничтожить своих тосканских врагов. Для того чтобы удовлетворить хотя бы в какой-то степени пизанских союзников, Генрих провозгласил в апреле 1312 года осуждение городам Лукке, Сьене, Парме и Реджо, приговорив их к высоким денежным пеням. Правителей этих городов он зачислил в списки изменников империи и вождей мятежа, что грозило им смертной казнью. 23 апреля Генрих покинул Пизу, направляясь в Рим. Вместе со своим войском он шел по берегу моря, избегая стычек с флорентийцами. Первого они были в Витербо, где отдыхали несколько дней. Затем по древней виа Клавдиа армия Генриха VII устремилась в Рим.

Из Рима доходили дурные вести — по-видимому, враги императора не хотели пустить его без боя в Вечный город. Большую часть Рима, Транстевере и Ватикан занимали враждебные императору Орсини. К ним подходили на помощь солдаты короля Роберта Неаполитанского. Несколько позже появились и

флорентийские наемные лучники и пехотинцы. В меньшей части Рима чувствовали себя хозяевами Колонна. Эта могущественная семья держала сторону Генриха. Пробраться к Ватикану и очистить хотя бы половину Рима было невозможно без кровавых уличных боев.

Следует представить себе Рим начала XIV века. Он не походил ни на классический Рим эпохи цезарей, ни на современный. Всюду высились феодальные башни; каждая из них представляла крепость. В руинах Древнего Рима гнездились феодалы. В античном театре Марцелла рыцари-разбойники Пьерлеона воздвигли целый укрепленный городок. Другие нобили, Амибальди, владели частью Колоссеума, который тоже перестроили по своим вкусам и надобностям. На всех островах Тибра щетинились башни. Патриции Савелли расположились на высотах Авентина. Узкие извилистые улицы запирались на цепи. Лишь иногда открывались просветы — это были гигантские развалины античной поры.

С тех пор как папа покинул Рим, город пришел в большое запустение и находился в состоянии вечной анархии. Не стало никакой управы на воров и грабителей, нападавших на жителей и на пилигримов. Пробираться к святыням Рима стало делом нелегким. Купцы, ремесленники и мелкий люд, живший разными случайными заработками, приветствовали императора, так как надеялись, что он восстановит порядок, что в Риме оживятся торговля и ремесла и снова прихлынут испуганные вечными беспорядками паломники, которые приносили городу немалый доход.

Седьмого мая Генрих въехал со своим войском в Рим, за ним следовали гибеллинские дворяне, духовенство и бежало много народа. Через старую Порта дель Пополо и через Марсово поле император направился в Латеран, находящийся в юго-западной части города. Рим, который увидел Генрих, был мало похож на столицу мира, несущую примирение всем народам, каким он представлялся его воображению. Транстевере и Ватикан занимали гвельфы Орсини и войска Роберта Неаполитанского. Чтобы как-то закрепиться в левобережной части города, которая далеко не вся была в руках верных Генриху Колонна, отрядам императора пришлось выдержать несколько уличных боев и понести значительные потери. Людовик

Савойский со своими рыцарями занял Капитолий…

Сопротивление императорским войскам возрастало. На корабле к устью Тибра прибыли новые силы неаполитанцев. Флоренция прислала еще один отряд лучников. Генриху VII трудно было понять политику папы Климента V. Если бы он действительно желал помочь тому, кого он благословил при избрании, папа мог бы сдержать неаполитанцев, тем более что король Роберт был его вассалом и мог бы оказать также немалое давление на флорентийцев. При создавшемся положении Генрих VII потерял всякую надежду пробиться на правую сторону Тибра, где находились замок Св. Ангела и церковь Св. Петра. Оценив обстановку, кардинал Никколо да Прато уговорил других прелатов и 29 июня 1312 года короновал Генриха VII в Латеране…

Перед отъездом из Рима император произнес речь на древних развалинах Капитолия. Он говорил, что оставляет столицу и направляется усмирять Тоскану. Через врата Сан Лоренцо 21 июля императорские войска покинули Рим и в тот же день были в Тиволи, во владениях союзных Колонна. Пребывание в Риме продолжалось три месяца. Император двинул свои войска на родину Данте.

Кардинал Никколо да Прато в сопровождении нескольких рыцарей отправился вперед, в Ареццо, являвшийся центром белых гвельфов и гибеллинов. Он стремился собрать вспомогательные войска для нападения на Флоренцию, граждане которой горделиво заявляли, что «не согнули своих рогов еще ни перед одним государем»…

При движении Генриха по Италии еще раз наглядно обнаружилась система итальянских городов, которая напоминала шахматную доску, где одни были гвельфами до исступления, а другие упорнейшими гибеллинами. В этой чересполосице царила вечная война, вечная анархия. Лучшие люди Италии, как Данте, Чино да Пистойя и Никколо да Прато, мечтали о том, чтобы Италия была объединена под скипетром императора, чтобы введены были порядок, законность и единовластие. Так верил вначале и сам Генрих VII, считавший объединение Италии своей священной миссией. Однако ненависть, мелочные расчеты, корысть и партикуляризм затемняли глаза граждан итальянских городов. Следует также принять во внимание, что

верхушка правителей Италии, как купеческая, так и феодальная, умела извлекать выгоды из бесконечных распрей и использовала их в своих личных целях.

Местные главари не хотели уступить власть чужестранцу и предпочитали итальянский хаос порядку, который ввели бы императорские викарии.

Но попытка осадить Флоренцию закончилась неудачно — город был слишком велик, чтобы окружить его, у императора просто не хватало людей. Он вынужден был отступить и уйти в Пизу, собирать новые войска. Однако 24 августа 1313 года он неожиданно скончался. Отчего? Никто так и не выяснил, но в народе ходили упорные слухи, что Генриха отравили по приказу двуличного папы Климента.

В 1921 году, когда отмечалась 600-я годовщина со дня смерти Данте, итальянское правительство перенесло гробницу и надгробные памятники Генриха VII, изваянные в XIV веке, в Пизанский собор, и новую усыпальницу украсили стихи Данте из тридцатой песни «Рая», посвященные императору, на которого он возлагал столько надежд…

Было бы совершенно неверно рассматривать Генриха VII как «чужеземного завоевателя», а итальянцев, ему сопротивлявшихся во Флоренции, Брешии, Кремоне, как «патриотов, борющихся с захватчиком». На самом деле такого общеитальянского патриотического чувства в начале XIV века еще не было; что же касается Данте, то объединение Италии мыслилось им лишь как начало большего — в те времена невозможного — объединения стран и народов в едином всемирном государстве, которое поэт называл монархией. Для Данте было совершенно все равно, какой национальности будет император — немец, француз, итальянец. Важно, чтобы император стал владыкой всего мира, чьей столицей непременно станет Рим. При всей своей любви к Италии Данте нигде и никогда не говорил, что итальянский народ выше и лучше остальных народов. Не он ли говорил: «Мы, кому отечество — мир, как рыбам море».

В том совершенном едином государстве, которое замыслил Данте, падали городские стены, исчезали границы и воцарялся вечный мир и взаимное согласие. В Генрихе VII, казалось Данте, воплотился его идеал совершенного правителя. Нежданная смерть императора страшным ударом обрушилась на Данте; вместе с

Генрихом умерли надежды великого мечтателя на осуществление при его жизни «мирового государства», а также на возвращение в родную Флоренцию.

На фоне этих исторических событий Данте оставил надоевший ему «Пир» незаконченным и начал работу над новым произведением, которому дал название «Монархия». В этом латинском трактате он занялся вопросом, который волновал многих его современников: что необходимо для обретения социального мира и благоденствия?

> В «Монархии» ничего не остается от робости начинающего философа, почти любителя, которая чувствуется в начале «Пира». Здесь Данте предстает уже не нищим, который сидит у ног князей мудрости и подбирает крошки с их стола. На этот раз он говорит как творец, сознающий себя таковым: «Я возымел желание… принести полезный плод обществу, открыв ему истины, не исследованные другими».
>
> К чему в очередной раз доказывать теорему Эвклида? Зачем терять время в поисках природы блага, уже раскрытой Аристотелем? Для чего заниматься апологией старости, которую столь убедительно уже защитил Цицерон? Отсюда не может выйти ничего, кроме скуки…
>
> В самом деле, мы видим, что его страстная преданность делу империи питается личными амбициями мыслителя и творца, которые он и не думает скрывать. Среди всех истин — полезных, но пока еще сокрытых, которые только предстоит обнаружить, самая сокрытая и в то же время самая полезная — истина о монархии.
>
> *Э. Жильсон. «Данте и философия».*

На сей раз Данте гордо решил не следовать проторенными тропами и выбрал такую тему, «чтобы первому стяжать пальму победы в столь великом состязании и явить истины, не исследованные другими».

Начал он с того, что выдвинул три вопроса: необходима ли всемирная монархия для благосостояния мира, по праву ли стяжал римский народ право на первенство в мировой монархии и, наконец, зависит ли авторитет монархии непосредственно от Бога или же от его наместника, то есть папы. Причем для Италии начала XIV века наиболее острым и животрепещущим был именно

третий вопрос, потому что как раз он лежал в основе всех раздиравших ее конфликтов. Данте для себя уже ответил на него — он давно стал ярым сторонником светского государства. Теперь надо было обосновать это мнение и убедить в его правильности всех остальных.

Данте отчасти уже поставил эти вопросы и стремился их разрешить в четвертом трактате «Пира». Он самым решительным образом заявляет, что рассматриваемые им проблемы «есть проблемы политические», а все политическое находится во власти человека и предназначено не для созерцания, а для действия. Данте думает, что, кроме цели, которую преследуют отдельные поселения, города, государства, должна существовать общая для всего человечества цель. «Эта общая единая цель — единое всемирное государство, которое обеспечит всем людям на земле справедливость и прекратит войны и междоусобия».

Для осуществления этих политических целей человечество наделено «возможным интеллектом». Каждый человек может охватить и постичь лишь часть бытия, равным образом любая группа людей, как бы велика она ни была, обладает лишь известной долей познания. Полнота познания присуща лишь всему человеческому роду. Таким образом, существует некое универсальное единство интеллекта, имеющее свои специфические функции и свое самостоятельное бытие. Индивидуум, семья, город, государство не могут вместить все разумное в мире, но полнота осуществляется «ежечасно во всем роде человеческом». Это и есть «возможный интеллект», самобытный, бессмертный, как род человеческий…

По мнению Данте, существуют задачи, стоящие перед всем человеческим родом, взятым как целое. «Возможный интеллект» не только расширяет область познания, но стремится также к действию для достижения всеобщего мира. «Всеобщий мир есть наилучшее из того, что предуготовано к нашему блаженству. Вот почему то, что звучало пастырям свыше, было не богатства, не удовольствия, не почести, не долголетие, не здоровье, не сила, не красота, но мир». Только осуществив всеобщий мир в едином мировом государстве, можно ожидать, что дочь Юпитера и богини правосудия Фемиды — Астрея (Справедливость)

вернется на землю. Заметим, что мотив Справедливости — Астреи один из основных не только в «Монархии», но и в «Божественной Комедии». Мы найдем его и в аллегорической канцоне Данте «Мое три дамы сердце окружили». В восемнадцатой песне «Рая» на небе Юпитера, где пребывают справедливые, Данте вспоминает слова Библии, обращенные к правителям народов: «Любите справедливость, судящие землю…»

Восхваляя справедливость, Данте повторяет слова Аристотеля: «Ни звезда вечерняя, ни звезда утренняя не бывает столь удивительна». Для восстановления законности в феодальном хаосе современной ему Европы Данте видел лишь одну возможность — единую мировую монархию. Он вспоминал о римском мире, о котором рассказывали античные историки. Эта империя разодрана, подобно разодранной ризе, о которой говорят евангелия, и человеческое общество разрушено алчностью правителей, как светских, так и духовных.

Правитель мирового государства, утверждает Данте, не имеет никаких поводов к алчности. Обладая всем, он не стремится ни к какому приобретению, он не собирает, а раздает, из всех возможных правителей он более всего благоволит людям. Данте снова цитирует Аристотеля: «В извращенном государственном строе хороший человек становится плохим гражданином, а в правильном строе понятия „хороший человек“ и „хороший гражданин“ совпадают». Правильное государственное устройство имеет целью свободу, то есть люди в нем должны существовать ради самих себя, — ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а, наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Данте, как ученик Аристотеля, полагает, что монарха следует считать слугою всех, ибо он непрестанно обязан думать о благосостоянии народа.

Законы для всего мира должны проистекать из единого центра, но законодатель обязан учитывать различные местные условия, потребности и особенности. Так, управлять скифами надо иначе, чем жителями тропиков гарамантами. Данте представлял себе мировое государство как федерацию, в которой отдельные народы и местности сохраняли бы известную автономию или самоуправление и были подчинены общему законодательству лишь в самом основном и существенном.

В «Монархии» Данте не раз попирает традиционные догмы, принятые философами и теологами. Так, в частности, начиная с Августина Блаженного считалось правильным осуждать языческие государства, существовавшие до возникновения христианства. Но Данте решительно восстал против этой традиции и заявил, что во всей истории человечества есть только один период, когда повсюду царили мир и спокойствие, и было это при «божественном кесаре Августе». В шестой песне «Рая» Данте говорит, что римский орел «подарил земле такой покой, что храм Януса был заперт повсечасно» (храм Януса в Риме открывался лишь во время войны).

> В начале второй книги «Монархии» Данте ставит вопрос, который в течение многих столетий волновал Запад, — достиг ли античный Рим господства в мире силою оружия, или же императорская власть принадлежала ему по праву?..
>
> …Данте часто повторяет образы и примеры из пятой главы четвертого трактата «Пира». Здесь мы встречаем перечень тех же древнеримских героев: Муций Сцевола, Деции, Марк Катон и, наконец, Эней. Данте ставит снова на пьедесталы статуи героев, консулов и императоров языческого Рима, низвергнутых средневековым христианством. Данте-гуманист утверждал, вступая в спор с богословами, что историческое чудо Римской империи не есть наваждение дьявола, ибо в дохристианской Римской империи он видел начало всемирного государства. Идеализируя античный Рим, он говорит о нем как об осуществителе права и всеобщего блага. Подобно гуманистам Возрождения, Данте подкрепляет свои идеи ссылками на авторов античности: «Законы всегда должны быть толкуемы ко благу республики. В противном случае они законы лишь по имени» («Первая риторика» Цицерона); «Закон — это узы человеческого общества» (Сенека). Данте предстает в своем сочинении поборником светского государства и древнеримской империи. С мечом римского права он борется против всех средневековых сил, которые начисто отрицают языческий Рим со всеми его законами и установлениями и едва терпят государство христианское, да и то лишь при условии его полного подчинения церкви…
>
> Как защитник светского государства, Данте восстает против церковных притязаний на власть и авторитет в

делах гражданских. Поэтому понятно, что произведение его вызвало живую отповедь и энергический протест в католической среде.

Данте пишет о том, что когда родился основатель христианской религии, вышел указ императора Августа о переписи во всех пределах римского государства. Таким образом, Иисус родился как римский гражданин, подчиненный законам мировой Римской империи. Отсюда Данте довольно смело выводит, что его казнь при императоре Тиберии была с точки зрения божественного, а также римского права вполне «законной». В Христе, утверждает он, казнился ветхий Адам и грех падшего человечества… Конечно, такой образ мыслей не мог не показаться сугубо еретическим папским инквизиторам.

Данте стремился оправдать языческую Римскую империю, которая еще при самом своем основании была предназначена стать во главе мирового развития. Он ополчается на тех, кто называет себя «пастырями и ревнителями христианской веры», ибо главным образом они отрицают главенство Древнего Рима. Это они, прелаты церкви и монастыри, завладели огромными богатствами, но епископы и аббаты забыли, что богатства церкви принадлежат беднякам и что они владеют ими не для того, чтобы ими пользоваться в своих целях, а для помощи нуждающимся. Высший клир погряз в собственнических инстинктах.

Вводную главу третьей книги Данте пишет в пророческом духе, готовясь к решительному наступлению на погрязшую в грехах и преступлениях церковь. «Горя жаром угля», которым серафим коснулся некогда уст пророка Исайи, Данте бесстрашно восклицает: «Кого убоюся?» Читая эти строки, нельзя не вспомнить терцины «Рая» — обличение апостолом Петром своих недостойных преемников — римских первосвященников. Константин, уверяет Данте, совершил тягчайший грех, равный греху Адамову, даровав папе земли империи. Независимость мирового государства от папского престола Данте защищает всеми доводами разума и всей страстностью души…

Сочинение Данте о монархии вызвало негодование папской курии, и, когда гибеллины стали распространять это сочинение уже после смерти Генриха VII, папа Иоанн XXII осудил «Монархию» как еретическое

произведение на сожжение. В XVI веке трактат Данте попал на индекс (список запрещенных книг). Запрещение было снято церковью лишь в XIX веке.

В многовековой борьбе со стремлением церкви подчинить себе не только духовную, но и светскую жизнь книга Данте, несомненно, сыграла немалую роль, и каждое поколение свободомыслящих или ищущих правды людей переживало ее по-своему; так, например, протестанты XVI века воспользовались аргументацией Данте в своей борьбе с папским Римом…

Далее Данте развивает свою теорию о светском, независимом от церкви государстве. Земное государство дано человечеству для устроения земных дел, для того, чтобы достигнуть блаженства в этом мире средствами человеческими. Император наделен полнотой власти для того, чтобы не дать возможности вспыхнуть где-либо грабительским войнам и иным беззакониям. Государство сумеет обуздать стяжательство, так как исчезнут со временем питающие его собственнические инстинкты. Философия, науки, искусства во всемирной империи Данте свободны и не связаны ни узами церкви, ни декретами императора. Во всех сложных случаях управления, когда нужно принять решение, сообразное с законами разума, философ дает советы верховному правителю и указывает ему, как поступить. Что же касается церкви, то она должна заботиться только о делах духовных, не вмешиваясь ни в светские дела, ни в дела науки и художеств. Ее благословение может помочь человечеству, но строить свое счастье оно должно само.

Однако в «Монархии» Данте говорит о папской власти довольно осторожно. Из этого можно сделать вывод, что трактат был закончен до 1314 года. Дело в том, что когда Данте писал это произведение, он еще верил в то, что папа Климент V поможет императору Генриху VII. Окончательно это заблуждение развеялось в 1314 году, когда папа открыто выступил против императора.

Данте этого ему не простил никогда. Он ненавидел лицемерного Климента V даже больше, чем Бонифация VIII, которому был обязан своим изгнанием. В «Божественной Комедии» папа Климент упоминается шесть раз, и каждый раз осуждается на адские муки и проклинается.

В XIV веке политический трактат Данте сохранял свою злободневность и оказал большое влияние на

публицистов Европы, отстаивавших права складывающихся национальных государств на независимость от Рима. «Монархия» — первая великая утопия, созданная на рубеже Средневековья и Ренессанса, в которой автор с предельной ясностью требует разделения церкви и государства.

Через головы многих поколений Данте видел возможность создания мирового единства, уничтожения государственных границ, ниспровержения тиранов. В век зарождения капиталистических отношений он осудил частную собственность, объявив стяжательство — волчицу «Ада» — смертным грехом человечества. Он проповедовал мировое государство, в то время как республики и тирании Италии (за исключением, быть может, одной Венеции) превращались постепенно в малые монархии. Он был первым, кто сказал, что Италия — единый государственный организм, уже реально существующий, вернее, осуществляемый в общем благородном народном языке, в римском праве, в произведениях поэтов.

Но объединение Италии было лишь частью великого плана Данте, великий поэт жаждал большего — объединения всего человечества.

Последние годы

Я шел вперед гористою дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистою пантерой быстроногой;
Преградою в пути являясь мне,
Ужасный зверь на месте оставался,
И сам бежать я тщетно порывался.
Был ранний час, и вот, окружено
Созвездьями, светило дня всходило,
Как в первый день, когда зажглось оно
Божественной любви святою силой.
Отрадою дышало все кругом,
И сам я ждал победы над врагом,
Но снова был тревогой роковою
Охвачен я: с поднятой головою
Свирепый лев моим очам предстал,
Он шел ко мне настойчиво и властно,
И голодом казался так ужасно
Терзаем он, что воздух трепетал.
Вослед ему шла тощая волчица,
Чьей алчности неведома граница:
Томит людей желаньями она.
И вновь душа, отчаяньем полна,
Смутилася, и, повинуясь взору
Чудовища, не смел идти я в гору.
И, наподобье жалкого скупца,
Когда, лишась навеки обладанья
Сокровищем, не в силах он рыданья
Сдержать в груди — я плакал без конца
И отступал пред нею к той долине,
Где гаснет свет. И там, в немой пустыне,
Я смертного увидел пред собой.
От долгого молчания безгласен
Казался он, и молвил я с мольбой:
— Призыв к тебе да будет не напрасен!
Кто б ни был ты: бесплотный светлый дух
Иль человек — склони к моленью слух…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Когда в 1313 году умер Генрих VII, Данте, охваченный горем, покинул лагерь почившего императора и отправился на восток. Немного задержался в Перудже, пересек ущелье, образуемое рекой Кьяшо, и наконец добрался до горы Монте Катриа, на которой стоял бенедиктинский монастырь Санта Кроне а Фонте Авелано. Окруженный неприступными горами, прозрачными водопадами и могучими хвойными деревьями, он как нельзя лучше подходил для того, чтобы поселиться там в поисках душевного покоя.

Сейчас в монастырской библиотеке стоит скульптурный бюст Данте с длинной надписью XVI века, гласящей, что великий поэт жил в этих стенах и написал здесь значительную часть «Божественной Комедии». А одна из келий монастыря называется «кельей Данте».

…В Италии меж двух
Высоких берегов, от края недалеко,
Где ты увидел свет, вздымаясь так высоко,
Что у подножия порою гром гремит, —
Есть Катриа гора, и тут же Божий скит,
Где в созерцании я пребывал счастливом.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Этот отрывок из «Божественной Комедии» косвенно подтверждает, что в отличие от многих других якобы связанных с жизнью великого поэта мест, в монастыре Санта Кроне он действительно был. Вероятно, он прожил там около года после смерти Генриха VII и за это время написал первую часть «Ада».

Видения «Божественной Комедии» не родились в определенный год, или месяц, или день, — они появлялись, исчезали и снова всплывали еще в ранней молодости Данте.

Легенды древности, трагические истории его дней, которые Данте слышал в течение многих лет, получили воплощение тогда, когда после долгих раздумий над природой итальянского языка и проблемами художественного мастерства он нашел новый, необычно звучащий и вместе с тем глубоко связанный с традицией итало-провансальской поэзии троезвучный стих — терцину, навсегда связанную с его именем…

Данте увидел трех зверей, преграждающих ему путь, услышал голос Вергилия, обещающий ему заступничество небесных дам. Для того чтобы эти образы возникли, необходима была встреча Данте с Вергилием на высях античной и средневековой поэзии, необходимо было также, чтобы образ Беатриче снова засиял все тот же, и преображенный, в сердце того, кто от нее отрекся. Мы не уверены в том, что Данте начал с мудрствования: волчица значит это, лев — то, пантера — и это и то, а Вергилий символизирует разум и мировую монархию. Сперва были образ, метафора, звучание терцин, поэтическое видение необычайной силы, вызвавшее в душе поэта удивление, восхищение, ужас, а затем уже сам Данте разгадывал те загадки, которые он загадал.

Данте понял, что перед этими наступающими образами бессильны его рассуждения в «Пире», что уже не нужны домыслы трактата «О народном красноречии». По всей вероятности, в это время Данте изменил конец «Новой Жизни» и добавил «чудесное видение». Так началось восхождение Данте к земному раю, где он снова увидел прославленную Беатриче, прежнюю и преображенную, воссиявшую на всех планах бытия…

Все творчество Данте прежних лет было лишь подготовкой к делу его жизни, к поэме, в которой отразились и небо и земля.

Конечно, было бы глупо утверждать, что Данте вдруг осенило, когда он поселился в монастыре, и он тут же начал писать величайшее произведение своей жизни. Скорее всего он думал над ним уже много лет, но не находил времени, чтобы оформить разрозненные мысли в единое целое. Слишком уж много у него было дел, которые он считал первоочередными. С 1307 по 1313 год он верил, что император сможет объединить Италию, поэтому действовал больше как гражданин, чем как поэт — сочинял политические письма и писал «Монархию».

Но образы поэмы все неотступнее овладевали им с того дня, когда в Луниджане среди мраморных каррарских скал перед его мысленным взором впервые возникли три страшных зверя; они росли в его воображении, превращались в символы всего, что стоит на пути человечества к счастью и совершенству.

Настало время подводить итоги. Настало время карать, и обличать, и воздавать всем по заслугам: тиранам, градоправителям, королям и папам, ибо Данте

теперь освободился от всех зависимостей и от всех надежд. В пустыне Монте Катриа он стоял один перед раскрывшимися звездными небесами. И он писал днем, а часто и ночью, при колебании жалкого светильника, не жалея своих натруженных глаз. Сила его фантазии была неудержима. Созданная им новая форма терцины послушно следовала за его мыслью, повинуясь буйству его речи и воображения. Вобрав в себя все изощреннейшее мастерство его поэтической техники, терцина давала ему возможность создавать непрерывный рассказ — эпопею.

Вероятно, летом 1314 года Данте покинул Санта Кроче и спустился в долины Умбрии. Из горного уединения он уносил с собой рукопись песен первой части своей поэмы. На обратном пути в Тоскану Данте посетил Ассизи, где бережно хранилась память о святом Франциске. Данте любил кроткого Франциска, хотя между ними было мало общего. Франциск Ассизский призывал к всепрощению, к радости, пел гимны солнцу и всему живущему. Данте был гордый мститель и яростный обличитель, по складу своему более схожий с бенедиктинским реформатором Петром Дамиани. Но всем трем обща была любовь к Мадонне Бедности, к нестяжательству.

Трудно сказать, где написал Данте свое письмо к итальянским кардиналам. Вернее всего, что вести о смерти папы Климента V, последовавшей 20 апреля 1314 года, дошли до него еще в Санта Кроче. Спустя месяц после смерти Климента в городе Карпентра в Провансе собралось совещание кардиналов, чтобы выдвинуть кандидата в папы…

Письмо итальянским кардиналам, списки которого были, несомненно, уничтожены инквизицией, дошло до нас только в одном экземпляре. Так же как письма к Чино да Пистойя и к флорентийскому другу, оно написано рукою Боккаччо и находится в сборнике (Лаврентианском кодексе), который около 1348 года составил и частью переписал своей рукой автор «Декамерона».

Кто такой Данте Алигьери из Флоренции, чтобы как равный говорить с кардиналами, чтобы поучать столпов церкви, а иногда и поносить их? Данте не смущается этим вопросом, который, естественно, возникал в его время у каждого. Широко пользуясь намеками и

уподоблениями, автор письма обращается к истории древних евреев и напоминает, что жадность фарисеев покрыла позором старое священство. Данте не оплакивает вместе с пророком Иеремией будущие беды, но скорбит, взирая на существующие. Рим покинут, Рим овдовел, владыка мира превратился в вертеп разбойничий. Кардиналы и другие пастыри церкви привели овец своих вместе с собою к пропасти. Предвидя, что его станут упрекать в предерзостном тоне разговора с князьями церкви, Данте напоминает библейскую повесть о первосвященнике евреев Алкиме. Алким возглавил всех злодеев и нечестивых людей и обвинил Иуду Маккавея в том, что он начал неприятельские действия против царя Деметрия. Папу Климента Данте уподобляет коварному и продажному первосвященнику древних евреев, а Филиппа Красивого — нечестивому сирийскому царю, с помощью которого Алким пришел к власти. Для обличения своих противников Данте пользуется образами из книг Ветхого Завета. Более чем смело его сравнение кардиналов с брыкающимися быками священной колесницы, которые увлекают колесницу с ковчегом Завета в непроходимые дебри.

Что же делать, продолжает Данте, если архипастыри (впрочем, лишь по званию) не могут пасти своих овец, что же делать, «если против неустройства и беззакония раздается только одинокий голос, одинокий жалобный голос, да и тот светский?»

Епископы и священники погрязли в стяжательстве, и мало кто думает о спасении души, но все гонятся лишь за выгодой. Может быть, кардиналы подумают, что Данте «единственная на всей земле птица Феникс»? Нет, уверяет он, «о том, о чем я кричу во весь голос, остальные либо шепчут, либо бормочут, либо думают, либо мечтают». Своими беззакониями «вы меня вынудили» заговорить, заключает он. И Данте призывает кардиналов к покаянию, к исправлению…

Из уединения монастырской кельи Данте все же следил за событиями в Италии. Слухи были неожиданны. Вместо того чтобы ослабеть и морально разложиться после смерти императора Генриха VII, итальянские гибеллины нашли себе вождей — Кан Гранде, правителя Милана Висконти и, наконец, Угуччоне в Тоскане. К этому последнему, вероятно, присоединились также

отряды немецких рыцарей и рейтаров, которые по каким-либо причинам задержались в Италии, не говоря уже об изгнанных белых гвельфах. Поэтому не следует удивляться, что 29 августа 1315 года произошло событие, которое потрясло всю страну: гвельфская лига была разбита в битве при Монтекатини; тем самым гибеллины приобрели перевес в северной и средней Италии.

Данте захотелось быть ближе к происходящему, он снова стал надеяться на торжество гибеллинов и на падение черных во Флоренции. Миновав Ассизи, Данте решил направиться к Лукке, расположенной недалеко от Пизы и отделенной от нее лишь грядой Пизанских гор…

В Лукке… к концу 1315 года Данте закончил «Ад». Во всяком случае, уже в 1317 году это произведение было известно в полных списках. В начале 1317 года судья Тьери ди Тано дельи Узеппи из Сан Джиминьяно цитировал «Ад» в регистре криминальных актов.

О Лукке и ее жителях Данте отозвался в «Божественной Комедии» не слишком доброжелательно. Впрочем, из всех городов, в которых ему приходилось жить, он пощадил только Равенну и Верону. Что касается жителей Лукки, то ими он заполнил рвы, в которых мучились взяточники, казнокрады и льстецы.

За мной бежал на близком расстоянье —
Весь черный — демон. Он ужасен был
С копытами и парой черных крыл.
Вращая дико страшными очами
И грешника несущий за плечами,
Которого вниз головой держал,
Туда, где мы стояли, — он взбежал.
— «Эй, Малебранке! Вот священной Дзиты, —
Воскликнул он, — достойный гражданин!
Его к себе поглубже прибери ты!
В том городе Бонтуро лишь один
Честнее всех. Бегу я без оглядки
За прочими; там процветают взятки,
И ловкие мошенники всегда
Из «нет» для вас готовы сделать «да».
И, тут в смолу кипящую с размаху
Швырнув того, кого с собою нес,
Он побежал быстрей, чем лютый пес,
Когда воров, трепещущих со страху,

Старается настичь он. Из смолы
Несчастный грешник вынырнул, но дико
Ему завыли бесы со скалы:
— «Назад, злодей! Здесь нет святого Лика!
Ты плаваешь не в Серкио струях:
Когда собой тебе внушает страх
Вид злых когтей — ныряй как можно ниже!» —
И, молвив так, он сотней острых вил
Несчастного в пучину погрузил,
Сказав ему: — «Во мраке попляши же!
Ты совестью своей торговлю вел,
Обманывай, но втайне это делай!»

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Тем временем в жизни Данте снова назревали перемены. После битвы при Монтекатини флорентийские черные гвельфы напугались и отменили смертную казнь для осужденных эмигрантов. Теперь все, кого когда-то изгнали по политическим причинам, могли вернуться обратно. Однако по старому закону добровольно вернувшиеся преступники должны были с епископской пародийной шапкой на голове и с зажженной свечой в руках пройти через весь город, после чего заплатить штраф. Для Данте это оказалось неприемлемо.

Друзья и родственники писали Данте, побуждая его вернуться домой. Среди них был очень благожелательный человек, племянник жены Данте Джеммы Никколо Донати, священник. Он не раз помогал в тяжелых обстоятельствах семье Данте, особенно в первый страшный год изгнания. Письма из Флоренции не сохранились, но сохранился ответ Данте, исполненный достоинства, гордости и непреклонности, одному из его флорентийских друзей и благожелателей, по-видимому, также священнику. Данте писал: «Внимательно изучив ваши письма, встреченные мною и с подобающим почтением и с чувством признательности, я с благодарностью понял, как заботитесь вы и печетесь о моем возвращении на родину. И я почувствовал себя обязанным вам настолько, насколько редко случается изгнанникам найти друзей. Однако, если ответ мой на ваши письма окажется не таким, каким его желало бы

видеть малодушие некоторых людей, любезно прошу вас тщательно его обдумать и внимательно изучить прежде, чем составить о нем окончательное суждение.

Вот что благодаря письмам вашего и моего племянника и многих друзей дошло до меня в связи с недавно вышедшим во Флоренции декретом о прощении изгнанников: я мог бы быть прощен и хоть сейчас вернуться на родину, если бы пожелал уплатить некоторую сумму денег и согласился подвергнуться позорной церемонии. По правде говоря, отче, и то и другое смехотворно и недостаточно продумано; я хочу сказать, недостаточно продумано теми, кто сообщил мне об этом, тогда как ваши письма, составленные более осторожно и осмотрительно, не содержали ничего подобного.

Таковы, выходит, милостивые условия, на которых Данте Алигьери приглашают вернуться на родину после того, как он почти добрых три пятилетия промаялся в изгнании? Выходит, этого заслужил тот, чья невиновность очевидна всему миру? Это ли награда за усердие и непрерывные усилия, приложенные им к наукам? Да не испытает сердце человека, породнившегося с философией, столь противного разуму унижения, чтобы, по примеру Чоло и других гнусных злодеев, пойти на искупление позором, как будто он какой-нибудь преступник! Да не будет того, чтобы человек, ратующий за справедливость, испытав на себе беззаконие, платил дань как людям достойным тем, кто свершил над ним беззаконие!

Нет, отче, это не путь к возвращению на родину. Но если сначала вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если ни один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит, во Флоренцию я не войду никогда! Что делать? Разве не смогу я в любом другом месте наслаждаться созерцанием солнца и звезд? Разве я не смогу под любым небом размышлять над сладчайшими истинами, если сначала не вернусь во Флоренцию, униженный, более того — обесчещенный в глазах моих сограждан? И конечно, я не останусь без куска хлеба!»

Такой ответ, который Данте, видимо, и не думал скрывать, вызвал сильное раздражение черных гвельфов, и 6 октября 1315 года Данте вновь был заочно приговорен к смерти, на этот раз

вместе с достигшими совершеннолетия сыновьями. Впрочем, они, видимо опасаясь чего-то подобного, давно уже находились в Вероне, куда весной 1316 года приехал и Данте, везя с собой законченную рукопись «Ада» и начатое «Чистилище».

Верона была на первый взгляд все такой же, какой ее оставил лет десять тому назад флорентийский изгнанник. Но, пожив в ней и присмотревшись, Данте заметил перемены. Городом уже пять лет единовластно правил Кан Гранде делла Скала. Он воздвигнул новые городские стены, поправил мосты, укрепил и перестроил дворец Скалигеров. Верона стала центром гибеллинов всей северной Италии.

Политически Данте сходился с Кан Гранде лишь внешне: оба они были сторонниками монархии. Но Кан Гранде довольствовался уже существующей формой средневековой империи и искал в ней прежде всего оплота собственной власти и возможности расширения своих владений. Данте, как и его современник, историк Феррето да Феррети, родом из Виченцы, мечтал о совершенном всемирном государстве. Данте видел в лице Кан Гранде способного и мудрого императорского викария и полководца, но последние цели Скалигера и Данте расходились.

Феррето да Феррети в хвалебной поэме в честь Кан Гранде, восторженной и насыщенной гиперболами, представил правителя Вероны в образе рыцаря французских романов, пользовавшихся необыкновенной популярностью среди итальянцев. Двор Кан Гранде воспел странствующий поэт и жонглер Эммануэль Еврей, уроженец Рима. Он сочинил жонглерскую песнь в шестистопных стихах, где рассказывается, что во дворец Скалигеров стекаются рыцари и вельможи из разных стран. В обществе Кан Гранде гости беседуют и спорят об астрологии, философии и даже теологии.

Кан Гранде интересовался также живописью. Историки искусств называют его первым покровителем веронских художников, которые в XIV веке считались лучшими в северной Италии, превосходя живописцев Падуи и Венеции. Верона дала таких превосходных мастеров, как Альтикьеро, Пизанелло и Паоло Веронезе. На творчество наиболее значительных художников Вероны оказала сильное влияние придворная живопись. Джорджо Вазари в «Жизнеописании наиболее

знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» сообщает, что Джотто, соотечественник и друг Данте, писал во дворце Кан Гранде фрески и портрет самого правителя. Петрарка уверяет, что после Фридриха II в Италии не было другого такого блестящего и просвещенного сеньора, как делла Скала. Мы не ошибемся, если назовем Кан Гранде первым ренессансным правителем Италии.

Данте часто думал о Кан Гранде. Он был ему обязан очень многим, ни один из сеньоров Италии не принял такого участия в нем и в его детях. Сыновья Данте, изгнанные из Флоренции, когда им исполнилось пятнадцать лет, нашли себе приют в Вероне и сумели получить образование благодаря щедрости Кан Гранде. Старший сын — Пьетро стал веронским судьей и навсегда остался в Вероне, где до сих пор живут его потомки (с XVI века — по женской линии).

В Вероне к Данте наконец-то пришла долгожданная слава. «Ад» читали по всей Италии, и не просто читали, а заучивали наизусть и декламировали перед слушателями, настолько огромное впечатление он производил. Да и «Монархия» хоть и была написана для избранных, но свои читатели и поклонники у нее тоже нашлись — поднимаемые в ней темы очень интересовали передовых людей в разных итальянских городах.

Показателем того, что уже к 1317 году Данте превратился в настоящую знаменитость, могут служить распространившиеся многочисленные анекдоты с ним в качестве главного действующего лица. Большинство из них, конечно, совершенно не соответствует истине и даже не имеет к Данте никакого отношения — это просто переделки старых баек, нередко придуманных еще античными писателями. Так что и воспринимать их стоит лишь как свидетельство популярности, а не как истории, основанные на каких-то реальных фактах из жизни великого поэта. Но некоторые анекдоты действительно сочинялись именно о Данте, например, рассказывали, что веронцы при виде его расступались и шептали: «Смотрите, смотрите, его борода и волосы покрыты пеплом ада, а лицо обожжено адским пламенем».

Как ни прятался Данте от придворных пиров и торжественных собраний, он все же должен был время от времени на них присутствовать. Воздух во дворце был насыщен интригами и разговорами, которые больше уже не забавляли Данте. Ему наскучил звон мечей и кубков. Он нуждался только в полном уединении, где,

отрешившись от забот и суеты, он мог бы спокойно работать над последней частью своей поэмы. Шум Вероны утомлял его. Поэтому, когда Данте получил приглашение от правителя Равенны Гвидо да Полента, слывшего любителем и знатоком поэзии, он с радостью отозвался.

После отъезда Данте сохранил дружбу с Кан Гранде, которому он был так многим обязан. Боккаччо сообщает, что великий поэт сначала отсылал Кан Гранде написанные песни «Рая», а потом уже давал разрешение переписывать их другим. Нам известно, что и после смерти Данте у сеньора Вероны оставались рукописи «Божественной Комедии». До нас дошел сонет, с которым обратился к Кан Гранде Джованни Квирини, один из друзей, а может быть, и учеников Данте, прося ознакомить его с последними песнями «Рая». В Вероне Данте завершил вторую часть своей огромной поэмы — восхождение к Земному Раю, — кроме нескольких последних песен, которые дописывались уже в Равенне.

В Равенне Данте решил наконец осесть. Он устал от постоянных переездов, устал быть изгнанником, а о родной Флоренции старался больше не думать. Гвидо да Полента подарил ему небольшой дом, где он поселился вместе со своим сыном Якопо. Старший сын Данте, Пьетро, тоже часто приезжал в Равенну, поскольку получил бенефицию в двух равеннских церквях. А потом приехала и дочь Данте, Антония, которая приняла решение поступить в местный монастырь.

В эти же годы в Равенне работал Джотто, которого, как полагает Вазари, пригласил в свое убежище Данте. От великого флорентийского художника осталось в Равенне немного: фрески на потолке церкви Св. Иоанна и в церкви Св. Франциска. Таким образом, Данте снова свиделся с другом своей юности.

Вокруг Данте собрался круг друзей и почитателей: молодой флорентиец Дино Перини, магистр и врач Фидуччо де Милотти, затем сэр Пьетро, сын мессера Джардино, и сэр Менгино Медзани, юристы и нотариусы. Они разбирали классических римских авторов и беседовали о новых поэтах Италии. Данте обучал их поэтике и стихосложению. Магистр Милотти, вероятно, преподавал в городской школе, организованной правителем города; предполагают, что там читал лекции и Данте. Во всех спорах и собеседованиях самое

оживленное участие принимал и Гвидо Полента — сеньор Равенны умело читал стихи и любил блеснуть ораторским красноречием. Он знал наизусть большие отрывки из «Ада» и, конечно, терцины о своей родственнице Франческе.

Данте попал в среду истинных любителей поэзии, которые поняли его значение для итальянской культуры и стремились хоть чему-нибудь у него научиться. По-видимому, в этом небольшом кружке, слушателями которого были и сыновья Данте, любящие литературу, особенно увлекались буколиками Вергилия. Данте к этому времени достиг совершенства в латинском стихе, но он решил, что будет продолжать свою поэму на итальянском, и на итальянском текли терцины «Рая».

Нежданно, где-то около 1319 года, Данте получил от Джованни дель Вирджилио, профессора риторики и классической латинской литературы Болонского университета, стихотворное послание в форме эклоги. Ученый муж писал, что Данте открыл подземное царство нечестивым, Лету — тем, кто стремится к звездам, и, наконец, «надфебово царство» — блаженным. Называя так изысканным латинским слогом небеса, находящиеся над колесницею Аполлона, болонец упрекает автора незаконченной «Комедии» в том, что он пишет о важных и нужных предметах для черни, ничего не желая уделить от своей мудрости ученым поэтам, то есть поэтам, которые пишут по-латыни. Глупцы и невежды не могут постигнуть тайн Тартара и небесных сфер. Зачем Данте избрал народный итальянский язык, ведь площадной речью никогда не писал учитель Данте Вергилий?

> Вот что скажу я тебе, коль меня обуздать не захочешь:
> Не расточай, не мечи ты в пыль перед свиньями жемчуг,
> Да и кастальских сестер не стесняй непристойной одеждой.

Болонский профессор предлагает Данте возвышенные, по его мнению, темы для эпической латинской поэмы, которую Данте мог бы сочинить. Конечно, предлагает не прямо, а прибегая к мифологическим образам, иносказаниям и намекам, подражая античным поэтам.

Это письмо Джованни дель Вирджилио переросло в поэтическое соревнование двух поэтов, в котором Данте показал, что, несмотря на преданность итальянскому языку, он не потерял сноровки и в латинском стихосложении. Полушутливая перебранка Данте и дель Вирджилио, выдержанная в духе античных канонов, стала основой для возникшей вскоре моды на пасторальные стихи.

В 1321 году отношения между Равенной и Венецией ухудшились, какое-то дерзкое равеннское суденышко напало на венецианский купеческий корабль и ограбило его; были и человеческие жертвы. Гвидо Новелло поспешил, чтобы отвратить войну с бесконечно более сильной Венецией, отправить в Светлейшую Республику послом Данте Алигьери, уже испытанного в сложных дипломатических миссиях. Напомним хотя бы о той помощи, которую он оказал маркизам Маласпина в их спорах с воинственным епископом Луни. Данте должен был убедить Великий совет Венеции отказаться от объявления войны Равенне. Существуют разные легенды о том, как Данте напугал своим красноречием дожа и венецианских сенаторов, которые, боясь его влияния, не стали задерживать поэта в своем городе.

Данте удалось все же приостановить заключение союза между Чекко дельи Орделаффи, сеньором Форли, и Венецией, направленного против Гвидо да Полента. Быть может, Венеция также опасалась дружеских отношений Данте с Кан Гранде, которого он мог попросить помочь Равенне, и пошла на уступки.

Трудно сказать, возвращался ли Данте вдоль берега Адриатики на судне или же пешком и на коне через болотистую местность в низовье По, но, во всяком случае, вернувшись, он заболел лихорадкой.

Данте умер в ночь с 13 на 14 сентября 1321 года. Гвидо Новелло приказал положить его тело в каменный античный саркофаг. На голову Данте правитель Равенны возложил лавровый венок, воздав великому поэту почесть, которую забыли или не хотели воздать ему при жизни неблагодарные современники. Не во Флоренции, а в чужом городе Данте удостоился этой чести и опочил среди мозаик и героев древности, казалось, забытый всем миром. Гвидо Новелло по обычаю города сказал торжественное слово, которое произносилось, когда умирал знатный или именитый гражданин. Саркофаг с

телом Данте поставили в саду францисканского монастыря, прислоненным к стене церкви. Спустя семь лет Бернардо Поджетто, кардинал-легат папы Иоанна XXII, захотел предать огню останки поэта-еретика, но Равенна не отдала на поругание тело почившего в ее стенах Данте, и кардиналу пришлось удовольствоваться тем, что он сжег на костре все экземпляры «Монархии», которые сумели достать его агенты.

В 1489 году Бернардо Бембо, венецианский претор Равенны, пригласил знаменитого скульптора Пьетро Ломбарди, который сделал надгробие Данте с поясным скульптурным портретом. Внизу была начертана эпитафия неизвестного автора в рифмованных латинских стихах:

> Вышних я посетил, Флегетон и Эдем мной воспеты,
> Царства права утверждал — до сужденной мне
> Парками меты.
> К лучшим чертогам душа, покинув земных, воспарила
> И созерцает теперь на небе святые светила.
> Здесь покоится Данте, из милого изгнанный края,
> Так поступила с певцом Флоренция, родина злая.

Равенна упорно противилась всякий раз, как Флоренция просила вернуть ей прах своего великого соотечественника. В 1519 году, когда Микеланджело предложил воздвигнуть Данте гробницу в его родном городе и папа Лев X потребовал перенести останки поэта во Флоренцию, равеннские францисканцы спрятали кости Данте в стене монастыря. Равенна стала местом паломничества. Поклониться могиле великого поэта Италии приходили Ариосто, Тассо, Макиавелли, Леопарди, Байрон, Александр Блок.

После смерти Данте сыновья, разобрав его бумаги, обнаружили, что «Божественная Комедия» не закончена. Не хватало последних тринадцати песен «Рая». Их искали повсюду, перевернули весь дом, но так и не нашли и вынуждены были заключить, что Бог не дал их отцу возможности закончить

величайшее творение его жизни.

Оставлять поэму в незавершенном виде они не хотели и, посовещавшись, решили, что закончат ее сами — пусть они и не обладали гением отца, но стихи оба писали, и неплохие. Но, как гласит легенда, неожиданно Якопо вдруг увидел сон — ему явился Данте в белом одеянии и со светящимся лицом.

Он сказал сыну, что закончил свое произведение, и показал на стену в своей спальне. Проснувшись, Якопо помчался в указанную комнату, где действительно обнаружил тайник, а в нем — заплесневевшую от сырости рукопись с тринадцатью последними песнями.

Сыновья Данте не остались в Равенне. Пьетро навсегда поселился в Вероне, а Якопо впоследствии вернулся во Флоренцию. В Равенне до конца своих дней осталась дочь Данте. Дом, подаренный правителем Равенны великому поэту, больше не существует, но на углу виа Мадзини и виа Гвидо Новелло до сих пор стоит бережно сохраняемый палаццо последнего покровителя и друга Данте.

Можно с уверенностью сказать, что сестра Беатриче присутствовала при последних часах жизни отца. От нее почерпнул много важных сведений Боккаччо, биограф и комментатор Данте. Беатриче жила долго; завещание ее, дошедшее до нас, помечено сентябрем 1373 года. Весьма вероятно, что рассказ о явлении Данте во сне сыну Якопо Боккаччо записал со слов его сестры.

Автор «Декамерона» бывал в Равенне в сороковых годах. В 1350 году, как посол Флорентийской республики к правителям Романьи, он снова заехал в Равенну. Старшины цехов, заседавшие в Ор Сан Микеле, поручили ему передать сестре Беатриче Алигьери, монахине в Санто Стефано дель Олива, 10 золотых флоринов. Это был дар от тех, чьи родители изгнали и осудили на смерть ее отца.

Боккаччо был знаком с еще жившими в середине XIV века людьми из равеннского окружения Данте или с лицами, близко их знавшими, и постарался узнать у них подробности о последнем периоде жизни своего великого соотечественника. Свою «Жизнь Данте» он окончил в конце пятидесятых годов.

Мавзолей Данте, который можно видеть в настоящее время, был выстроен равеннским архитектором Камилло Мориджа в 1746 году, четыре колонны у входа

пристроили позднее. Равенна мало изменилась с эпохи Данте. Город у Адриатики стал городом Данте, как Флоренция и Верона…

Жизнь Данте и сама его смерть стали новой жизнью, обновленной жизнью, жизнью в веках. Он не умер, «отец Италии» и создатель ее языка. Он продолжает жить в своих стихах, которые повторяют миллионы людей во всех странах мира.

Данте называл свою поэму «Комедией», после его смерти к авторскому названию стали прибавлять эпитет «божественная», принятый всеми и утвердившийся в веках. Вернее было бы именовать поэму «Дантеидой», подобно тому как по главному герою получили свое название поэмы Гомера и Вергилия. Ее главный герой — Данте глубоко индивидуален и вместе с тем выражает чаяния и надежды всего человечества. Поэма Данте — поэма о человеке, о человеке, восходящем из глубин падения к совершенству, от ледяных берегов Коцита к звездам. Напрасно искать в легендах древности истоки замысла «Божественной Комедии». Поэма Данте столь своеобразна, так возвышается над всем, что было создано Средними веками, так разительно отличается от немощных средневековых «Видений» и «Хождений», что все попытки возводить творение гения к этим произведениям средневековой литературы представляются нам несостоятельными.

Фантазия Данте не могла более довольствоваться теми скудными сведениями о мироздании и о судьбах человеческих душ, покидающих земные пределы, которые содержались в книгах Библии и в сочинениях средневековых теологов. Он обратился к мыслителям школы неоплатоников конца античности и нашел у них родственный круг идей и образов. Неоплатоники, подобно пифагорейцам, слышали «музыку Вселенной», Земля не была для них центром мироздания, с неизмеримых высот она виделась им лишь как небольшая точка в огромном космосе. Вместе с неоплатониками Данте устремлялся ввысь, к звездному космосу. Но ему было мало звездного сияния и воспарения мысли к еле зримым светилам. Он жаждал коснуться всех язв и ран человечества и увидеть торжество неумолимой справедливости над хаосом земных событий.

Поэма Данте огромна. Соответственно трем мирам,

по которым он странствовал, она делится на три части: «Ад», «Чистилище» и «Рай». В каждой части 33 песни, не считая вступительной песни «Ада». Таким образом, в «Божественной Комедии» сто песен — квадрат от десяти, совершенного числа в поэзии Данте. В поэме 14 233 стиха: в «Аде» — 4720, в «Чистилище» — 4755, в «Рае» — 4758, то есть в каждой части почти одинаковое число стихов. Все три кантики поэмы кончаются одинаково, словом «stella» — светило, звезда. Удивляет гармония пропорций, которой восхищался и Пушкин, заметивший, что единый план поэмы «есть уже плод высокого гения». В мировой поэзии Данте является самым совершенным архитектором. Автор «Божественной Комедии» создал поэтический мир, управляемый своими законами. Великий поэт называл себя геометром, у него все предвидено и рассчитано. Дантовская архитектоника неразрывно связана с повествованием, а повествование с эпизодами, и поэзия неотделима от плана.

«Ад»

«Откинь боязнь и не страшись напрасно!
Приблизимся! За этою чертой —
Обитель душ, сознания лишенных
И вечному безумью обреченных».
И, руку мне подавши с добротой,
Он ввел меня во тьму глубокой бездны,
Где небосвод, зловещий и беззвездный,
Был воплями и криком оглашен.
Заплакал я, печалью поражен.
Рыдания, исполненные муки
И ярости, речей безумных звуки
И всплески рук, тяжелый топот ног —
Сливалось все, крутилось, как песок,
Вздымаемый порывом вихря диким.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Начало своего путешествия по загробному миру Данте датирует 1300 годом. Дата выбрана не случайно — во-первых, ему в то время было тридцать пять лет, то есть за плечами была как раз половина жизненного пути по принятой им периодизации человеческой жизни, а во-вторых, так было гораздо удобнее, ведь он уже знал, что будет потом, и мог облечь часть диалогов с умершими в форму предсказаний будущего.

Первая песня начинается с того, что Данте «на полпути земного бытия» оказывается в дремучем лесу, символизирующем, по-видимому, либо блуждания человеческой души в поисках истины, либо хаос, царящий в Италии. Данте охвачен страхом, но потом видит холм, освещенный солнцем, успокаивается и устремляется к нему. Однако путь к вершине ему поочередно преграждают три зверя: пантера, лев и волчица.

Вспоминаются слова Иеремии, любимого ветхозаветного пророка Данте: «…поразит их лев из леса, волк пустынный опустошит их, барс будет подстерегать у городов их». Владея системой многосмыслия, о которой Данте писал в «Пире» и в письме к Кан Гранде, можно понять, что пантера — это

ложь, предательство и сладострастие, лев — гордость и насилие, волчица — алчность и себялюбие. Лев может означать также правителей-тиранов, как, например, Филипп Красивый. В высшем символическом смысле эти звери представляют злые силы, препятствующие совершенствованию человечества. Больше всего Данте испугался волчицы, в образе которой олицетворена погрязшая в стяжательстве, алчная и корыстолюбивая римская церковь — главная виновница всех бед и беспорядка в мире. Она главная помеха на пути к вершине холма — всемирному государству, благоустроенному для мирной жизни людей.

Когда Данте понимает, что самостоятельно ему из мрачного леса не выбраться, перед ним появляется Вергилий, который всегда был для него не просто любимым поэтом, но фактически учителем и наставником, хоть их и разделяли сотни лет. Данте многое почерпнул из его сочинений и благодаря ему проникся почтением к Древнему Риму. Поэтому Вергилий в данном случае не просто поэт, философ и наставник, а еще и символ античной мудрости, ведущей человека к свету.

И молвил я: — Благословенна ты,
Явившая святое состраданье!
И ты, поэт, как много доброты
В душе твоей, и как великодушно
Ты внял ее велениям послушно!
Тяжелый путь отважно предпринять —
Ты мужество внушаешь мне опять.
Мой славный вождь, наставник, повелитель!
Отныне воля нас одна ведет.
Ты будешь мне во всем руководитель.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Вергилий говорит Данте, что из этого страшного места есть лишь один выход — через Ад, а эта дорога закрыта, пока не придет Пес, который заточит в Аду волчицу, то есть обуздает ненасытные притязания папского престола. Современники Данте считали, что под Псом, видимо, подразумевался Генрих VII, но учитывая, что он сочинил «Божественную Комедию» уже после смерти императора, вероятно, он имел в виду каких-нибудь его

преемников, которые продолжат и завершат его дело. Кроме того, Вергилий рассказывает Данте, что на небесах его ожидает Беатриче, но чтобы увидеть ее, надо сначала преодолеть долгий трудный путь. Данте идет за Вергилием, как ученик за учителем, в конце глухой тропы видит ворота в подземное царство и со страхом читает:

За мною путь к обители печальной,
За мною те, кто мукам осужден,
За мною край, где вечный плач и стон.
Созданье я любви первоначальной
И правосудной мудрости Творца,
И в вечности пробуду без конца
Я, как и все, что в мире безначально.
«Кто б ни были входящие сюда,
Оставьте здесь надежду навсегда!»
Написаны над адскими вратами
Зловещими и черными чертами —
Виднелися те грозные слова.
И молвил я: — Значенье их ужасно!..

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Создается впечатление, что говорит сама дверь, предрекая на веки обреченность грешников. Эта надпись выражает одну из самых сокровенных мыслей Данте: в мире нарушена законность и справедливость. Чтобы восстановить нарушенную правду, чтобы ни одно правонарушение не ушло от всевидящего ока закона, нужна карающая десница немилосердной справедливости. В Данте говорит юрист, воспитанный на римском праве, и вместе с тем человек, которого больно ранят неправда и зло, причиненные ему его близкими и которые он непрестанно видит вокруг себя, о которых слышит ежедневно. В дантовской системе мироздания, в его космосе существовал элемент, отсутствующий в картине мира, представляемой современными нам естественными науками, а именно мораль и справедливость. Даже девятое кристальное небо, или Перводвигатель, проникнуто этическим началом.

Когда Вергилий ввел Данте в таинственные сени, до их слуха донеслись обрывки разных наречий, дикий

ропот, слова, исполненные гневом, крики и жалобы. Все это сливалось в полутьме в гул и расплывалось в пространстве, как бы не зная времени. Вергилий поведал Данте о том, что в преддверии Ада находятся души, не стяжавшие в жизни ни славы, ни позора, а также нейтральные ангелы, оставшиеся в стороне при схватке архангела Михаила с восставшим против творца вселенной Люцифером. Нейтральных не принимает ни Ад, ни Чистилище, ни Рай. И суровый Данте клеймит их тяжким стихом:

Охваченный смятением великим,
Воскликнул я: — Скажи, учитель мой,
Но кто же те, чьи вижу я страданья? —
Ответил он: — «Влачат существованье
Такое те, кто, живши на земле,
Был порицанью чужд и похвале.
Печальный род! Союзников ничтожных
Нашли они меж ангелов безбожных,
Которые, Творцу не изменив,
Но верности в душе не сохранив,
Лишь о себе имели попеченье.
Не приняли к себе их небеса,
Дабы небес чистейшая краса
Не омрачилась тенью преступленья,
И самый ад отвергнул их в презренье».
Но я сказал: — Учитель, тяжкий стон
Несется к нам сюда со всех сторон.
Исторгнут он мученьями какими?
— «Все объясню, — на это молвил он. —
Утрачена бесповоротно ими
Надежда смерть вторичную найти,
И худшее им легче бы снести.
Их след исчез подобно волнам дыма,
Отвергнуты они неумолимо
И милостью Господней, и судом,
Караемы презреньем и стыдом.
Взгляни на них и позабудь их! Мимо!»

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Сюда же Данте поместил папу Целестина V, человека

смиреннейшей жизни, пустынника и бессребреника, которого вытащил из его отшельнического уединения конклав кардиналов, выбравший его папой. В 1294 году Целестин въехал в Рим на осле, за ним бежали босые францисканцы, дети и нищие. Его любили в народе, но он был человек слабый и безвольный. Будущий папа Бонифаций VIII, а тогда кардинал, уговорил Целестина отказаться от папского престола и снова удалиться в уединение, где его вскоре отравили, вероятно, люди Бонифация. Так Бонифаций пробил себе дорогу к высшей церковной власти. Целестин мог сделать много добра, но не сделал. Его наследник Бонифаций сделал очень много зла: он был виновником всех несчастий Данте, поддержав флорентийских черных гвельфов. Церковь канонизировала Целестина V, Данте не пожелал его поместить даже в ад — за то, что он оставил свой пост, за то, что дезертировал и уклонился от борьбы. Таких вещей Данте не прощал.

Данте и его водитель приближаются к Ахеронту. Еще Вергилий в своей поэме «Энеида» создал образ Харона, перевозчика через первую адскую реку. Старик, поросший древней сединою, загоняет грешные души в ладью и не хочет принять Данте, живого среди мертвых. Вокруг очей страшного лодочника змеится пламень. Видя Харона и спешащие в преисподнюю души, Данте упал, как бы схваченный сном. В нескольких местах «Божественной Комедии» повторяется этот сон во сне, когда Данте не в силах выдержать явления, предстающего глазам. Заключительным аккордом сцены переправы является гроза на берегу Ахеронта; подземное небо бороздят молнии, ослепляя багровым блеском. Данте пробуждается при звуке грома уже на другой стороне реки, в пределах античных праведников — Лимбе. В нем Данте поместил также мусульманских мудрецов и ученых, особенно им почитаемых. Данте ценит прежде всего высокие качества ума и души, подвиги, смелость и благородство духа. В Лимбе нет мук, но находящиеся там вечно скорбят о недоступном им райском блаженстве. Поэтому возвышенная грусть царит в этих пределах. От некоторых мужей древности исходит свет. Это поэты и ученые Греции и Рима, и среди них высочайший поэт Гомер, который был известен Данте только понаслышке или, может быть, через сокращенную латинскую версию его поэм. Сведения о

великом певце Греции он имел также из произведений Аристотеля.

Знание поэтов античности еще носит у Данте средневековый отпечаток. Гораций для него поэт сатирический. Овидий — автор энциклопедии неоплатонической космогонии и мифологии — «Метаморфоз». Данте чрезвычайно высоко ставил Лукана, почитая его великим наследником автора «Энеиды». В «Чистилище» к числу избранных причислен еще эпический поэт позднего периода латинской литературы Стаций. Данте был «принят в их круг», став шестым в высоком собрании и как бы переступив через все Средневековье. Это стремление сравняться с поэтами античности и даже превзойти их — знамение новой наступающей эпохи — Возрождения. Когда Данте приближался к великим поэтам, раздался зов: «Почтите высочайшего поэта!» Эти слова относились к Гомеру, но в наши дни их применяют к самому Данте.

Душам Лимба предоставлен высокий замок; пройдя, как посуху, по волнам родника, его окружающего, и миновав семь стен, Данте увидел зеленый луг. «Там были люди с важностью чела, с неторопливым и спокойным взглядом; их речь звучна и медленна была». Там были все, кто прославил в древние времена человечество: Аристотель, Платон, Сократ, Демокрит, Цицерон, Птолемей и знаменитые арабские ученые — таджик Авиценна и испанский мавр Аверроэс. Но Данте и Вергилий покинули благородный замок и пошли иным путем «во тьме, ничем не озаренной».

В пределах второго круга, предназначенного для сладострастников, «для тех, кого земная плоть звала, кто предал разум власти вожделений», царствует Минос, из царя и полубожества Крита превращенный в ужасного демона. В греческой мифологии он был одним из трех судей подземного мира. У Данте Минос наделен страшным оскаленным ртом. Он обвивает хвост, который приличествует существу демоническому, столько раз вокруг тела, на сколько ступеней должна спуститься осужденная душа. Миносу не удается отвратить Данте от его путешествия. Души осужденных несутся в нестихающем вихре. Данте сравнивает их с птицами, попавшими в осеннюю бурю, а их стоны — с унылой песней журавлей, летящих на юг. Образ этот навеян Вергилием. Стих Данте становится необычайно звучен и

богат повторами гласных и согласных. Чтобы дать понятие о поэтической фонетике Данте, приведем одну терцину, особенно удавшуюся русскому переводчику Лозинскому:

Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной стеная несся круг
Теней…

В этом круговом вихре Данте увидел героев древности и героев старофранцузских романов, столь распространенных во Флоренции. Заметим, что многие имена имеют французские ударения на конце: Семирамис, Клеопатрас, Парис, что ясно указывает на источник, откуда Данте почерпнул о них сведения. В этом круге Семирамида, царица Вавилона, героиня «Энеиды» Дидона, царица Карфагена, прекрасная Елена и куртуазный Тристан. Этим перечислением героев и героинь древности, сраженных богом Любви и предавшихся безумной страсти, Данте подготовляет встречу с Паоло и Франческой. Как всюду в поэме, герои разных времен предстоят как бы одновременно, смещая исторический план.

Уже упоминаемая Франческа да Римини была дочерью Гвидо да Полента Старшего, сеньора Равенны. Около 1275 года она вышла замуж за хромого и уродливого Джанчотто Малатеста, сеньора Римини. Около 1286 года Джанчотто узнал, что у нее роман с его братом Паоло, и убил обоих. Вероятно, Данте слышал об этом еще в юности, когда покидал Болонью. Франческа — первая душа, заговорившая с Данте в Аду. Данте обратился к ней, когда она пролетала мимо в бешеном вихре, и попросил рассказать свою печальную историю.

И молвила она с тоской в очах:
— «Нет более ужасного страданья,
Как вспоминать о светлых временах
В несчастии; но, если о начале
Любви моей ты хочешь расспросить,
Как человек, принесший весть печали,
Отвечу я и буду слезы лить.
Не отдавая полного отчета
В том, что влекло и волновало нас,

Наедине оставшихся, рассказ
Читали мы о страсти Ланчелота.
Мы взорами встречались, не раз,
Краснели мы порой во время чтенья,
Но лишь одно короткое мгновенье
Решило все. Прочтя, как Ланчелот
Коснулся уст возлюбленной, — и тот,
С кем более не разлучусь в печали,
Прильнул к моим трепещущим устам.
И в этот день мы больше не читали…»
Пока она так говорила нам,
Другая тень в тоске невыразимой
Рыдала так, что, жалостью томимый,
Сознания я вдруг лишился там.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Данте лишился чувств от сострадания к прекрасной Франческе, от сознания собственной греховности и устрашенный силою адского вихря, крушащего души осужденных.

Когда к Данте вернулось сознание, он очутился в третьем круге Ада, где с черного неба «дождь струится, проклятый, вечный, грузный, ледяной». Земля под ногами смердит от жидкой грязи. На грешников лает Цербер, которого Данте представляет иначе, чем греческая мифология. Как и Минос, он превращен в беса со вздутым животом, багровыми глазами, с жиром в грязной бороде и когтистыми руками. Вергилий усмиряет Цербера, бросая в его пасть ком земли. Это был древний способ умиротворения чудищ, к которому в оно время прибегал в Вавилоне и хитроумный пророк Даниил.

В долине чревоугодников Данте встречает первого флорентийца — Чакко (Джакомо), известного обжору. Чакко являлся без приглашения на чужие пиры, однако его любили, так как он отличался приятным нравом, остроумием и находчивостью.

Известный историк Флоренции Роберт Давидзон подсчитал, что из 79 упоминаемых в «Аде» лиц 32 флорентийца, да еще 11 из Тосканы, то есть более половины. В Чистилище Данте поместил лишь четырех

своих сограждан и 11 тосканцев, а в Раю обретаются всего две флорентийские праведные души. Чакко, с которым Данте, по-видимому, был в хороших отношениях, «пророчествует» о судьбах Флоренции в первые годы XIV века и о гражданской войне между черными и белыми гвельфами, предрекая поэту изгнание из родного города. Данте спрашивает у Чакко, не слышал ли он об участи пяти их известных соотечественников, и узнает, что они томятся в нижних кругах за более тяжкие преступления.

Данте спускается вниз, в четвертый круг, и пред ним подымается Плутос, «великий враг». Бывший царь подземного царства греческой мифологии также разжалован и получил место хранителя душ скупцов и расточителей. За пределами его владений простираются Стигийские болота. Плутос напрасно стремится, так же как Харон и Минос, не пустить Данте в подвластную ему адскую область.

Там шагают грудь грудью друг на друга бесконечные шеренги людей, сшибаются и расходятся, и одни кричат «Чего копить?», другие «Чего швырять?». И те и другие одинаково казнятся высшей справедливостью, ибо они нарушили меру человеческую, которая заключается в том, чтобы праведно распределять богатства, а не копить их, как скупцы, и не швырять деньги, подобно расточителям. Данте заметил, что среди стяжателей много людей с тонзурами, то есть священников и монахов. Вергилий поясняет: «Здесь встретишь папу, встретишь кардинала, не превзойденных ни одним скупцом».

Схватки тех, кто недостойно владел на земле богатствами, наводят Данте на раздумья о тщетности даров Фортуны, ибо только жгучую ненависть порождают они на земле. «Что есть Фортуна, держащая в своих когтях победных счастье всех племен?» — вопрошает Данте. И Вергилий объясняет:

…Находится в сетях
Неведенья рассудок наш доселе.
Творец миров, в Своей премудрой цели
Создавши сонм бесчисленных светил,
Меж ними свет равно распределил,
А благами земными управленье
Могущественной силе Он вручил.

И, несмотря на наши ухищренья,
Сокровища и блеск своих щедрот,
Она то тем, то этим раздает,
Из одного в другое поколенье.
Фортуною зовет ее народ,
Пред ней земное знание — ничтожно,
Она царит и правит непреложно,
Подвластно все той силе роковой,
Таящейся, как змеи меж травой.
Не уследить Фортуны перемену,
И новому новейшее на смену
Несет она. Богиня такова,
Которую порой хулят свирепо.
И те, кого она дарила слепо,
Но ей ничто — проклятия слова;
Среди других созданий совершенных
Она царит в селениях блаженных
Всевластная над сферою земной.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

В эпоху Возрождения своенравной богине Счастья и Удачи, «правительнице судеб», ставили статуэтки на фонтанах площадей. Образ ее долго не сходил с полотен художников и со страниц поэтических сборников.

Данте и его водитель, идя «гранью топи и сухой земли», обходят Стигийское болото пятого круга. В грязных его водах барахтаются гневные, «чьи глотки тиной сперло». Поэты видят огни града Дита (железный и огненный Дит появляется впервые в поэме Вергилия), за стенами которого расположены круги нижнего Ада.

Перевозчиком через Стигийские болота Данте выбрал одного из героев греческой мифологии Флегия, царя лапифов, сына бога войны Арея и смертной женщины. Разгневанный, что его дочь Кронида родила от Аполлона сына Асклепия, Флегий сжег в Дельфах храм, посвященный Аполлону. Этот враг бога поэзии превращен в демоническое существо. Образ Флегия в «Божественной Комедии» является плодом гениальной фантазии итальянского поэта. Челн Флегия мчится по стигийским водам с быстротою, технике XIV века не известной.

Некто «гнусно безобразный» злобно вцепился в их лодку. Вергилий отталкивает его, сказав: «Иди к таким же псам, ко дну!» Данте, узнавший грешника, обращается к нему с гневными словами. Непримиримость Данте вызывает похвалу Вергилия: «Суровый дух, блаженна несшая тебя в утробе!» (Это место — единственное в произведениях Данте, где упомянута мать поэта, об отце он не упоминает никогда!) Вызвавший такую неистовую ярость Данте флорентиец Филиппо происходил из семьи черных гвельфов Адимари. У нас нет оснований не доверять комментатору «Божественной Комедии» Ландино, сообщавшему, что один из Адимари после изгнания Данте завладел его конфискованным имуществом. Род Адимари Данте называет «нахальным» в шестнадцатой песне «Рая»; представители этой семьи изображены там, как шайка худородных насильников, трусливых и подлых. В комментарии XIV века, называемом Оттимо (автор неизвестен), так описан Филиппо Адимари: «Кавалер, любивший роскошную жизнь, чрезвычайно спесивый и расточительный, не отличавшийся ни добродетелью, ни храбростью». Боккаччо говорит, что Филиппо был очень богат и подковывал своих лошадей серебряными подковами, за что и получил прозвище Ардженти (серебряный). Враг Данте попал в новеллистику XIV века: в «Декамерон» и в сборник Саккетти.

Адский город Дит пылал. Когда челнок пристал к его стенам, Данте увидел стражу, которая снова преграждала живому доступ в царство мертвых. Бесы заманивают Данте, стремясь отделить его от Вергилия, и Вергилий вынужден вступить в переговоры с дьявольскими сторожами. Он в смятении, голос его становится неуверен, в первый раз Вергилий испуган — это испытание сверх сил. На стенах и башнях Дита появляются новые ужасные видения: Эрихто, фессалийская волшебница, вызывавшая мертвецов из подземного царства, — древние поэты неизменно сопровождали ее имя эпитетом «злая, свирепая, жестокая»; затем три фурии, богини мщения древних, Тисифона, Мегера и Алекто «взвиваются для бешеной защиты», обвитые гидрами; косы их — змеи. Фурии призывают горгону Медузу, обращающую всякого, кто взглянет на нее, в камень. «Закрой глаза и отвернись», — говорит Вергилий, сам поворачивает Данте и заслоняет

его глаза руками. Эта трогательная забота учителя об ученике в переносном смысле означает защиту силою разума от ужаса, безобразия, насилия и лжи. Аллегорически фурии и Медуза изображают состояние Флоренции и Италии во времена Данте. От них Вергилий ограждает своего ученика как представитель римского правопорядка и поэт мирового государства. Страшные видения в стенах адского города символизируют также преграды, которые следует преодолеть человеку для того, чтобы побороть самые тяжкие грехи и освободиться от них. В Эриниях сосредоточены угрызения совести поэта, в Медузе — его колебания, сомнения и отчаяние. Таким образом, эти поэтические видения олицетворяют реальные психологические состояния самого Данте.

Вергилий, символизирующий просвещенный разум, может лишь защитить от нежданного нападения Эриний и Медузы, но не одолеть их. Вергилий отступает от ворот Дита, побледнев, и ждет помощи. Она появляется в образе Небесного Вестника. Вестник движется как вихрь, не знающий преград, все сокрушая на своем пути. Он идет, как посуху, по стигийским водам; стаи испуганных душ и смущенных демонов бегут перед ним. Он отстраняет от своих глаз липкий и смрадный дым шестого круга и останавливается, пылая небесным гневом, с поднятой тростью перед воротами Дита, так как для усмирения нечистых духов уже не нужен пылающий меч. В Вестнике нет колебания, он уверен в том, что его приказ будет исполнен. Дантовский Небесный Вестник напоминает ангелов с картин мастеров раннего Возрождения, особенно Симона Мартини и Фра Беато Анжелико. Посланец небес — прежде всего поэтический образ. В морально-политическом значении он олицетворяет мощь империи, разрушающей феодальный хаос, сокрушающей тиранов и олигархов.

Врата открыты. Поэты входят в город Дит, и взорам их предстает бесплодный дол, «исхолмленный гробницами». За ними пылают огни, раскаляющие каменные гробы. Поэты идут «меж полем мук и выступами башен», и Данте узнает от своего вожатого, что здесь погребены последователи Эпикура, не верившие в будущую жизнь. Нежданно из одного гроба встает огромная фигура Фаринаты дельи Уберти, умершего за год до рождения Данте. Вождь гибеллинов

Фарината изгнал гвельфов из Флоренции, а затем сам подвергся изгнанию. После победы короля Манфреда при Монтаперти в 1260 году он не дал своим союзникам разрушить Флоренцию. Посмертно был осужден инквизицией вместе со своей женой как еретик.

Фарината горделив, надменен и презрителен, как при жизни. Данте препирается с Фаринатой не о вере и о спасении души, а о судьбе их семей, принадлежащих к враждующим группам. Политические страсти вспыхивают в аду сильнее адского пламени. Фарината менее всего обеспокоен собственной участью, он тревожим земными делами, тем, что его родственники и сторонники не могут вернуться во Флоренцию. В огненном пламени адской гробницы он видит только родную Тоскану. Фарината напоминает, что он спас родной город Флоренцию и не дал ее стереть с лица земли. Данте, гвельф по родовым традициям, как бы сохраняет из семейной гордости старые гвельфские позиции по отношению к гибеллину Фаринате. Однако, преодолев предрассудки и вражду обеих партий, он восхищается стоическим мужеством гибеллинского вождя, которого не в силах сломить даже адские пытки. И восклицание поэта: «О, если б ваши внуки мир нашли!» — исполнено благожелательства. Великолепный флорентийский эпикуреец стал прообразом романтических героев, которые, подняв бунт против бога, не смирились и в аду, как герои Байрона и Бодлера.

Из соседнего гроба подымается тщедушная по сравнению с Фаринатой тень Кавальканте деи Кавальканти, отца поэта Гвидо, «первого друга Данте». Старик в волнении, где его сын, почему он не с Данте. Данте отвечает двусмысленно. Можно понять, что Гвидо, будучи атеистом, как и его отец, презирал Беатриче, символ небесной мудрости. Поняв неверно из слов Данте, что Гвидо умер, Кавальканте с горестным воплем исчезает, рухнув навзничь в огненную гробницу. Эта сцена не производит никакого впечатления на Фаринату, несмотря на то, что Гвидо был женат на его дочери. Он предсказывает Данте изгнание.

В пылающих гробах эпикурейцев поэты видят кардинала Октавиана дельи Убальдини, которому приписывались при жизни слова: «Если душа действительно существует, то я ее потерял ради партии

гибеллинов». Здесь же император Фридрих II и еще много «еретиков», большинство из них — гибеллины.

На окраине седьмого круга — обвал. Скат, засыпанный обломками скал между шестым и седьмым кругами ада, Данте сравнивает с обвалом в горах на пути от Вероны в Тренто, который он, несомненно, видел. Хранитель седьмого круга, где казнятся убийцы и насильники, — Минотавр, чудовище с бычьей головой и торсом человека, представляющее животную бессмысленную силу. В кровавые воды реки Флегетона, образующей первый пояс седьмого круга, погружены тираны и грабители. Если грешник высовывается из кипящей волны, его поражает стрелою кентавр. И снова рядом варятся живьем в кровавой реке тираны античности и современники Данте, разбойники и феодальные грабители, которые не давали проезда на дорогах Тосканы и Романьи, — все те, кто «жаждал золота и крови», «все, кто насильем осквернил свой сан». Здесь получает воздаяние за нестерпимые муки, которым он предавал находившихся под его властью граждан, печально знаменитый на всю страну своими злодеяниями Эццелино да Романо, наместник Фридриха II в Вероне и Падуе. По словам Джованни Виллани, Эццелино уничтожил значительную часть населения Падуи; чтоб умножить свои богатства, тиран изгонял из города жителей, преимущественно нобилей, и отбирал их имущество, обрекая целые семьи на нищету.

С помощью кентавра Несса Данте и Вергилий переходят во второй пояс седьмого круга. Здесь простирается дикий лес, бесплодный и ядовитый. Это лес самоубийц, души которых превращены в деревья. Ужасные птицы гарпии с лицами, как у дев, со страшными когтями на руках, некогда нападавшие на спутников Энея, оказались здесь, в Аду. Данте случайно отломил сучок; из него потекла кровь и раздалось восклицание: «О, не ломай, мне больно!» Уже не раз было замечено, что самые невероятные фантастические вещи Данте представляет с крайним реализмом, как бы заставляя нас поверить в реальное существование человека-растения. Кажется, что великий поэт возвращается к древнему мифологическому сознанию, для которого не было ничего более естественного, чем переход от растения к животному и от животного к человеку, и весь мир был исполнен метаморфоз. Но у

Данте появляется то, чего не было у древних греков, — психологическое обоснование метаморфоз, которые вызваны карой за нарушение моральных законов. Самоубийца насильно разделил тело и душу и в наказание за это получил плоть растения, с которой он сжился, и клянется, как канцлер делле Винье не головой, а своими девятью корнями. Некогда бедный юрист, Пьер делле Винье стал протонотарием и логофетом императора Фридриха II. Как и его государь, делле Винье писал итальянские стихи. Власть его и влияние были безграничны. Он держал «оба ключа» от сердца владыки, мог склонить императора на милость и немилость. Потеряв доверие Фридриха и брошенный им в тюрьму, некогда могущественный канцлер был ослеплен и в отчаянии покончил с собой.

Пройдя сквозь лес самоубийц, Вергилий и Данте вошли в третий пояс Ада, который начинался пустыней, также в изобилии населенной грешниками. Одни повержены навзничь, другие съежившись сидят на пыльной почве, третьи без устали снуют вокруг. На них падает большими хлопьями огненный дождь. На земле лежит, не желая ничего замечать, как бы не чувствуя огонь, отовсюду его палящий, огромный человек. Это Капаней, гордый муж античности, презревший богов, не уступающий в своем высокомерии Фаринате. Взойдя на стены Фив, Капаней насмехался над Вакхом и Зевсом, за что был поражен молнией разъяренным олимпийцем. Неугомонившийся ругатель продолжает «богохульствовать» и в Аду. Любопытно, что Данте, как многие гуманисты, идентифицировал главного бога языческого Олимпа с богом-отцом христианской троицы.

Внимание Данте привлекает речка, текущая меж песков пустыни. Вергилий говорит, что нет ничего чудеснее этой речки, из нее берет начало кровавый поток Флегетон. Данте заинтересован, он просит Вергилия объяснить, как рождаются адские реки. И узнает, что они образуются из слез и крови, которые сочатся из глаз и ран Критского старца. Легенда о Критском старце — одно из самых сложных мест в поэме. Как всегда, Данте соединяет новое, свое, и старое, вернее, античное. Устами Вергилия Данте рассказывает: посреди моря находится остров Крит, где в незапамятные времена царствовал Сатурн. На горе Иде спиною к Дамьяте — дельте Нила в Египте и лицом к Риму стоит «великий

старец некий». Образ старца восходит к сновидению царя Навуходоносора, истолкованному пророком Даниилом: «У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные». Даниил предсказывает вавилонскому владыке гибель его царства. Данте соединяет это библейское пророчество с античным преданием о золотом веке. На основании древних легенд Данте создает новый миф. Критский старец рассечен от шеи вниз. Сквозь трещину струятся слезы; стекая вниз, они образуют подземные реки Ада Ахерон, Стикс и Флегетон и на дне Ада — ледяное озеро Коцит. Критский старец опирается на правую ступню из глины.

Этот образ не имеет «исторического» смысла; он олицетворяет смену земных царств, или эпох, в истории человечества. В моральном смысле он означает падение человечества, рассеченного надвое, за исключением головы (начало разума). Критский старец, в согласии с античной традицией, символизирует также возрасты человечества. При апагогическом толковании он указывает на прямую связь падшего человечества с Люцифером. Огненные слезы человечества превращаются во Флегетон и другие адские реки. Застывая в Коците, они держат в ледяном плену самого владыку Ада. Почему Данте поместил на Крит старца, олицетворяющего человечество, пораженное страшной раной, откуда течет кровь и вода в адские бездны? Эней считал Крит прародиной троянцев. Как повествуется в поэме Вергилия, Эней приплыл на Крит со своими путниками из разрушенной Трои и там обосновался, но голос богов направил его в Италию, чтобы там он стал основателем всемирной империи. На Крите, колыбели человечества, некогда был золотой век, сменившийся веком железным. Чтобы излечилась рана старца и иссякли его слезы, необходима новая эпоха римской всемирной империи, новый золотой век. Поэтому взор Критского старца и устремлен к руинам Рима — он ждет его обновления.

Поэты идут дальше по тропе у ручья и выходят к плотине, которая защищает их от падающих сверху огненных хлопьев. Данте сравнивает адскую плотину с сооружениями против наводнения, возведенными фламандцами в Брюгге. Навстречу им идут тени. Эти

тени представлены с реальными подробностями, свойственными художественной манере Данте. Они щурят глаза, как люди в полнолуние, поводят бровями, «как старый швец, вдевая нить в иглу». Одна из теней, опознав Данте, хватает его за полу. Всматриваясь в опаленный лик, Данте изумленно восклицает: «Это вы, вы, сэр Брунетто?» Данте узнает своего флорентийского наставника Брунетто Латини.

Но тут один, схватив меня за платье,
Воскликнул вдруг: — «О, чудо!» — и объятья
Простер ко мне. И в тот же самый миг
Обугленный и почерневший лик
Несчастного узнал я. — Вы ли это? —
Воскликнул я. — Вы здесь, мессир Брунетто? —
Ответил он: — «Не гневайся, мой сын,
Когда с тобой пройдуся я один».
И молвил я: — Побыть желаю с вами;
Иль, может быть, мы сядем в стороне,
Как скоро вождь дозволит это мне.
Но возразил он этими словами:
— «Когда бы я в движении своем
Остановиться вздумал на мгновенье —
Сто лет стоять я должен под огнем,
Что падает с небес палящим градом.
Иди, мой сын! С тобой пойду я рядом».

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Брунетто Латини, известный писатель и городской нотарий (отсюда его титул «сэр»), сохраняет и в Аду отличавшие его при жизни обходительность и куртуазность. Латини был учителем, вернее, руководителем Данте и многих других молодых флорентийцев; от него Данте в юные годы воспринял интерес к науке о государстве и к писателям античности.

Данте сохранил глубокое уважение к своему учителю. Он идет по плотине, поникнув головой, и почтительно слушает его речи. Старый Брунетто, наделенный даром предвидения, как многие души ада, предсказывает своему ученику беды, ожидающие его на жизненном пути. Обе раздирающие Флоренцию партии,

гвельфы белые и черные, возненавидят Данте и будут стремиться его уничтожить. Эти партии подобны диким хищным птицам, но «клювы их травы не защипнут» — ни одной из них не удастся расправиться с Данте. Сэр Брунетто пересыпает свою речь народными поговорками. Он идет на некотором расстоянии, чтобы на Данте не попали огненные хлопья. Они возвращаются назад, продолжая беседу, словно прогуливаются вдоль берега Арно. Данте уверяет своего старого наставника, что он сохранит в памяти его пророчество, как он хранил его учение при жизни маэстро.

За что же так страшно наказан известный флорентийский юрист и учитель молодого поколения, всеми любимый и уважаемый? Только его, да еще болонского поэта Гвидо Гвиницелли, основателя сладостного нового стиля, Данте почтительно именует в первой части своей поэмы «мой отец». Отношение его к Брунетто сложное: Данте — моралист и богослов — осудил своего любимого учителя на вечные муки, но Данте-поэт не может скрыть своего сочувствия к нему. Дело в том, что во Флоренции этого времени слишком часто встречались случаи половых извращений, которые во всех их видах именовались содомией. Флоренция столь прославилась этим пороком, что в Германии и во Франции содомитов называли «флорентийцами».

На вопрос Данте, кто из его собратьев по несчастью, содомитов, особенно высок и знаменит, сэр Брунетто называет латинского грамматика Присциана из Кесарии, Франческо д'Аккорсо, одного из самых почитаемых профессоров права в Болонье, преподававшего также в Оксфорде, и епископа Флоренции в конце XIII века Андреа де Модзи. Пора расставаться — Данте должен продолжить свой путь по адским безднам. Брунетто Латини просит своего бывшего воспитанника позаботиться о судьбе главного его сочинения «Сокровища», написанного по-французски. Едва успев договорить, подгоняемый все чаще падающим огненным дождем, Брунетто помчался вскачь. Бег сэра Брунетто, бросившегося догонять своих сотоварищей, чтобы избежать наказания, Данте сравнивает (холодно и беспощадно) с состязанием бегунов, которое он видел со стен Вероны.

Слышится тяжелый гул. Это вода спадает с кручи вниз в следующий круг. Увы, и здесь Данте встречает

флорентийцев. Появляются три тени. Уже издали они кричат: «Постой, мы по одежде признаем, что ты пришел из города порока!» — в это время жители итальянских городов, даже соседних, одевались по-разному. Данте стремится подчеркнуть, что казнимые в этом круге содомиты пользуются большой известностью на земле, как военачальники и политические деятели. «И я любил и почитал измлада ваш громкий труд и ваши имена», — заявляет Данте грешникам. Но при этом ироническая улыбка не оставляет его, меж тем как в эпизодах с Франческой или Фаринатой иронии нет и следа. По-видимому, Данте чувствовал особое отвращение ко всем видам половых извращений, поэтому вывел столько знаменитых мужей, пораженных этим пороком.

Три флорентийца под ударами огненного дождя бегают по кольцу, и Данте их сравнивает с голыми атлетами, кружащимися по арене. Один из них звался на земле Гвидо Гверра и происходил из мощной феодальной семьи графов Гвиди. Второй, Теггьяйо Альдобранди дельи Адимари, известный градоправитель, принадлежавший к партии гвельфов, пользовался большим авторитетом в Тоскане. Третий, обратившийся к Данте, был Якопо Рустикуччи — богатый и важный гражданин, родич Кавальканти. Его жена столь ему досадила, рассказывает один из ранних комментаторов поэмы Флорентийский Аноним, что Рустикуччи отослал ее обратно к родителям, а сам из ненависти к женщинам предался содомии. Тень его вопрошает, действительно ли куртуазия и Еысокие качества удалились из Флоренции. Недавно прибывший в это адское общество за те же грехи кавалер Гильельмо Борсиери, которого Боккаччо выведет затем в «Декамероне» и похвалит за любезность и придворную ловкость, жалуется на печальное состояние нравов в родном городе…

Потом Вергилий приводит Данте к горной круче, швыряет веревку в темноту возле грохочущего водопада, и скоро оттуда всплывает жуткое существо:

Чудовище с хвостом остроконечным,
Крушащее железо и гранит,
Которое зловоньем дышит вечным,
Навстречу к нам сюда оно летит! —
Сказал поэт и подозвал движеньем
То существо, что было воплощеньем

Коварного Обмана. И оно
Приблизилось к нам головой и станом,
Но хвост его окутан был туманом.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Данте клянется стихами своей «Комедии», уверяя, что действительно видел Гериона — так зовут чудовище, олицетворяющее обман и ложь. Он хочет сказать, что поэтический образ, созданный его фантазией, содержит несомненную моральную истину, в которую читатель должен проникнуть. Данте дает веревку, которой он подпоясан, Вергилию для того, чтобы приманить чудовище и заставить Гериона перенести поэтов в восьмой круг, куда нет пути. Подробность эта не случайна; как множество других деталей, она продумана и входит в общий замысел поэмы. Итак, Данте отправился в потустороннее путешествие в одежде горожанина-флорентийца (вспомним предыдущую сцену), но подвязанный простой веревкой, как нищенствующий монах-францисканец.

Герион ужасен и отвратителен. Лицо его величественно и приветливо, а тело его — тело дракона со смертным жалом скорпиона на хвосте — скрывается в бездне: такова природа обмана. Пока Вергилий убеждал Гериона перевезти их на своей спине, Данте увидел направо от того места, где была кинута веревка, группу людей, обороняющихся от огня и раскаленного песка, с кошелями и книгами, в которые заносились имена должников. Это знаменитые ростовщики Италии, на их кисетах Данте распознал гербы многих известных фамилий, флорентийских и падуанских. Следуя снова своей неизменной манере — передаче фантастического через реальное, — Данте сравнивает подплывающего к обрыву Гериона с водолазом, который освободил застрявший на дне якорь корабля, а ростовщиков — с собаками, которые летом отгоняют навязчивых насекомых. Заметим, что Герион подымается к краю пропасти не в том месте, где его манит Вергилий при помощи веревки Данте, а правее, около того рубежа, где сидят наиболее тяжкие нарушители законов бога и природы — ростовщики. По-видимому, магическая

операция Вергилия и Данте заключалась в том, чтобы заманить, обмануть и подчинить своим высшим целям самый Обман — Гериона.

Данте садится на спину Гериона впереди Вергилия, защищающего его от острого хвоста чудовища. С предельной смелостью воображения Данте описывает полет над адской бездной, сравнивая летящего Гериона то с ладьей, то с угрем, то с соколом. Поэт вспоминает также полет Фаэтона, сына Аполлона, который не смог удержать коней небесной колесницы своего отца и пал на землю, пораженный молнией Зевса, а также Икара, чьи скрепленные воском крылья при полете с острова Крита растопило солнце. Быстрота полета становится ясна только при посадке, когда Данте видит дно восьмого круга. Во время же самого полета из-за отсутствия ориентиров ему казалось, что зверь «неспешно реет», так как кругом простиралась одна черная бездна воздуха и видна была лишь спина чудовища. Нельзя не поразиться, с какой удивительной точностью Данте — задолго до начала эры воздухоплавания — воссоздал ощущения летящего человека. Когда поэты сошли со своего адского воздушного корабля, Герион «взмыл и исчез, как с тетивы стрела».

Поэты оказываются в восьмом круге Ада, где находятся глубокие рвы, которые в разных переводах называются: Злые Щели или Злые Ямы. Описание восьмого круга занимает больше трети всех песен «Ада» — он состоит из десяти рвов, разделенных валами и соединенных мостами.

В аду есть круг, из камня возведенный
И каменной стеною обнесенный;
Прозвание «Злых ям» ему дано.
В средине же колодезь есть бездонный,
Меж ним и меж стеной закруглено
Пространство все, и на десять огромных
Глубоких ям равно разделено.
Подобием больших мостов подъемных
У крепостей являются хребты
Высоких скал, ведущих, как мосты…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

В первом рве, о котором мы уже говорили в главе о Болонье, находятся преимущественно сводники. Второй занимают льстецы, погруженные в зловонные нечистоты. Третий ров предназначен для тех, кто торговал церковными должностями и превратил церковь в место торговых сделок. В сером камне торчат лишь ноги грешников, туловища их уходят в землю; огонь змеится над их ступнями. Вергилий предлагает Данте снести его вниз, в ров, и показать ему, кто там мучается. Из первого отверстия скважины, где отчаянно брыкаются чьи-то ноги, на вопрос Данте, кто здесь, раздается удивленное восклицание: «Как, Бонифаций, ты здесь уже, ты здесь уже так рано!» Это голос папы Николая III Орсини, который слишком много заботился о благополучии и доходах своих родственников. В этих словах звучит горькая ирония Данте: Николай III думает, что пришел папа Бонифаций за три года до срока, чтобы его сменить. Напомним, что условная дата путешествия — 1300 год, а папа Бонифаций умер в 1303-м. Таким образом, получается, что Бонифацию еще при жизни уготован Ад. Затем папа Николай «пророчествует», что «придет с заката пастырь беззаконный», расхититель церковных имуществ и ставленник французского короля — Климент V…

В четвертом рву казнятся прорицатели и волшебники: они поражены немотой, головы их свернуты на спину, грешники пятятся назад и никогда не видят прямо, движения их медленны, как у участников церковных шествий. Данте сначала преисполнился сожаления к этим грешникам, но Вергилий упрекает его. Вергилий особенно строг и безжалостен к магам и прорицателям. По-видимому, Данте стремился оградить автора «Энеиды» от средневековой репутации чародея. Он отрицает древнее предание о том, что Мантую основала Манто, дочь прорицателя Тирезия, и что город был назван ее именем. Данте не хочет, чтобы род Вергилия возводили к колдунье, проявляя нетерпимость, граничащую с ненавистью ко всем астрологам, чудодеям, предсказателям как древности, так и своего времени. Автор «Божественной Комедии» не замечает или не хочет замечать, что он противоречит самому себе, то есть заставляет Вергилия противоречить самому себе, так как

великий поэт древнего мира приписывал волшебнице Манто основание своего родного города Мантуи. Но Данте упорно настаивает — в жилах Вергилия не текло ни капли проклятой крови кудесницы, вздорны россказни, превратившие Вергилия в мага, все эти побасенки умаляют славу великого поэта. Сам Данте также не избежал обвинений в магии и волшебстве; так его зря припутали к делу о покушении на убийство папы Иоанна XXII при помощи магических действий. Весьма возможно, что эта слава Данте как великого мага Италии и побудила кардинала Поджетто требовать останки поэта для предания их костру.

Данте и Вергилий доходят до рва, страшного своей чернотой. В этом рве казнятся мздоимцы, среди которых много граждан города Лукки… Добавим к этому, что Данте и Вергилий едва спаслись от озлобленных дьяволов. Кроме того, бесы обманули странствующих по Аду поэтов и сказали, что шестой мост обрушен и что дальше нет пути. Однако Вергилию удалось победить все козни нечистых. Он схватил Данте и понес его на руках (как мать спасенного из пожара ребенка) вниз с обрывистого края и скрыл за пределами пятого рва, куда бесы не могли проникнуть. Это бегство, несомненно, имеет также иносказательное значение. Бесы из царства казнокрадов преследуют Данте, как лживое обвинение черных гвельфов после его бегства из Флоренции. Ему нужна помощь просвещенного разума (Вергилия), чтобы от них избавиться навсегда. Заметим, что в восьмом круге Злых Щелей Данте не очищается от грехов, свидетелем которых он стал, а с презрением и негодованием отстраняет их от себя.

Уйдя от преследований крылатых бесов с повадками и кличками бандитов, поэты, почувствовав себя наконец в безопасности, идут гуськом, «как братья миноритьі». Эта фраза вводит читателя в область лицемеров, которых больше всего в монашеских орденах. Данте и Вергилий проникли в шестой ров, где медленно и безнадежно движутся лицемеры, напоминая гробы, изукрашенные снаружи, а внутри полные всякой мерзости. Каменные одежды лицемеров широки, как мантии клюнийских монахов бенедиктинского ордена в Бургундии, которые носили длинные рукава и глубокие капюшоны. Наряд грешников тяжелее свинцовых плащей, которые, по преданию (документами эпохи не подтвержденному),

император Фридрих II надевал на обвиненных в оскорблении его величества; после чего их будто бы ставили на раскаленные угли, свинец растапливался, и жертвы погибали в страшных мучениях.

В начале двадцать четвертой песни при помощи сложной системы двух сравнений Данте показывает душевное состояние, свое и Вергилия, после того как они покинули шестой ров и направились к седьмому, где наказываются воры. Эта сложная система сравнений многим критикам казалась слишком изысканной, даже манерной — «александрийской». Вступление к двадцать четвертой песне, нежданно идиллическое, представляет контраст с предшествующими и последующими сценами, но таков один из художественных приемов Данте. Сначала он говорит о рождении нового года под знаком Водолея (то есть от 21 января до 21 февраля), когда приближается равноденствие. На полях лежит иней, «подобье снега», сила которого ослабевает («каждый раз его перо хилей»). Затем следует сценка с крестьянином, которая была бы реалистична, если бы не пасторальная идеализация. И затем все заключает нежданное сравнение с душевным состоянием обоих поэтов.

Дальше Вергилий и Данте спускаются с моста там, где седьмое кольцо смыкается с восьмым. В седьмом рву кишат страшные змеи, кусающие грешников. Те от укусов сгорают, но потом восстают из пепла, чтобы быть укушенными снова. В этом рву Данте вновь видит старого знакомого, в очередной раз убеждается в том, что здесь все наказываются по заслугам, и восклицает: «Жестоко род караешь осужденный, О, правосудье Божие!»

Возглас Данте относится к Ванни Фуччи, который «из Тосканы в этот лог недавно сверзился». Оба они сражались в гвельфском войске во время войны с Пизой и участвовали в осаде Капроны. Ванни Фуччи был побочным сыном патриция Фуччо де Ладзари. Сторонник черных гвельфов, Ванни Фуччи участвовал в грабежах и жестоких расправах со своими политическими противниками. Его зверский нрав, «кровавый и кипучий», был бы достойно наказан в озере крови, тем не менее он казнится ниже, в седьмом рву Злых Щелей, за то, что был не только грабителем и насильником, но также вором и обманщиком. Свою родину Пистойю Фуччи называет «лучшей из берлог», тем самым подтверждая, что этот

город — оплот черных гвельфов в Тоскане — был разбойничьим вертепом.

Со злорадством, намеренно причиняя боль — «чтоб ты терзался больно», — Фуччи предрекает Данте изгнание и поражение белых гвельфов под Пистойей. В заключение своих слов Ванни Фуччи вскидывает руки и показывает кукиши небу. Видя, как змеи терзают ненавистного ему Фуччи, Данте спокойно бросает: «С тех самых пор и стал я другом змей».

На смену вору из Пистойи появляются пять флорентийских воров: Аньело Брунеллески, Буозо Донати, Пуччо деи Гали-гари, Чанфа Донати и Франческо Кавальканти. Данте не делает различия между черными и белыми, патрициями и простыми горожанами. Имена флорентийских грабителей вызывают у Данте полные горькой иронии слова, обращенные к родному городу:

Ликуй, гордись, Флоренция, по праву,
Завидую себе, стяжавши славу,
Которая проникла даже в Ад!
Среди воров я с полдесятка чад
Нашел твоих, что, бывши взяты вместе,
Тебе и мне не сделали бы чести.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Превращая воров в змей и драконов, Данте не просто забавляется метаморфозами, как некогда Овидий, но вскрывает змеиную изменчивость, зловредную сущность воров, которые утеряли право на образ человеческий, уподобившись по природе своей ядовитым гадам.

Данте вслед за Вергилием вскарабкивается обратно на перевал по круче и затем через мост попадает в восьмой ров, где находятся лукавые советчики. Поэт сначала подготовляет читателя психологически к предстоящему зрелищу. Он говорит, что ему пришлось взнуздать свой ум, подчинить свой дух жестокой дисциплине, чтобы не свернуть с того пути, который ему указала еще при рождении его звезда. Он страшится величайшего соблазна — перейти через границы дозволенного человеку, проникнуть в запретные тайны,

нарушить меру. Он постепенно переводит рассказ о страшном, ужасающем, низменном и отвратительном к высокому и возвышенному: комедия превращается в трагедию.

Снова Данте вводит читателя в действие двумя сравнениями: первое вполне реального характера — крестьянин вечером видит долину, полную светляков: второе — из христианской мифологии — пророк Илья возносится на огненной колеснице, и вслед ему глядит его ученик Елисей. Светлячкам тосканской долины, затем пламенному вихрю, сопровождавшему колесницу ветхозаветного пророка, Данте уподобляет огни, которые он увидел в страшной глубине восьмого рва. В каждом из этих огней был заключен грешник, подавший роковой для человечества совет. Данте передает с убедительными подробностями, как он цеплялся за скалы, чтобы не упасть, и всматривался в эти огни, предчувствуя необыкновенное. Движущийся навстречу поэтам раздвоенный огонь напоминает двойное пламя того костра, на котором были сожжены враждующие братья Этеокл и Полиник, ненавидевшие друг друга и после смерти.

В двойном пламени заключены Улисс и Диомед, вожди греков, прославившиеся своим хитроумием во время Троянской войны. Улисс повинен в том, что обманом ввел в Трою деревянного коня и тем самым способствовал гибели Трои, откуда был родом Эней, основатель римского государства. Улисс и Диомед похитили статую Афины Паллады, охранявшую Илион. Данте страстно стремится поговорить с Улиссом, узнать от него то, о чем умолчали книги. Но с героями древности заговаривает Вергилий, опасаясь, что они могут не ответить на вопрос Данте, не умевшего говорить по-гречески. Очевидно, Вергилий опасался также, что известные своей гордостью герои презрят человека другой, им неведомой эпохи и не захотят с ним разговаривать….

Дантов Улисс — образ, в самой своей сущности героический. Нам открывается его титаническая безнадежная борьба против фатума. Бесконечная жажда знания и страсть к постижению неведомого оказываются сильнее любви к близким и привязанности к родной земле. В творческом сознании Данте «великий злодей» и «зачинщик преступлений» — таким представлен Улисс в

«Энеиде» Вергилия — превращается в трагического героя, дерзкого, отважного, смелого, исполненного жажды новых открытий, родственного по духу людям Возрождения. Его слова, обращенные к павшим духом спутникам, звучат призывом к открытию новых земель, где еще не ступала нога человека, к доблести и знанию:

Ценой трудов и тяжкого усилья
Достигли мы заката. Посвятим
Остаток дней мы подвигу и следом
Плывем туда за солнцем золотым,
В чудесный мир, что никому неведом.
Не для того на свет мы рождены,
Чтоб жалкое влачить существованье,
Но до конца за истиной должны
Стремиться мы к добру и к свету знанья!

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Муза двадцать восьмой песни «Ада» — ужас.

Моральное сознание Данте глубоко возмущено постоянным зрелищем в истории человечества варварской резни, войн, убийств, мятежей, он надеется избавить человечество от состояния вечной войны, проповедуя единое мировое государство на земле и мир всего мира. В этой песне Данте употребляет резкие, звонкие, жесткие рифмы, соответствующие страшному, порой жестокому, граничащему с отвратительным, содержанию.

Перед поэтами предстает окровавленный Магомет, в Средние века католики считали его «еретиком». По весьма распространенному преданию, появившийся среди сарацин при папе Гонории и императоре Ираклии Магомет исповедовал сначала христианство, но потом отрекся от праведной веры. В некоторых версиях рассказа утверждалось, что Магомет, весьма сведущий в богословии, имел кардинальский сан. Будущий основатель ислама будто бы проповедовал в Африке и почти всю ее обратил в христианство. Но затем кардинал Магомет изобрел новую схизматическую веру…

Ужасные картины девятого рва завершаются явлением знаменитого провансальского трубадура и

феодального сеньора Перигора, жившего во второй половине XII века, Бертрана де Борна. Почти все стихи провансальца написаны на политические темы. Данте хвалил его как певца войны в трактате «О народном красноречии» и писал о его щедрости в «Пире». Бертран возбудил вражду между Генрихом II, королем Англии, и его сыном и соправителем герцогом Аквитании Генрихом III, за что и осужден поэтом нести свою отсеченную голову как фонарь в руках.

Когда видение обезглавленного трубадура рассеялось, Данте впервые в Аду проявляет любопытство; взор его словно что-то ищет; как замечает Вергилий: «Другие рвы тебя не так манили». Любопытство читателей возбуждено, но имя грешника, которого Данте хотел бы увидеть, упомянуто только в девятой терцине следующей, двадцать девятой песни. «В этой яме, там… один мой родич», — говорит Данте. Это Джери дель Белло, двоюродный брат отца Данте, умерший между 1269 и 1300 годами… Джери, человек необузданного нрава, склонный к насилию (за что и попал в ад), был убит Бродайо Саккетти. Смерть его не была отомщена. Только в 1342 году Саккетти и Алигьери примирились при посредничестве герцога Афинского, правившего Флоренцией. Мир заключил брат Данте Франческо от своего имени и от имени Пьетро и Якопо, сыновей поэта. Кровавая месть рассматривалась в XIII–XIV веках как священное право и долг родственников и не каралась законом. Неотомщенный Джери гневно указывал в Аду перстом на своего племянника Данте.

Данте — сын своего времени: в канцонах, а также в письме к императору Генриху VII он оправдывал месть. Во второй канцоне о Каменной Даме поэт восклицал: «Прославлен будет мститель похвалою!» Однако в этой песне «Ада», несмотря на стоны неотомщенного родича, которого поэт и замечает и не замечает, Данте как бы отходит в сторону от насилия, внимая словам Вергилия: «И не о нем ты должен помышлять». И они продолжают свой путь.

В десятом, последнем рве восьмого круга ада мучаются обманщики — алхимики, люди, выдававшие себя за других, фальшивомонетчики и, наконец, просто лжецы и клеветники. Их вопли и проклятия заставили Данте закрыть уши и напомнили ему стоны больных лихорадкой, которые он слышал в лазаретах.

В этой песне вообще много неприятных реалистичных подробностей, навеянных посещениями Данте общественных больниц.

О, что за вид являли безотрадный
Лежавшие недвижно кучей смрадной!
За шагом шаг мы двигались во мгле
Среди больных, стонавших от недуга
И ползавших бессильно по земле.
Облокотясь спиною друг о друга,
Как сковородок пара у огня,
Сидели два, и конюхи коня
Не чистят так, пуская в ход скребницу,
Как эти два чесали поясницу
При помощи ногтей обеих рук,
И струпья их, как чешуя у щук,
Что чистит нож, валилися кусками.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Один из покрытых струпьями отвечает, что он из Сьены. Его сожгли живьем за то, что он обещал научить летать, как Дедал Икара, глупого и злого юношу Альберо, который донес на него епископу. Сын Данте Якопо утверждает в своем комментарии к «Аду», что Гриффолино (так звали грешника) принадлежал к секте патаренов, за что и был сожжен. Однако в Ад поэт определил Гриффолино не за то, за что его подверг казни лицеприятный церковный суд, а за занятия алхимией. Для сына торговой Флоренции «софистика» — подделка драгоценных металлов — оказывается грехом более тяжким, чем обвинение в ереси…

Путешествие по Злым Щелям кончается сценой препирательства между современником Данте Адамо и древним греком Синоном. Это смешение веков и эпох обычно в «Божественной Комедии», действие которой происходит в ином временном плане, чем на земле. Препирательство изобилует словами простонародными, переходит в рыночную перебранку, изображенную уверенными мазками. Вергилий-разум упрекает Данте (то есть Данте упрекает самого себя), внимательно вслушивающегося в слова перебранки, как некогда Гвидо

Кавальканти упрекал Данте за вульгарность некоторых его мыслей, низменность чувств и выражений, вероятно, в связи с бранчливыми сонетами Данте, обращенными к Форезе Донати. Вульгаризмы не мешают маэстро Адамо, как человеку образованному, прибегать и к литературным перифразам, обнаруживающим его познания в греческой мифологии.

В сумерках Ада Данте почти не различает, куда идет. В полумраке раздается резкий и мощный звук рога, напоминающий гром. Данте сравнивает этот звук с предсмертным призывом Роланда, трубящего в ущелье Ронсеваля. Любопытство читателя снова возбуждено, так как неизвестно, кто трубит в ужасающий гигантский рог. В сумраке возникают вдали несколько огромных башен. Вергилий объясняет Данте, что это не башни, а некогда жившие на земле гиганты. Данте упоминает легендарного Немврода, царя Вавилона и Эфиальта, во время битвы титанов с богами взгромоздившего Оссу на Пелион. В «Энеиде» Вергилия заточенное в Тартар «порожденье земли, стародавнее племя титанов, молнией сверженных вниз, на дне извивается самом». В дантовском аду гиганты застыли как часовые у нижней бездны. Из темной котловины внезапно возникает исполин Антей, которого Геракл смог победить, лишь оторвав от земли — источника его неизбывной силы.

Вергилий обращается к Антею с речью, куртуазной и «дипломатической», желая приобрести расположение великана. Вергилий говорит, что если бы Антей участвовал вместе с другими гигантами в битве с богами, то олимпийцы были бы поражены. Во время своих скитаний по Италии Данте приобрел достаточный опыт обращения с феодальными сеньорами и правителями городов, к которым следовало обращаться с речью, пересыпанной комплиментами и любезностями. Тот же язык был, по-видимому, уместен и в разговоре с гигантами последнего круга Ада, Вергилий учтиво просит Антея, так как его собратья Тифей (или Тифон) и Титий находятся далеко, перенести его и Данте на дно адского колодца. Данте снова сравнивает Антея с башнею, на этот раз с Гаризендой в Болонье, запечатленной в сонете Данте «Вовек не искупить глазам моим». Когда облака бегут в сторону, в которую наклонена башня, кажется благодаря оптическому обману, что Гаризенда падает на глядящего на нее снизу.

Так, склонившийся над поэтами Антей, казалось, падал, чтобы подавить своей тяжестью Данте и Вергилия…

Данте не описывает, как Антей опускал его и Вергилия на своей ладони на поверхность Коцита, — полет Гериона изображен был подробнее. Ледяное озеро — центр вселенной. В своей ограниченности оно противополагается огненной бесконечности Эмпирея. Коцит содержит четыре зоны, идущие концентрическими кругами. В центре — Люцифер. Данте ступил сначала на лед первого пояса, названного Каиной — по имени библейского братоубийцы Каина…

Неизвестный дух, которому Данте ушиб ногой висок, кричит, что Данте мстит ему за Монтаперти, битву 1260 года, в которой сьенцы и флорентийские изгнанники-гибеллины разбили наголову флорентийских гвельфов. Кто этот вопящий, окованный льдами грешник? Данте предлагает ему назвать свое имя, обещая увековечить его в своих стихах: «И ты бы утешенье встретил….когда б из рода в род в моих созвучьях я тебя отметил». Но грешник иронически отвечает, что Данте плохой хитрец: «Нашел чем льстить средь ледяных болот!» Предатели, понятно, не желают, чтобы стало известно, где они находятся, и не хотят, чтобы имя их повторялось среди живых. Тогда Данте в бешенстве рвет волосы на голове грешника, который воет от боли, но не открывает своего имени. Тут проявляется страстный темперамент Данте, который в «Пире» говорил, что некоторым противникам на их гнусные доводы следует отвечать не словами, а ударами кинжала. Какая-то тень, вмерзшая близ того, кто вызвал гнев Данте, назвала его по имени. Это Бокка дельи Абати, который отсек руку знаменосцу флорентийской кавалерии Якопо деи Пацци в битве при Монтаперти и тем самым вызвал замешательство и поражение флорентийцев. Он изменил своей родине и своей партии. Гнев Данте объясняется ненавистью к изменнику, которую он воспринял еще в раннем детстве.

Поэты отходят от предателей, и вскоре глазам их предстает ужасное зрелище: «как хлеб грызет голодный, стервенея», так яростно в ледяной яме вонзал зубы один грешник в череп другого.

Мы отошли, и тяжких мук предела
Достигли мы: в пучине роковой
Две головы — одна поверх другой —

Предстали нам, и грешник, сверху бывший,
Вцепясь в того, кто погрузился вниз,
Безжалостно его зубами грыз.
Так человек, уж много дней постивший,
Кидается на хлебные куски;
Так павшего фивянина виски
Глодал Тидей, предчувствуя кончину.
И я сказал: — Поведай мне причину
Звероподобной ярости твоей,
И, если враг — воистину злодей,
Узнав, о чем враждуете друг с другом,
Вернувшись в мир, покинутый тобой,
Ему воздам я кару по заслугам,
Когда язык не онемеет мой.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Так Данте обращается к графу Уголино деи Герардески Доноратико, родившемуся в начале XIII века в богатой феодальной семье, имевшей обширные владения в тосканской Маремме и на острове Сардиния. В 1275 году вместе со своим зятем Джованни Висконти он, происходивший из гибеллинской семьи, перешел на сторону гвельфов (как можно предположить, именно в этом и состоит его предательство, из-за которого он очутился в Антеноре). В 1284–1285 годах Уголино стал сеньором Пизы, официально со званием подеста вместе со своим внуком Нино Висконти. Для того чтобы оградить Пизу от нападений коалиции Генуи, Флоренции и Лукки, он уступил союзникам некоторые пизанские замки, за что впоследствии его обвинили в измене, хотя уступка эта была политически необходима, что понимал и Данте. В июне 1288 года партия гибеллинов, воспользовавшись несогласием между Уголино и Нино Висконти, подняла восстание под предводительством архиепископа Руджери деи Убальдини (который считался другом правителя Пизы) и знатных семей Гваланди, Сисмонди и Ланфранки. Восставшие свергли Уголино и заточили его в башню вместе с двумя сыновьями и двумя внуками. Вход в башню по приказу епископа был замурован, и Уголино со своим потомством умер от голода в феврале 1289

года.

Рассказ Уголино — один из лучших эпизодов «Божественной Комедии». По силе трагизма он не имеет себе равных в средневековой и ренессансной поэзии и достоин того, чтобы процитировать его целиком:

Граф Уголино я, он — Руджиери.
Как страшно я ошибся в лицемере
И как затем он смерти предал нас —
Известен всем печальный тот рассказ.
Но одного не ведают доныне:
Как я страдал жестоко при кончине.
В тюрьме моей томился я давно;
Присвоено, в мое воспоминанье,
Теперь ей «Башни Голода» названье;
Много раз сквозь узкое окно
Наблюдал за светлою луною —
Когда в ночи привиделся мне сон,
Исторгнувший завесу предо мною.
Тот, кем я был в темницу заключен,
Приснился мне владыкой, господином;
С волчатами он волка по долинам
Окрестным гнал к высокому холму
Меж Луккою и Пизою. Ему
Предшествуя, Сисмонди и Ланфранки,
Со сворой псов, алкающих приманки,
Неслись, как вихрь. Был также впереди
И Гуаланди. С ужасом в груди
Увидел я, как настигают кони
Волчат с отцом, затравленным в погоне,
И стая псов, голодных и борзых,
Кидается и раздирает их.
Еще зарей не заалело небо,
Когда детей послышался мне плач,
Которые во сне просили хлеба.
Душою ты суровей, чем палач,
Когда меня не сожалеешь ныне,
Поняв, что я предчувствовал в кручине!
И если слез сочувственных ручей
Не в силах я исторгнуть из очей —
О чем, скажи, ты проливаешь слезы?
Проснулись мы под бременем угрозы,
Навеянной тяжелым сном моим.
Предчувствием мучительным томим,

Прислушивался тщетно я к приходу
Тюремщиков, носивших хлеб и воду.
Вдруг слышу я, как забивают вход
В темницу к нам. Отчаяния полный,
В лицо детей я устремил безмолвный
Суровый взор, и сердце, словно лед,
В груди моей от ужаса застыло.
Все плакали, но в продолженье дня
Не плакал я, ни звука не сходило
С холодных уст. — «Отец мой, что с тобою?
Как странно ты глядишь перед собою!» —
Спросил Ансельм-малютка у меня.
Но я молчал. Когда же луч денницы
Проник опять в окно моей темницы
И в их чертах, искаженных от мук,
Я черт своих увидел отраженье —
Я укусил невольно пальцы рук.
Но, думая, что голода мученья
Не в силах я терпеньем побороть,
Промолвили они: — «Ты в эту плоть
Наш дух облек, сними ее покровы;
Тебя собой насытить мы готовы
И легче нам не видеть мук твоих».
Тогда порыв безумия утих,
Смирился я, и мы три дня молчали.
О, почему во дни такой печали
Не приняла в объятья нас земля?
Когда настал ужасный день четвертый,
Мой Гаддо пал передо мной, моля
О помощи, и умер распростертый.
От пятого и до шестого дня
Все на глазах скончались у меня.
Уже слепой, бродил я, как в могиле,
И мертвых звал в течение трех дней.
Потом… Но муки голода сильней,
Ужасней мук моих душевных были». —
Он замолчал и, бешеную злость
Почувствовав, вонзил в злодея зубы,
Как будто пес, который гложет кость.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Выслушав рассказ грешника, потрясенный Данте восклицает, осуждая город и его жителей, допустивших такое дикое бесчеловечное деяние:

О, Пиза! Стыд, позор тебе сугубый!
Пускай, когда враги тебя щадят,
С Капрайею Горгона заградят
Теченье вод, как крепкая плотина,
И город весь погибнет. Уголино
В предательстве виновен, может быть,
Но за отца зачем детей казнить?

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Образ Уголино, его ужасное пребывание в башне голода и его месть архиепископу Руджери потрясали читателей не только XIV века, но и последующих веков, а также вдохновляли многих творческих людей эпохи романтизма.

В глубокой задумчивости, потрясенный чужим несчастьем, как своим, вступает Данте во вторую зону Коцита — Толомею, названную так по имени Птолемея, правителя Иерихона в древней Иудее. Пригласив к себе своего тестя, первосвященника Симона Маккавея, и двух его сыновей, Птолемей предательски убил их на пиру в крепости Док. Толомея предназначена для тяжелых грешников, которые предали и погубили своих друзей и гостей. Если в первой зоне грешники вмерзли по пояс в лед, то во второй они лежат на спине, зажатые льдами, и слезы их застывают ледяной корой. Данте удивляется тому, что в неподвижном ледяном воздухе Коцита повеял ветер, так как на дне Ада нет водяных паров, нагретых солнцем, которые в его время считали причиной движения воздуха. Вергилий не отвечает на вопрос Данте. Адский ветер порожден взмахами крыльев Люцифера.

Данте обещает снять ледяную кору с глаз грешника, услышавшего его шаги, и даже клянется — пусть он окажется под ледяным покровом, если не сдержит свое обещание. Однако после того, как Данте узнает все, что его интересовало, и убеждается, что грешник наказуется по заслугам, он не исполняет обещанного. Снова звучит

жестокий Дантов стих: «И я рукой не двинул, и было доблестью быть подлым с ним». Так непреклонно суров и безжалостен поэт к Альбериго деи Манфреди, принадлежавшему к ордену гаудентов — «радующихся братьев». Альбериго был одним из вождей гвельфов в городе Фаэнца (провинция Романья). Притворяясь, что помирился со своими родственниками Манфредо и Альбергетто, он пригласил их на пир в свою виллу. Когда хозяин приказал слугам: «Принесите фрукты», — они набросились на гостей и закололи их. Это случилось 2 мая 1285 года Событие это вошло в пословицу, в народе говорили: «Его угостили фруктами брата Альбериго». Альбериго говорит, что он «променял на финик смокву». Известно, что финик был более дорогим в Италии плодом, чем смоква. Эта ироническая фраза означает, что в Аду ему воздано сторицей. В 1300 году, в условный год потустороннего путешествия Данте, Альбериго был еще жив. Данте с присущим ему мастерством высказывает удивление: «Ты разве умер?» Гаудент объясняет ему, что за преступления, подобные его злодейству, души попадают в Толомею еще при жизни, а в тело грешника вселяется бес. Нетерпеливый Данте во имя восстановления мировой справедливости расправляется не только с мертвыми, но и с живыми. Так, заранее, как мы видели, живого, он осудил и папу Бонифация VIII.

Брат Альбериго сообщает Данте, что рядом с ним можно найти и другие грешные души, чьи тела еще здравствуют на земле. За ним «от стужи жмется» Бранка д'Орья. С этим сотоварищем он свыкся, вместе они провели во льдах Коцита уже много лет. Данте снова делает вид, что он удивлен, и говорит: «Бранка д'Орья жив, здоров, он ест, и пьет, и спит, и носит платья». Бранка д'Орья происходил из знатной генуэзской семьи; он убил на пиру своего тестя, Микеле Дзанке, князя-судью области Логодуро в Сардинии. В тела Бранка д'Орья и его родственника, соучастника преступления, вселились дьяволы…

Последняя, тридцать четвертая песня «Ада» начинается словами известного латинского гимна, исполнявшегося в страстную пятницу в католических церквах: «Приближаются знамена царя (Ада)». Последнее слово — «Ада» Данте добавил от себя. В гимне Венанция Фортуната, епископа Пуатье, «знамена» обозначали

крест. Для Данте «знамена» — шесть крыльев Люцифера, в царстве которого искажаются и нарушаются все божественные установления. Данте снова прибегает к своим излюбленным поэтическим приемам: не называет сразу и прямо действующих лиц, а говорит иносказательно, пользуясь метафорами и сравнениями. Вместо «Люцифер» сказано: он чернеет, он виден. Крылья Люцифера, также не названные прямо, уподоблены крыльям мельницы в тумане. Они вздымают нестерпимый ледяной ветер.

Поэты вступают в четвертую зону Коцита Джудекку, названную по имени Иуды, предавшего Христа. Грешники в этой области глубоко вмерзли в лед, одни лежа, другие стоя или вниз головой, а некоторые согнувшись в дугу, так что ступни касаются лиц. Те, кто предал своих благодетелей или людей, сделавших им добро, равных им по званию и достоинству, — лежат; стоят вниз головой те, кто предал высших по положению, вверх головой — те сеньоры, которые предали своих подданных; изогнуты — предавшие как высших, так и низших.

Данте и Вергилий наконец видят вблизи гигантскую фигуру вмерзшего в лед до пояса Люцифера, перед которым малыми кажутся гиганты, охраняющие нижний колодец Ада.

И, наконец, — о, этот миг ужасен! —
Учитель мой мне указал того,
Кто прежде был божественно прекрасен.
Сказав: — «Ты Дитэ видишь самого.
Мужайся же, здесь царство Люцифера!»
Всех ужасов исполнилася мера;
Как был в тот миг подавлен я и нем —
Не вопрошай: слова мои бессильны.
Не умер я и не жил вместе с тем,
Но ощущал я холод замогильный.
Долины слез и скорби властелин
Предстал очам и лишь до половины
Груди своей был виден из пучины.
В сравнении со мною исполин
Чудовищен так не был по размерам —
Как был бы мал в сравненье с Люцифером,
Он, дерзостно восставший на Творца,
Начало зла, настолько же ужасен

Был ныне он, как некогда прекрасен.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Люцифер у Данте не похож на сатану Мильтона, на Мефистофеля Гёте, ни на лермонтовского Демона. Люцифер в Аду безобразен, скован льдами, подчинен высшей воле, навеки побежден. Он занимает центральное место в мироздании, то есть абсолютное зло находится в самом средоточии вселенной, и в центре мира — вечный холод и ужасающее уродство. Масса тела Люцифера, лишенного, казалось, разума, бессловесное, отвратительное, животное, воплощает мировое зло и мировое уродство. Вся поэма Данте построена на антитезисе: огонь Эмпирея и холод Коцита, любовь и ненависть, движение и неподвижность, гармония и нарушение всех пропорций. Некогда Люцифер был сотворен серафимом, высшим духом из девяти ангельских чинов. Люцифер и его ангелы бунтовали напрасно, они вошли в систему мира, предначертанную божеством, и должны были стать пусть озлобленными, но послушными исполнителями свыше назначенных казней для соблазненных ими людей. Они могут бунтовать только эпизодически, как перед воротами города Дита или в Злых Щелях, но должны в конце концов покориться. Гордыня, как главный грех, нарушила мировую гармонию и была первопричиной зла. Борьба Люцифера с добрым началом все же продолжается на земле, и он стремится увеличить число подданных своего царства, поэтому устрашающи во мгле полунебытия его знамена. В многосмыслии поэмы Данте Коцит означает также дно души, а не только средоточие мира. Замерзшие души как бы смешиваются со льдом, теряют индивидуальность, которая все же порой прорывается сквозь ледяную кору, как в знаменитом эпизоде с Уголино.

У царя мрака три лица: красное лицо, вероятно, аллегорически изображает гнев, черное — зависть, бело-желтое — бессилие. Три лица Люцифера также пародируют небесную троицу, в которой сосредоточены вселенская любовь, могущество и доброта. В трех пастях Люцифера казнятся те, чей грех, по мысли Данте,

ужаснее всех остальных: предатели величества божеского (Иуда) и величества человеческого (Брут и Кассий), то есть тех двух властей, которые согласно его доктрине должны совместно — в лице первосвященника и в лице императора — вести человечество к блаженству вечному и блаженству земному, как он писал в третьем трактате «Монархии». Вся структура «Ада» подчинена политической и исторической концепции поэта.

С тех пор как поэты начали свое путешествие по аду, прошло 24 часа. Наступил вечер 26 марта. Вергилий замечает, что приближается конец нисхождения в Ад, ибо Данте видел «все, что было в нашей власти». Цепляясь за шерсть владыки Ада, Вергилий ложится, перевернувшись головой туда, «где прежде были ноги», и начинает не спускаться, а подыматься ввысь, так что Данте, который следовал за ним, в испуге подумал, что они возвращаются в Ад. Затем, с трудом шагнув на скалу, Вергилий помогает перейти своему спутнику. Данте изображает это нисхождение-восхождение вполне реалистически. Вергилий тяжко дышит, ложится с усилием и с усилием поднимается по склону. Когда Данте нежданно видит, что под ним торчат ноги Люцифера, он говорит, что читателю трудно угадать, какой рубеж он миновал. Объяснение этого путешествия по телу того, кто воплощает абсолютное зло в центре вселенной, представляло и представляет значительные трудности для комментаторов…

Оба поэта спускаются по кручам воронкообразного ада. Воронка завершается последним, наиболее узким кругом владыки преисподней. При этом обоими поэтами сохраняется все время нисхождения вертикальность головою к месту схода, то есть к Италии, и ногами к центру Земли. Но когда поэты достигают приблизительно поясницы Люцифера, оба они внезапно переворачиваются, обращаясь ногами к поверхности Земли, откуда они вошли в подземное царство, а головой в обратную сторону (Ад, XXIV, 74–94). Миновав эту грань, то есть окончив путь и миновав центр мира, поэты оказываются под гемисферою, противоположной той, где гора Сион; они подымаются по жерлообразному ходу (см. стихи 133–139). После этой грани поэт восходит на гору Чистилища и возносится чрез небесные сферы. Теперь вопрос: по какому направлению? Подземный ход, которым они поднялись, образовался падением

Люцифера, низвергнутого с неба вниз головой. Следовательно, место, с которого он низвергнут, находится не вообще где-то на небе, в пространстве, окружающем Землю, а именно со стороны той гемисферы, куда попали поэты. Гора Чистилища и Сион, диаметрально противоположные между собою, возникли как последствия этого падения, и, значит, путь к небу направлен по линии падения Люцифера, но имеет обратный смысл… Двигаясь все время вперед по прямой и перевернувшись раз на пути, поэт приходит на прежнее место в том же положении, в каком он уходил с него. Следовательно, если бы он по дороге не перевернулся, то прибыл по прямой на место своего отправления уже вверх ногами. Значит, поверхность, по которой двигается Данте, такова, что прямая на ней, с одним перевертом направления, дает возврат к прежней точке в прямом положении, а прямолинейное движение без переверта возвращает тело к прежней точке перевернутым. Очевидно, это поверхность: 1° — как содержащая замкнутые прямые есть римановская плоскость и 2° — как переворачивающая при движении по ней перпендикуляр, есть поверхность односторонняя. Эти два обстоятельства достаточны для геометрического охарактеризования Дантова пространства, как построенного по типу эллиптической геометрии».

Отсюда следует, что вселенная Данте основывается на неэвклидовой геометрии. Это предположение высказали недавно и итальянские физики. Некоторые важные и неясные проблемы астрономии и физики эпохи Данте, вызывающие споры и в настоящее время, могут быть разрешены только совместными усилиями знатоков средневековой науки, дантологов и представителей точных наук наших дней.

Далее Данте и Вергилий совершают восхождение по узкому коридору, напоминающему в полумраке подвал, или пещеру, пока не выходят на поверхность земли в южной гемисфере у подножия горы Чистилища… В оригинальном представлении Данте, сочетавшем библейские легенды с домыслами греческих мудрецов и их арабских толкователей, земля находилась во время оно в Южном полушарии, окруженная водой; когда произошло падение Люцифера, земля «в испуге» перешла вниз, в северную часть, а из недр земли, исторгнутых падением Люцифера, образовалась гора Чистилища.

Грандиозную катастрофу, происшедшую с земным шаром, Данте объясняет моральной причиной: бунтом возгордившегося Люцифера и его падением.

Восходя в южную гемисферу, Данте слышит гул потока, стекающего вниз, в Ад. Это река забвения Лета, которую Данте, по своему обыкновению, сразу не называет. Она течет с вершины горы Чистилища, где находится Земной Рай — Эдем. Под тихое пенье ручья Вергилий впереди, а вслед за ним Данте поднимаются в сторону Южного полушария.

Мой вождь и я поспешною стопою
Пошли вперед таинственной тропою,
Дабы скорей увидеть Божий свет.
И мне в пути предшествовал поэт.
Из бездны той, что грозно поглотила
Собою нас, — мы к выходу пришли,
И мир чудес открылся нам вдали,
И в небесах блеснули вновь светила.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Последующие кантики «Божественной Комедии» так же будут заканчиваться словом «stella» (светило, звезда).

«Чистилище»

Покинувший пучину адских волн,
В иных водах, о, вдохновенья челн.
Лети вперед под всеми парусами.
Обитель ту, которая светла,
Куда наш дух, влекомый небесами,
Возносится, очищенный от зла, —
Прославлю я моею песнью ныне.
Взываю к вам, о музы, о богини!
Пусть Каллиопа выше воспарит.
Моим стихам той музыкою вторя,
Которая смирила Пиэрид,
В прощении отчаявшихся с горя.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Из жуткой бесконечной тьмы Ада, наполненной стонами и скрежетом, Вергилий выводит Данте к подножию горы Чистилища. Увидев голубое небо и восходящее солнце, Данте вздыхает с облегчением и вновь ощущает уже забытое в бездне Ада чувство — надежду.

Цвет сладостный небесного сафира
Сливался здесь с дыханием эфира.
Все светлое, что видел я вокруг, —
Душе моей, томимой видом мук,
Моим очам — надежду возвратило.
Узрев любви прекрасное светило,
Которое созвездье Рыб затмило, —
Улыбкою Восток зарделся весь.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Чистилище живописно и гармонично, но Данте не может отрешиться от грусти, которую вдруг начинает испытывать, поднимаясь на гору.

Настал тот час, который в одиноких,
По воле бурь несущихся пловцах
Рождает мысль о их друзьях далеких
И отдается горестью в сердцах;
Тот час, когда, любви тоской томимы,
Вечерний звон заслышат пилигримы,
И мнится тем, кто слышит этот звон:
Умерший день оплакивает он.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Грустит он не просто так — в чистилище он встречает своих друзей, в том числе и недавно умерших. И хотя он, конечно, рад, что видит их здесь, а не в аду, но все равно, будучи живым человеком, печалится о том, что они уже покинули земной мир.

О, призраки, доступные для зренья!
Один из них, исполненный любви,
Простер ко мне объятия свои;
Я в свой черед пытался троекратно
Обнять его, но руки непонятно
Мне падали на грудь, и обнимал
Лишь воздух я. Он удаляться стал…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Вспоминая радость, которую он испытывал в былые годы от песен Казеллы, Данте просит друга своей молодости спеть вторую канцону «Пира» — «Амор во мне о даме говорит». Заслушавшись Казеллы, Данте, Вергилий и души, прибывшие вместе с певцом, «так радостно ловили каждый звук, что лучшего, казалось, нам не надо». Но предавшиеся музыке вдруг услышали строгий голос стража Антипургатория величественного старца Катона Утического, который побуждал их не отвлекаться, а продолжать свой путь восхождения.

Почему Данте доверил язычнику и самоубийце Катону важную должность хранителя доступа в Чистилище? Сопоставления первой песни «Чистилища» с

другими произведениями Данте, особенно с «Пиром», показывают, что Данте чтил в Катоне доблестного мужа римского государства, праведника, пожертвовавшего жизнью, чтобы не подчиниться тирании, ибо только свобода и духовная независимость, как учили стоики, дают возможность проявить добродетель. На Катоне опочила особая милость создателя, допускавшая в исключительных случаях спасение язычников. В воображении Данте Катон становился прообразом и символом самого бога; именно ему надлежало открывать путь к очищению и восхождению к звездам.

Архитектоника Чистилища проста: на берегу вселенского океана находится Предчистилище — Антипургаторий; на двух уступах, возвышающихся над водной гладью, томятся нерадивые души. Там же расположена долина земных властителей. Они ждут, когда будут допущены к вратам Чистилища, за которыми начнется восхождение по семи кругам — иногда продолжающееся несколько столетий — к вершине, где находится Земной Рай. Восхождение по скалистым дорогам, вначале более трудное, в конце пути становится подобно движению быстрого корабля, разрезающего грудью поверхность вод. В первом круге очищаются гордецы (и в этот круг Данте надеется попасть после смерти!), во втором — завистники, в третьем — гневные, в четвертом — унылые, в пятом — скупцы и расточители, в шестом — чревоугодники, в седьмом — сладострастники. Последние три круга Чистилища, более близкие к Земному Раю, где караются менее тяжкие грехи, соответствуют второму, третьему и четвертому кругам Ада.

К вратам Чистилища ведут три ступени: беломраморная, из шершавого, обгорелого, растрескавшегося камня «цветом словно пурпур почернелый», и огнисто-алая, порфирная. Покоя на последней ступни своих ног, сидит на алмазном пороге дивно-печальный ангел в темно-серых одеждах — хранитель входа. Концом меча он чертит на лбу входящих семь «Р» (первую букву латинского слова peccatum — грех). Знаки эти снимаются при прохождении семи кругов.

Один из первых повстречавшихся Данте в Предчистилище — белокурый, прекрасный видом король Сицилии Манфред, павший в битве с Карлом Анжуйским

и гвельфами под Беневентом. Он спрашивает, обращаясь к Данте: «Тебе знаком я по земным приметам?» Поэт замечает у него рассеченную рубцом бровь и смертельный след у сердца. Отдавая должное храбрости Манфреда, неприятельские солдаты набросали камней на могилу короля, отлученного от церкви и похороненного без церковных обрядов. Но епископ Козенцы по повелению папы выбросил тело короля и перенес его за пределы земель Святого престола к реке Верде, на границу Неаполитанского королевства и Кампаньи, где с проклятьями и потушенными перевернутыми свечами зарыл его останки. Джованни Виллани так описывает в Хронике Флоренции сына Фридриха II: «Король Манфред был красив лицом и телом, и подобно его отцу, и даже в большей степени, предан всем излишествам и страстям. Он был музыкантом и певцом, любил окружать себя жонглерами, придворными и прекрасными наложницами… Он славился щедростью и куртуазными манерами, отличался изяществом и хорошим расположением духа, поэтому его очень любили. Однако вся жизнь короля Манфреда была жизнью эпикурейца, который почти не заботился о боге и о святых, преданный телесным наслаждениям. Он был врагом Святой Церкви, клириков и монахов и, так же как его отец, захватывал церковное имущество». Данте спас душу Манфреда, несмотря на то, что тот был отлучен от церкви, создав легенду о его предсмертном обращении к богу…

Далее Данте видит странное шествие — движущиеся камни. Но вглядевшись пристальней, он понимает, что это люди, придавленные камнями. Изнемогая от бремени, они несут свою ношу, чтобы смирением искупить грех гордыни.

Так, в искренней сливаяся мольбе
За ближних и себя, брели толпою
Печальною те призраки вперед,
Согбенные под тяжестью такою,
Какая нас порой во сне гнетет.
Так первый круг страдальцы проходили,
Где муками им было суждено
Навеки смыть греховное пятно.
О, если так за нас они молили,
То как должны за них молиться те,
Кто сам стоит на должной высоте,

Как помогал — очищенным от пятен —
Подняться им в бессмертной чистоте
В надзвездный мир, что дивно необъятен!

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Порою поэт в нескольких терцинах создает образы, которые нельзя забыть. Таков, например, в «Чистилище» краткий рассказ о Провенцане Сальване. Этот правитель Сьены, человек гордый и жестокий, очутился среди очищающихся душ лишь потому, что спас из тюрьмы неаполитанского короля Карла I, своего друга, осужденного на смерть. За Карла нужно было заплатить огромный выкуп — 10 тысяч золотых флоринов. Провенцан Сальвани собрал все, что у него было, но не смог составить необходимой суммы. Тогда он, как нищий, сел посредине площади Кампо и стал просить проходящих граждан ему помочь. Видя добровольное унижение своего гордого сеньора, сьенцы были тронуты его смирением, собрали недостающие деньги, и выкуп был заплачен вовремя. Сальвани дрожал каждой жилкой от унижения, но претерпел все, чтоб только вырвать из темницы своего друга. И за это Данте дарует прощение гордому и гневному сеньору.

Тетка Провенцана Сальвани, некая дама из Сьены по имени Сапья Сарачини, отличалась при жизни завистливостью, так же как Гвидо дель Дука из Романьи, о котором еще будет речь. Завистливые сидят вдоль скалы, опершись друг о друга, как нищие. Их веки зашиты по краям железной нитью, и они осуждены на слепоту, пока не кончится срок покаяния. Сапья желала зла всем своим согражданам, она радовалась даже поражению своего племянника, который пал в битве с флорентийскими гвельфами. Но под старость она смирилась и покаялась в своих грехах. Госпожа Сарачини не без юмора рассказывает о сьенских сухопутных «адмиралах». После того как сьенцы тщетно искали подземную реку Диану, чтоб обеспечить город водой, они захотели приобрести на берегу Тирренского моря гавань Таламонэ, и все влиятельные граждане мечтали стать капитанами и адмиралами несуществующего сьенского флота.

Так же замечателен, но в ином плане, рассказ о встрече Данте в преддверии Чистилища с добродушным и ленивым флорентийским мастером музыкальных инструментов Бельаква. Нельзя забыть улыбки, которая нежданно озаряет лицо Данте, когда он видит, как Бельаква сидит на большом камне в тени, терпеливо ожидая с присущей ему ленцой того часа, когда начнется его мучительное и тяжкое восхождение на гору. Данте стремится скорее достигнуть Земного Рая, открыть путь к звездам, он полон нетерпения, готов преодолеть все трудности. Бельаква, склонив голову на колени, никуда не спешит: он спасен и никуда не торопится. «А ты беги наверх, если ты такой ретивый», — говорит он своему старому знакомому Данте.

На втором уступе Антипургатория Данте и Вергилий встречают знаменитого поэта Сорделло, автора обличительных и сатирических стихов, который искренне радуется Вергилию как своему земляку.

Но Мантую упомянул едва
Учитель мой, как, слыша те слова,
Воспрянул дух в восторге без предела
И радостно воскликнул: — «Я — Сорделло,
В одной стране с тобой мы родились». —
И оба духа нежно обнялись.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Данте же встреча с Сорделло напомнила об итальянской политике, и он вновь задумался о постоянных раздорах и несчастьях, терзающих его родину.

Напрасно император Юстиниан стремился законами и правосудием обуздать бешеного итальянского коня, седло цезарей пустует, конь, не укрощаемый шпорой, несется в бездну. Сад империи запущен, наследники Генриха VII забыли свой дом. Сеньоры Италии или оплакивают свои потери, или дрожат от страха. Стенает Рим, покинутый кесарем, но в чудесной глубине событий таится еще неведомая великая радость для Италии и всего мира. Но пока еще рано радоваться, так как

повсеместно власть захватили все, кому не лень. Как некогда Клавдий Марцелл, сторонник Помпея, враг Цезаря, пролез в консулы, так ныне всюду угнетают народ узурпаторы.

С горькой иронией поэт замечает, что все это не касается Флоренции, ибо там мудрость свойственна всем гражданам. Флорентийцы согласны недолго раздумывая взяться за любую политическую реформу. Они считают, что Спарта и Афины, где когда-то вспыхнула заря гражданских прав, пред ними — лишь несмышленые младенцы. Однако Флоренция напрасно мастерит тончайшие и недолговечные уставы, все в ней изменчиво: законы, деньги, нравы. Ей следовало бы опомниться и понять, что она подобна больной, которая мечется среди перин, не в силах обрести покоя. Гвидо дель Дука из равеннского рода Онести «пророчествует» о страшной резне, которую учинил в 1303 году подеста Флоренции равеннец Фульчери да Кальболи. Фульчери подверг жестоким пыткам пленных белых гвельфов и зверски казнил гибеллинов. Поэт рисует картину резкого упадка нравов в Тоскане, не щадя и своих бывших союзников.

В пятом круге скупцов и расточителей, где искупают свою вину те, кто при жизни находился во власти волчицы, Данте слышит молитвы некоего благочестивого человека. Это Гуго Капет, предок всех Филиппов, Людовиков и Карлов, царствовавших в течение многих веков во Франции, Неаполе и даже в Венгрии. Гуго Капет будто бы был сыном мясника, так утверждали и старофранцузское предание и поздний французский эпос, флорентиец Джованни Виллани и, наконец, в XV веке в одной из своих баллад — Франсуа Вийон. Сам Гуго, хоть и скуповатый, как все выходцы из купеческих родов, покаялся и преисполнен уверенности в том, что его грехи простятся. Но его потомство осквернило себя стяжательством.

Я корнем был от вредного ствола,
Тень от него на всю страну легла,
И в ней созреть плодам хорошим трудно.
Когда б в Дуз и Брюгге, в Генте, в Лиле —
Прибег народ к вооруженной силе,
Жестокую я получил бы мзду,
Но Божьему вверяюсь я суду.

Филиппов и Людовиков родитель,
Когда-то я звался Гуго Капет.
Мой род теперь — над Францией властитель;
Сын мясника, в Париже Божий свет
Увидел я. Из королевской расы
Единственный потомок тканью рясы
Монашеской скрывал высокий сан.
Правителем я был тогда избран
И приобрел такую власть в народе,
Что мой венец остался в нашем роде;
От моего наследника пошли
Помазанники Божьи, короли.
Пока Прованс блистательным приданым
Пятно происхождения не стер —
Не выдавался род наш. С тех же пор
Он предался захватам и обманам…

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Короли Франции не удовольствовались землями Прованса и Нормандии; Карл Анжуйский воцарился в Неаполе. Он обезглавил последнего потомка Гогенштауфенов Коррадино, а Фому Аквинского приказал отравить только за то, что этот ученейший муж принадлежал к роду графов Аквино, враждебных Анжуйской династии. Иронию Данте усиливает повтор слова-рифмы «во искупленье», подчеркивающей ханжество и цинизм Карла.

Затем Данте переходит к «новому Карлу», брату Филиппа Красивого, который своим предательским копьем «брюхо у Флоренции распорет». И наконец, устами Капета Данте сводит счеты с королем Франции Филиппом IV, совершившим ряд гнусных преступлений, ограбившим тамплиеров и предавшим их лютой казни («он в храм вторгает хищные ветрила»).

Смешно упрекать великого флорентийца в том, что он иначе, чем мы, оценивал историческое значение деятельности первых королей из династии Капетингов, преодолевавших насилием феодальную и экономическую раздробленность Франции и собиравших крупное национальное государство. Данте, как и его видавших виды современников, прежде всего ошеломляли методы,

поистине чудовищные, с помощью которых Филипп IV и его родичи осуществляли свои цели.

На исходе из круга скупцов и расточителей Данте и Вергилия догоняет тень. Это Публий Папиний Стаций, римский поэт I века н. э., автор «Фиваиды», которую Данте необычайно ценил, и незаконченной поэмы «Ахиллеиды». Его «Сильвы», — может быть, лучшее, что он написал, — остались Данте неизвестны. Стаций был очень знаменит в Средние века; Возрождение читало лишь «Сильвы». В сущности, Стаций был подражателем Вергилия. От дня своей смерти до условного 1300 года Стаций провел в Чистилище около двенадцати веков, из которых более пяти — в круге скупцов, четыре столетия он толкался среди незрячих завистников, остальное время, вероятно, пребывал в Антипургатории. Когда пришло время его очищения, гора Чистилища содрогнулась, как при землетрясении, — знак прощения всех грехов…

Три поэта вместе продолжают свой путь к вершине горы. В Чистилище Данте всюду встречает поэтов, художников, музыкантов, оплакивающих свое земное несовершенство. В дни молодости Данте обменивался грубыми и не совсем пристойными сонетами со своим другом и свойственником Форезе Донати, братом Корсо. Он находит тень ругателя и чревоугодника Форезе в шестом круге и приветствует его словами, в которых нет и следов былого раздражения…

Над шестым кругом, где каются чревоугодники, возвышается последний, седьмой круг, ближе всего расположенный к Земному Раю. Там очищаются те, кто предан был сладострастью. Среди этих душ Данте находит немало поэтов, служивших земному Амору. В огненных пределах Данте видит Гвидо Гвиницелли, отца «сладостного нового стиля». Полный восторга и волненья, Данте обращается к болонскому поэту и говорит, что слава стихов «старшего Гвидо» не пройдет вовеки. Тогда в волнах пламени Гвидо Гвиницелли указывает на другого очищающегося, который, по его мнению, более заслуживает похвалы, чем он. Данте обращается с вопросом к этому духу. Тот отвечает изысканно и вежливо на провансальском языке: «Ieu sui Arnaut, que plor e vau cantan…»

Это знаменитый трубадур Арнальдо Даниэль, которого Данте ставил выше всех певцов Прованса в

своем трактате «О народном красноречии». Изобретая все новые и новые формы канцон, Данте учился у провансальского трубадура. Сложную форму сикстин, разработанную Арнальдо, Данте воспринял и развил в цикле стихов о Каменной Даме.

— «О, милый брат! — сказал он и притом
Мне указал на шедшего перстом. —
Славнейшего поэта в южных странах
Здесь видишь ты! И в песнях, и в романах
Всех выше он, хотя и говорят,
Что будто бы Жиро, его собрат,
Родившийся во Франции, в Лиможе, —
Славней его. Всегда для большинства
Не истина, а шум всего дороже.
Гвиттоне также славился сперва,
Но истина открылась понемногу.
Когда взойдешь в Его обитель, к Богу,
Там «Отче наш» ты за меня прочти
И лишь конец молитвы пропусти:
Здесь незнакомы духи с искушеньем».
Он замолчал, указывая мне
На шедшего за ним руки движеньем,
И вдруг исчез в пылающем огне,
Как будто вьюн в прозрачной глубине.
К пришедшему я подошел с приветом,
Прося его назвать себя при этом
И говоря, что был бы очень рад
Служить во всем и быть ему полезным.
Он отвечал: — «Твое желанье, брат,
Является душе моей любезным.
Я — тот Арно, который слезы льет
И с песнею веселой в путь идет;
Безумие минувшего, тоскуя,
Оплакал я и в будущем, ликуя,
Предвижу я блаженство без конца.
Ведомый в путь могуществом Творца,
Когда взойдешь к сияющей вершине, —
Не позабудь и о моей кручине!»
И он исчез в спасительном для всех
Огне святом, что очищает грех.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

После седьмого круга чистилища перед Данте появляется ангел, который сообщает, что для того, чтобы попасть на вершину горы, надо очиститься огнем. Данте вспоминает мучения тех, кого он видел в аду и чистилище, и его охватывает страх, но Вергилий побуждает его идти вперед и говорит, что за огненной стеной его ждет Беатриче.

И так же, как Пирам полуживой,
Услышав имя Тисбы при кончине,
Раскрыл глаза под тутовой листвой,
Чей плод с тех пор оттенок принял красный, —
Откинул я моих сомнений гнет
При имени волшебном, что цветет
В душе моей. С улыбкой, поневоле
Прорвавшейся, поэт сказал тогда:
— «Мы не хотим здесь оставаться боле».
(Так детское упрямство иногда
Смягчает вид душистого плода.)
Учитель мой, вступая первым в пламя,
Бестрепетно меня с собою вел,
Последним же, и третьим, Стаций шел,
Давно уже стоявший между нами.
И пламя так невыносимо жгло,
Что окунуться в жидкое стекло
Хотелось мне; недоставало мочи
Сносить жару. Чтоб поддержать меня,
Мне говорил поэт среди огня:
— «Божественной Жены я вижу очи!»
На дивный глас, что слышался вдали,
Пройдя сквозь море пламени нетленны,
К подножию горы мы подошли.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

За стеной огня ступени вели в сады Земного Рая, охраняемые ангелом целомудрия. Переночевав на ступенях последней лестницы, ведущей к совершенству, Данте и латинские поэты вошли в Земной Рай. Уста Вергилия сомкнулись, ибо в этих пределах просвещенный разум должен безмолвствовать. На

ступенях перед восходом Данте видит во сне прекрасную молодую женщину, которая на холмах Венеры собирает цветы. Слышится ее песня. Это Лия. Ее сестра Рахиль сидит неподвижно и смотрится в зеркало, любуясь красотой своих очей. Лия любит работу своих прекрасных рук, Рахиль погружена в самолюбование. Так представлена в живых образах и в то же время аллегорически жизнь деятельная и жизнь созерцательная. Лия предвозвещает Матильду Земного Рая, Рахиль — Беатриче, с которой она находится рядом в Небесной Розе. Этим сном во сне постепенно раскрывается перед Данте новая красота Беатриче.

В «Чистилище», как и в «Аде», Данте часто прибегает к приему сновидений, которые являются как бы сном во сне. Припомним еще несколько снов Данте. В преддверии Чистилища Данте снится, что его возносит «в заоблачный совет» орел. Это орел Юпитера, символ Римской империи.

Иногда Данте не помнит, что происходило с ним во сне, и ему рассказывает об этом Вергилий. Так, Данте не мог понять, каким образом после долины Антипургатория он очутился на лестнице перед вратами Чистилища. От Вергилия он узнает, что сонного его перенесла на руках Лучия. Сон-видение посещает Данте и перед восхождением к последним двум кругам, но представшее ему на этот раз отвратительно и мерзостно. В сон Данте вступила женщина «гуглива, с культями вместо рук, лицом желта», хромая и кривая. Под взглядом Данте она выпрямляется, живая теплота проходит по ее восстановившимся и оживающим членам, лицо ее становится прекрасно, облекаясь «в такие краски, как любовь велела».

Рядом с неотразимо ужасной женщиной нежданно появляется святая жена. Она гневно рвет платье у поющей, обнажая ее мерзости. От «несносного смрада», который исходит от плоти, Данте просыпается. Вергилий объясняет погрузившемуся в раздумья Данте смысл видения:

«…Ты видел ведьму древних дней,
Ту самую, о ком скорбят над нами;
Ты видел, как разделываться с ней.
С тебя довольно…»

И Данте навсегда освобождается от наваждения… Земной Рай является как бы средоточием жизни активной. Водительницей Данте станет там Матильда…

Поток преграждает Данте путь, и тогда появляется Матильда, собирающая цветы. Ее шаг переходит в пляску, она почти летит над поверхностью земли и кажется Данте юной Прозерпиной до того, как ее похитил Плутос, бог преисподней. Взгляд ее исполнен блеска, напоминая сияние очей Венеры, уязвленной стрелою Амура. Это поэтическое видение можно назвать идиллией Земного Рая. Так оно было понято поэтами Аркадии — итальянского классицизма начала XVIII века, и от них восприятие это передалось в конце века русским писателям из окружения Карамзина, которые впервые заинтересовались Данте. Сцена с Матильдой — первый русский перевод из «Божественной Комедии» (1799). Над водами Леты слышится смех Матильды. Ее образ напоминает нам не только юную Прозерпину, но также Симонетту Полициана и Венеру Боттичелли. Радость игры и смех Матильды рождают воспоминания о блаженных временах, когда на земле еще не было плача и стенаний. Явление Матильды обещает восстановление на земле совершенного и праведного человечества, не знающего алчности и стяжания. Матильда говорит, что поэты древности, которые воспевали золотой век, наверно, витали здесь в своих снах. При этих словах на лицах Данте, Вергилия и Стация расцветает улыбка, Вергилий продолжает хранить молчание. Последние его слова перед вступлением в Земной Рай были о том, что Данте свободен, дух его исцелен, он стал сам себе судьею; отныне он увенчан короной и митрой, посвящен во все тайны мироздания, проник в тайны жизни действенной, символ которой императорская корона, и жизни созерцательной (символ ее — митра), и поэтому сам стал судьей, царем и первосвященником…

Последние пять песен «Чистилища» посвящены аллегорическому видению, представляющему трудности для читателя, не обладающего специальными сведениями. Еще раз повторим, что аллегории Данте обладают необычайной художественной выразительностью, создающей первый поэтический план, непосредственно воздействующий на воображение. Перед нами появляется процессия старцев и пляшущих нимф, колесница, влекомая таинственным Грифоном.

Данте видит, как лесная глубина озаряется внезапными молниями. Свет все возрастает; воздух под листвою деревьев становится пламенным, сладостный далекий звук переходит в стройный напев. Тогда слышится взволнованный голос поэта, призывающий сонм священных дев — античных муз, которые должны ему помочь выразить все, что он видит и слышит. За то, что он изведал голод, стужу, бессонницу, пусть звездная Урания вдохновит его.

Сперва мы видим — вместе с Данте — краски. Старцы в процессии одеты в белые одежды, над ними струятся световые волны, как бы проведенные кистью художника. Появляется золотая колесница, которую влачит Грифон, переливаясь золотом, белизною лилий и пурпуром роз. Поэт сравнивает колесницу Эдема с триумфальными колесницами Древнего Рима и с золотой повозкою Солнца.

У правого из тех колес священных
Три женщины плясали, и одна
Была, как пламя жгучее, красна,
Другая же в одеждах драгоценных;
Как изумруд, казалась зелена;
Последняя блистала белизною
Чистейшею лишь выпавших снегов.
То белая вела их за собою,
То красная, и легкий ритм шагов
То ускорялся ими в лад напева,
То затихал. У колеса налево
Я четырех увидел; их гурьбу,
Блиставшую одеждами окраски
Пурпуровой, вела с собою в пляске
Четвертая, имевшая во лбу
Не два, а три сияющие ока.
За ними шли, задумавшись глубоко,
Два мудреца уже на склоне лет.
Из них различно каждый был одет,
Один из них казался Гиппократа
Учеником, целителя того,
Кого природа, жалостью объята,
Послала тем, кто ей милей всего.
Другой иным казался: обнаженный
Держал он меч могучею рукой,
И я, хотя был отделен рекой,

Затрепетал, испугом пораженный.
За ними шли, склоняя взор к земле,
И четверо других, полны смиреньем,
Еще один, объятый сновиденьем,
Но с думою высокой на челе.
Явилися в одеждах белоснежных
Все семеро, но вместо лилий нежных
Их украшал из алых роз венок:
Издалека подумать каждый мог,
Что их чело венчает огонек.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Аллегорическое действо на вершине Чистилища нетрудно истолковать: колесница, влекомая Грифоном, имеющим два естества — земное и небесное, — христианская церковь; алая, изумрудная и белоснежная нимфы — вера, надежда, любовь; старцы олицетворяют духовные сочинения. Из этих символов и аллегорий второстепенный поэт создал бы лишь «поучительное», а по существу, хладное и блеклое повествование, которое не могло бы воспламенить фантазию.

Данте увидел на колеснице: в венке из олив под белым покрывалом, в зеленом плаще, в пылающем красном одеянье женщину. В таком пылающем, кроваво-алом платье она впервые предстала поэту во Флоренции, когда ему было девять лет.

И я, хотя в теченье многих лет
Не трепетал от страха и волненья
В присутствии ее, но в этот миг
Я, прежде чем мне подсказало зренье,
При помощи чудесного внушенья,
Любви былой могущество постиг.
Как только мне предстала эта сила,
Которая еще на утре дней
Болезненно мне душу поразила,
Я, как дитя, что к матери своей
Бежит искать защиты и опоры,
К Вергилию спешил направить взоры,
Сказать ему: — Во мне пылает кровь,
Я узнаю огонь минувшей страсти,

И снова весь я у нее во власти! —
Но он, отца нежнейшего любовь
Являвший мне, хранитель мой Вергилий,
Он, что пришел спасти меня и спас,
Вергилий мой уже оставил нас!

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Он услышал голос, утешающий его: «Данте, не плачь, посмотри на меня, это я, это я, поистине я Беатриче». Но Данте не смеет поднять глаз, ощущая страшное раскаяние, и слышит снова тот же голос, говорящий ему, что он мог некогда приобрести невиданное богатство, но не сумел сохранить то, что ему было даровано. Он находил на земле в дни юности помощь во взоре своей госпожи. Когда же она покинула землю, Данте вступил на неверные пути…

Напрасно она взывала к нему и наяву и во сне. Оставалось лишь одно средство для его спасения — показать ему бездны Ада, страшное зрелище погибших навсегда. И по ее просьбе Данте получил доступ туда, где не ступала еще нога живого человека.

Матильда погружает Данте в реку забвения Лету. Слышится пение необычайных созданий, которые одновременно и нимфы в Земном Раю, и звезды в глубинах небес. Образ звездных нимф восходит к мифам Платона. Данте, омытый в водах Леты, казалось, готов для пути к звездам. Но он видит страшную и странную метаморфозу: Беатриче сходит с колесницы, грусть овладевает ею, днище колесницы жалит страшный дракон, появившийся из адских бездн. Он слышит с неба нисходящий голос: «Мой челн полон дурного бремени». Появляется наглая Блудница, которая рыщет глазами по земле, и с нею Гигант, и здесь, в священных садах Земного Рая, Гигант обнимает Блудницу, целует ее, а затем бьет. Видение скрывается в лесу. Эта аллегория имеет и политический и богословский смысл. Блудница — церковь под нечестивым папой Климентом V; Гигант, ее пленивший, целующий и избивающий, — французский король Филипп Красивый. Римская церковь, перенесенная в Авиньон, превратилась в блудницу Апокалипсиса. Тем самым нарушилась

гармония жизни деятельной на земле и порвалась ее связь с духовным началом. Поэт предсказывает, что вскоре появится «преемник орла» (император), который уничтожит Блудницу и Гиганта. Данте освобождается от этих видений, погрузившись во вторую реку Земного Рая, воды которой восстанавливают воспоминания о добре.

Но и там, в царстве гармонии, света и совершенства, мысли о земном, о судьбах его несчастной родины продолжают тревожить его душу. Он не освободился до конца от трагических воспоминаний даже в звездных высях.

Свое восхождение к звездам Данте относит к весне 1300 года, когда «солнце было в наилучшем положении» в период весеннего равноденствия; оно находилось в созвездии Зодиака — Овне, благотворно влияющем на земную жизнь. Восхождение началось так: Беатриче смотрела в упор на солнце взглядом, доступным, по земным представлениям, только орлу. Из ее созерцания источника материального света возникло движение кверху по вертикальной линии. Данте устремил было свой взгляд к пылающему светилу, но выдержал недолго, затем он почувствовал, что сиянье дня усилилось и возникло как бы второе солнце. Он стал смотреть в глаза Беатриче и вместе с ней подыматься в сферу Луны — со скоростью света. Движение это незаметно, неощутимо, приближается к состоянию покоя и неподвижности, так как скорость его предельна. Данте не знает, подымался ли он телесно, или во сне, или в каком-либо ином состоянии. Он говорит, что в начале полета пресуществился. Теряясь во взоре Беатриче, он был подобен рыбаку Главку, вкусившему, как повествуется в греческом мифе, магической травы и ставшему морским богом. Подымаясь, Данте теряет все чувства, кроме слуха и зрения. Световые волны становятся бесконечными. Так в космосе начался полет Данте и Беатриче, «почти столь быстрый, как небес вращенье».

«Рай»

Тот, Кем все движется, божественно нетленной
Своею славою сияет во вселенной;
Где — более она, где — меньше разлита.
Я в небо восходил, и горних высота
Была открыта мне; там созерцал я чудо,
Но передать о нем бессильны тех уста,
Кто, лицезрев его, спускается оттуда:
Затем, что разум наш, увидев пред собой
Своих желаний цель, такою глубиной
Бывает поглощен, что нет уже возврата
Воспоминаниям. Но все, что мне когда-то
Увидеть довелось в божественном краю, —
Сокровища небес — я в песне воспою.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Вдохновенный Кифаредом, Данте встает в тени лавровых чащ, посвященных богу поэзии, ожидая увенчания лавровым венком. Но сердца людей, говорит он, столь очерствели, что они редко рвут листья священного дерева, «чтоб почтить кесаря или поэта». Аполлон — бог солнца, источник света. На его вершину Кирру поэт должен ступить, чтобы начать свое восхождение. Дважды в «Аду» и дважды в «Чистилище» Данте призывал муз. В «Аду», перед встречей с графом Уголино, поэт взывал:

«Но помощь муз да будет мне дана
Как Амфиону, строившему Фивы,
Чтоб в слове сущность выразить сполна».

После нисхождения в Ад, когда в нем все омертвело, он просит, чтобы музы его воскресили, чтобы спутницей его стала Каллиопа, муза эпической поэзии и красноречия (в греческой мифологии она — мать Орфея, сошедшего в ад в поисках своей возлюбленной Эвридики). В самом центральном месте «Чистилища»,

перед появлением Беатриче, Данте обращается за помощью к Урании, музе астрономии, в предчувствии своего пути к звездам.

В течение долгого времени читатели и критики отдавали предпочтение первой кантике «Божественной Комедии». Большой заслугой известного итальянского литературоведа XIX века Франческо де Санктиса и философа начала нашего столетия Бенедетто Кроче было то, что они обратили особое внимание на художественную сторону «Рая». В своих лекциях о Данте де Санктис говорил, что в «Рае» исчезают формы, тают контуры в озерах света. Кроче отмечал гармонию звуков и красок в последней части «Божественной Комедии» и отдельные стихи, пленяющие воображение…

По мнению Кроче, «Рай» представляет собой «последний большой сборник лирики из периода зрелости Данте» и в нем более, чем в других частях «Божественной Комедии», встречается «небольших совершеннейших отрывков лирики». Кроче обратил внимание читателей на осиянные райские пейзажи, на лунное облако, лучезарное, густое, как бы затвердевшее, напоминающее адамант. Эти лирические партии «Рая» и пронизанные светом пейзажи остаются в памяти сами по себе независимо от содержания, аллегорий и архитектоники поэмы. Неаполитанский философ и литературовед показал лишь одну, правда, весьма важную, область поэтического мира Данте. Остается все же неоспоримым, что великий поэт не писал «Рай» только для того, чтобы соединить в одно целое разрозненные страницы из своего лирического дневника. Данте стремился отвоевать у схоластической философии право на объяснение вселенной. В этой борьбе за равноправие поэзии и философии Данте предстоит нам как мыслитель нового времени, как гений Возрождения.

Равно не правы и схоластики времен Фомы Аквинского, и философы идеалистической школы XVIII–XX веков — от Гегеля до Кроче, которые снисходительно поучали поэтов, как они должны думать. Кем были поэты для великого схоластика Фомы Аквинского? Лжецами или, в лучшем случае, милыми забавниками, не способными проникнуть в глубины философской мысли. Данте, опираясь на традиции античности, восстановил право поэта объяснять тайны мира. В этом революционное значение поэмы Данте, открывающее

новые пути для мировой поэзии. В конце XIII — начале XIV века происходил процесс лаицизации — обмирщения философии, права и искусства на Западе. Данте был одним из главных деятелей этого нового направления.

Обратимся к хорошо известной дантологам проблеме «лунных пятен» во второй песне «Рая». Вопросом о поверхности Луны Данте уже занимался в «Пире». Если подойти ко второй песне «Рая» с позиций историка философии и вслед за итальянским медиевистом Бруно Нарди попытаться проникнуть в мысли Данте, не довольствуясь формальными сопоставлениями, станет ясно, что дантовское толкование «лунных пятен» не может быть объяснено текстами Фомы Аквинского. Здесь, как и во многих других местах «Божественной Комедии», в которых говорится об устройстве космоса, отразились идеи неоплатонизма, а также учение арабской философии. В частности, основная мысль Данте во второй песне о том, что вселенная является одним телом, в котором проявляется Перводвигатель (подобно тому, как в частях тела проявляется душа), восходит к Ямвлиху и Авиценне.

Такое объяснение устройства вселенной было осуждено парижским епископом в 1277 году как сугубо еретическое и близкое к идеям Аверроэса. Беатриче, символизирующая небесную мудрость, в Дантовом «Раю» объясняет мироздание в духе, не соответствующем учению церкви. Из слов Беатриче следует, что единственная и универсальная сила восходит к девятому небу и действует на все ниже расположенные небеса, пока не спускается в подлунную, чтобы проникнуть в состав земли. Небесные тела не что иное, как органы мирового Разума — силы, движущей всю вселенную…

В начале первой песни «Рая» Данте говорит, что более всего пронизан светом эмпирей. Свет сияет в беспредельных пределах вселенной в различной степени. Однако, заверяет Беатриче в четвертой песне, неверно учение Платона в «Тимее» о том, что души возносятся обратно к звездам и что всякая душа возвращается к своей звезде, порвав связь с телом. Отвергнув благородство, связанное с происхождением, древностью рода и богатством, Данте утверждает иерархию света, благородство интеллектуальное и духовное.

Представление о пронизанном огнем бескрайнем просторе сочетается у Данте с другим поэтическим

представлением — космического океана. Данте и Беатриче приближаются к самой медленной из небесных сфер — сфере Луны. Данте видит тени спасенных обитателей Луны; в нем рождается способность проникновения в то, что ранее было ему недоступно.

Желая говорить, приподнял я чело,
Но тут явилось мне чудесное виденье.
Как сквозь прозрачное и чистое стекло
Иль воды светлые черты мы видим смутно,
Подобно жемчугу на белизне чела, —
Я лица увидал, как бы сквозь грань стекла,
Готовые уста раскрыть ежеминутно
С тем, чтоб заговорить. Их видя, в первый миг
Я поддался тогда иному заблужденью,
Чем тот, кто, увидав в воде ручья свой лик,
Любовью воспылал безумной к отраженью.
Я думал: предо мной — лишь отражений ряд,
И тут же обратил глаза мои назад,
Желая видеть тех, кому принадлежали
Те отражения, но изумленный взгляд
Не встретил никого. У спутницы дрожали
Улыбкой легкою небесные уста,
А взор божественный горел огнем священным,
И молвила она: — «Пускай улыбка та
Тебя не удивит. В твоем несовершенном
Сужденье на пути споткнулся ты не раз,
И здесь тебя в обман невольно вводит глаз:
Не отражение — толпа святая эта.
За нарушение священного обета
Здесь волей Господа они заключены
И свыше истиной святой просвещены;
От них ты должен ждать правдивого ответа».

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Встретившиеся Данте души — это те, кто не по своей воле, но без достаточного сопротивления нарушили данные обеты. Так, например, он увидел родственницу своей жены Пикарду Донати, которую ее брат Корсо Донати похитил из монастыря и насильно выдал замуж. После беседы с Пикардой Данте задумывается о том, можно ли возместить нарушение обета благими делами. Но

прийти к какому-либо решению ему не удается, потому что при взгляде на Беатриче он вновь забывает обо всем кроме любви.

Возможно ль, своему обету изменя,
Проступок искупить направленными к благу
Делами добрыми? Полны такой любви
Тут очи подняла сиявшие свои
Избранница небес, что взор мой ослепленный
Я опустил пред ней и замер, побежденный.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

На втором небе Меркурия Данте видит деятельных духов, и среди них — императора Юстиниана. Поэт снова возвращается к темам земли. Земная деятельность продолжает существовать в памяти блаженных духов. Земные явления возникают среди небесных. Данте напрасно пил воду реки забвения. Вознесение, созерцание, углубление в премудрость мироздания перебиваются воспоминаниями о земле и земном. В небе Венеры, где наслаждаются блаженным покоем любвеобильные, Данте встречает Карла Мартелла. С этим Анжуйским принцем, рано умершим, Данте связывала недолгая, но искренняя дружба. После нескольких прекрасных терцин, посвященных их пылкой и краткой дружбе, в которых Карл изъясняется в любви к Данте и сожалеет, что, кроме ответной любви, не успел ничем одарить поэта и уберечь его от грядущих несчастий, следует инвектива против Неаполя и Сицилии, где могло бы быть все иначе, если бы там воцарился Карл Мартелл.

Шестая песнь «Рая» посвящена истории Римской империи после Константина Великого. Данте осуждает и гвельфов, предпочитающих желтые лилии французских королей священному римскому знаку, и нарушающих законы справедливости гибеллинов, которым лучше было бы воспользоваться другой эмблемой, а не изображать на своих стягах императорского орла. В конце своей речи о судьбах империи Юстиниан рассказывает легенду о Ромео ди Вилланова, чья душа находится на небе Меркурия. Возвращаясь из паломничества к св. Иакову Кампастельскому, Ромео ди

Вилланова очутился в Провансе, где поступил на службу к графу Прованса Раймонду Беренгарию IV. Верный домоправитель приумножил достатки своего сеньора и выдал четырех его дочерей за четырех государей. Когда его оклеветали придворные графа, он ушел, не взяв ничего с собой, как бедный пилигрим, и под старость лет просил милостыню. Такова была судьба справедливого и мудрого советника при дворе неблагодарного земного владыки. В «Пире» Данте писал, что без советов мудрецов нельзя справедливо управлять государством. Но мало кто из князей и королей внял наставлениям поэта. В печальной повести о Ромео ди Вилланова, между строк, можно прочесть какой-то нам неведомый отрывок из биографии самого Данте.

Праведность в раю Данте определяет самовольно, часто вопреки установившимся в церкви взглядам. Так, например, поэт вложил в уста Фомы Аквинского похвалу осужденному и преследуемому парижскими теологами аверроисту Сигерию из Брабанта, который был убит около 1283 года в Орвиетто, где пребывала в то время папская курия. Фома, указывая на один из пламенников на небе Сатурна, говорит:

> То вечный свет Сигера, что читал
> В Соломенном проулке в оны лета
> И неугодным правдам поучал.

Об этих «неугодных правдах» Данте мог слышать от учеников и последователей Сигерия в те годы, когда он посещал лекции и участвовал в ученых диспутах в парижском Соломенном проулке, расположенном в Латинском квартале, где находились философские и богословские школы Сорбонны. На небе Солнца Данте воздает хвалы также автору любимых им библейских книг древнееврейскому мудрецу Соломону…

В заоблачных высях, на небе Солнца, автор «Комедии» снова возвращается к своим любимым темам нестяжательства. Церковь утратила идеи первоначального христианства, более тысячи ста лет после смерти Христа — до появления Франциска Ассизского Бедность была вдовой, ибо церковь попала во власть стяжателей. Инвективы Данте против развращенных пап, прелатов и монахов, против отпущения грехов за деньги имели необычайный успех в

XVI веке у протестантов. Тем не менее было бы ошибочно рассматривать Данте как последовательного реформатора католической церкви. Данте не мог бы согласиться с учением протестантов о предопределении, пессимистическим по существу, которое лишало человека свободы воли и ответственности за свои поступки. Для кальвиниста, верующего в предопределение, независимое от дел человека, система наказаний и наград в «Божественной Комедии» не могла быть приемлемой.

Между небом Солнца и небом Марса, которое в системе Данте отдалено от земли на большее расстояние, чем дневное светило, поэт наблюдает снова за переменным сиянием лица Беатриче и судит по нему о том, что предстоит ему увидеть.

> Быть может, я за то подвергнусь укоризне,
> Когда сознаюсь я, что Беатриче взор,
> В котором черпал я желаний утоленье,
> Не мог доставить мне такого наслажденья.
> Но так как — тем сильней сиянье красоты,
> Чем большей в небе мы достигли высоты —
> К Жене святой не мог я взором обратиться,
> И сам виню себя, затем чтоб извиниться.
> Светла и велика святая радость та,
> Которую дает мне взор ее. По мере
> Полета нашего от сферы к высшей сфере —
> Она становится все более чиста.
>
> *«Божественная Комедия».*
>
> *Перевод Ольги Чюминой.*

На небе Марса находятся воители за правду, крестоносцы и праведные паладины. Песни пятнадцатую, шестнадцатую и семнадцатую обычно называют «трилогией Каччагвиды».

Среди воинов, павших за правое дело, появляется торжественная фигура прапрадеда Данте — Каччагвиды. Несмотря на заверения автора «Рая», что «скудно благородство нашей крови», что важны лишь духовные дары, а не знатность, Данте признается, что даже на небе он был горд своим предком и своим происхождением. Каччагвида отвечает подробно на вопросы своего

правнука о генеалогии их рода, а также о знатных семьях Флоренции, существующих и вымерших. Мы узнаем много подробностей, драгоценных для истории Флоренции, хотя, быть может, и не вполне уместных в столь высоких небесных сферах. Родословные перемежаются с идиллией, идиллия переходит в сатиру. Данте устами Каччагвиды говорит о тех временах, когда Флоренция была заключена в первый узкий круг стен, когда мужья еще не покидали надолго постели своих жен для торговых путешествий во Францию, когда женщины пряли пряжу и рассказывали чадам и домочадцам о славе Трои, Фьезоле и Рима. В домах флорентийских граждан не было роскоши, превратившей их позже в «чертоги Сарданапала»; Флоренция жила спокойно, скромно и смиренно. Ее женщины не рядились так, что их наряды обращали на себя внимание, не румянились и не белились. Отцы не давали за своими дочерьми непосильного для семьи приданого.

В семнадцатой песне Каччагвида предсказывает Данте изгнание. Как в древности ни в чем не повинный Ипполит должен был оставить Афины из-за ложных обвинений своей мачехи Федры, так Данте покинет Флоренцию, простившись со всем, что дорого его сердцу. Каччагвида обещает Данте покровительство Веронских сеньоров делла Скала и хвалит щедрость и величие Кан Гранде. Выслушав это страшное предсказание, Данте обращается к своему прапрадеду и говорит: «Я вижу, мой отец, как на меня несется время, чтоб я в прах свалился». Он должен вооружиться уже сейчас против ударов судьбы и внутренне решить, следует ли ему утаить часть истины или рассказать обо всем, что он видел во время своих странствий, хотя бы это пришлось не по душе сильным мира сего. Если он откроет правду, то, потеряв Флоренцию, не сможет найти себе пристанища и в других местах. В то же время он понимает, что если не скажет всего, если умолчит, то слава его померкнет в грядущих веках. Каччагвида, праведный рыцарь без страха и упрека, ответствует, что Данте должен все объявить сполна: «И пусть скребется, если кто лишавый!» Слова Данте должны прозвучать, чтобы помочь исправиться людям.

Пусть отягченная чужим позором совесть
Иль им покрытая по собственной вине —

Найдет правдивую своих деяний повесть
Чрезмерно горькою. Будь искренен вполне,
И пусть почешутся подверженные зуду».
Вначале речь твоя понравится навряд;
Когда ж со временем ее переварят —
Здоровой пищею ее признают всюду.
Пускай же голос твой как ветер прошумит,
Который иногда среди лесной дубравы
Вершины самые высокие крутит.
И, наступая так, ты будешь знаменит.
Вот почему лишь те, кто мог достигнуть славы
Являлися тебе: среди небесных сфер,
В пучине, на горе. Для смертных не блестящий,
Неведомо для всех откуда исходящий —
Неубедительным является пример.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

В пределах «дневной планеты» — на Юпитере — Данте видит, как праведные души, меняя свое положение, составляют пылающие надписи. Он читает: «Любите справедливость судящие землю» — истина, возвещенная правителям еще Соломоном. Новая диспозиция праведников — они сначала образуют голову орла, а затем и весь силуэт священной птицы — символа Юпитера и Римской империи. Золотая пылающая птица сияет среди мириад звезд на серебристом фоне планеты…

Данте заставляет самого апостола Петра произнести на восьмом небе звезд страстную тираду против порочных пап. Пылая святым негодованием, Петр говорит, что не следует удивляться, что облик его принимает алый цвет Марса, — это оттого, что на его месте воцарился недостойный (папа Бонифаций VIII). Падению церкви радуется в преисподней Люцифер. Звучат обличающие слова апостола:

О, не дивись тому, что цвет мой изменился,
Он изменяется и у других светил.
Пришлец, что на моем престоле воцарился,
Бесправно мой престол, престол мой захватил,
Оставшийся в глазах Творца незамещенным,
И сделал скопищем нечистым и зловонным
Мое кладбище он, чему безмерно рад
Мятежник, сверженный отсюда прямо в Ад!

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Следует особо отметить трижды повторяющееся эмоциональное «на мой престол». Не для того создана божья невеста — церковь, чтобы стяжать золото, не для того погибли праведники, чтобы их преемник пристрастно разделял крещеных на своих противников и приверженцев. Ключи св. Петра стали гербом на боевом знамени папы, который водит дружины против христиан и скрепляет образом Петра на печати лживые и продажные грамоты. Петр повелевает поэту:

В телесном образе на землю возвратясь,
Все то, что я не скрыл, — поведай не таясь.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Инвектива апостола Петра против дурных пап заканчивается предсказанием о жалкой участи, ожидающей Климента V и Иоанна XXII — они низвергнутся в адскую бездну вслед за Бонифацием VIII.

В восьмом звездном небе Данте подвергается экзамену апостолов Петра, Якова и Иоанна, вопрошающих его о сущности трех богословских добродетелей: веры, надежды и любви. Данте сравнивает себя с бакалавром на экзамене у строгих и справедливых магистров. Это сравнение возникло из воспоминаний о диспутах в Болонском и Парижском университетах.

И в небе звезд не оставляет изгнанника тоска по Флоренции. Он мечтает о столь желанной его сердцу славе на родной земле. Данте надеется — настанет время, когда его, автора поэмы, созданной в тяжких трудах, признают на родине. Он вернется домой, и сограждане увенчают его лаврами в баптистерии Сан Джованни, где он был крещен ребенком.

В двадцать шестой песне Данте рассказывает о своей встрече с предком человечества — Адамом, и узнает от него, что в Земном Раю Адам пробыл недолго — всего

несколько часов. Он был изгнан оттуда за то, что нарушил волю божества, стремясь узнать больше того, что было ему дозволено. Таким образом, грехопадение человечества было вызвано любопытством, гордыней и непослушанием. Это также грехи Люцифера, послужившие причиной его падения, нарушившего изначальную гармонию космоса. За эти грехи, а не только за предательский совет попал в ад Улисс; они были свойственны и самому Данте. Данте исповедуется в грехе гордыни и не может обуздать бесконечной своей любознательности.

Окрепший взгляд Данте встречает взор Беатриче и в несколько мгновений возносится в Эмпирей. Райской Розе девятого неба посвящены последние три песни «Божественной Комедии». Поэт вступил из мира времени в мир вечности, он уже не в состоянии описать улыбку и красоту Беатриче:

…Любви святая сила
На Беатриче вновь направила мой взор,
И если б все хвалы, какими до сих пор
Я осыпал ее, теперь возможно было
Соединить в одну — подобная хвала
Была бы чересчур на этот раз мала.
Сиянье красоты ее превосходило
Воображение бессильное мое,
И лишь Создатель мог Один понять ее.
Сильней, чем кто-либо среди певцов доселе,
Поэтов нынешних или былых времен —
Отныне я своим сюжетом побежден,
Как не выносит тот, чьи очи ослабели,
Свет солнечных лучей, так не могу и я
Улыбку передать небесную ее.
Я в честь ее слагал немолчно песнопенья,
Со дня того, когда увидел дивный лик
Впервые на земле, до этого мгновенья,
И грани творчества отныне я достиг.
Красу, представшую в сиянье несравненном,
Другому — более великому — певцу
Прославить надлежит напевом вдохновенным,
Я мой великий труд здесь привожу к концу.

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Сначала Эмпирей предстоит перед его взором, как огненная река, вспыхивающая бесчисленными искрами, по берегам которой растут огненные цветы, подобные рубинам. Но, привыкнув к сиянию, он видит небесных духов, двигателей космоса, носителей первоначальных идей. Цветы претворяются в праведников. Созерцая огненный круг с престолов Небесной Розы, души блаженных разделены: половину лепестков Розы занимают иудеи, которые верили в мессию. Свободных мест мало во второй половине, отведенной для христиан; там Данте видит пустующий трон, ожидающий Генриха VII.

Данте должен расстаться со своей прекрасной водительницей. Последние слова, которые произносит Беатриче в Небесной Розе — снова не о небесном, а о земном. Они превращаются в последнюю инвективу, предрекающую падение нечестивых пап в ту темную область, где находится Симон Маг.

И вот Беатриче исчезает, подобно тому как исчез в Земном Раю при ее появлении Вергилий, но улыбка Беатриче доносится к Данте, как волна света. Она садится рядом с Рахилью и Евой у подножья престола богородицы. Данте не остается один, рядом с ним по просьбе Беатриче встает святой Бернард Клервосский, третий, и последний, вожатый поэта, духовный покровитель ордена тамплиеров. В Эмпирее пространство становится «искривленным», сферическим, все материальное — светом, исчезает понятие «верхних» и «нижних» сфер. В Небесной Розе лунные пределы являются не только «нижними», но и крайними; в центре вселенной — три огненных круга, неиссякаемая сила космоса, изначальный Амор — «любовь, движущая солнце и остальные светила». Весь мир в представлении Данте управляется этическим началом, гармонизирующим вселенную. Бездны космоса подчинены единому закону. Случайное превращается в необходимое, свобода воли сливается с предопределением. Золотая цепь неоплатоников соединяет земное и небесное.

Данте говорит, что он начал свое восхождение в тот миг, когда впервые предстала во Флоренции его взору та, которую «многие называли Беатриче, еще не зная,

кого они так называют». В двенадцатой главе «Новой Жизни» Данте является во сне Амор и произносит непонятные слова: «Я подобен центру круга, по отношению к которому равно отстоят все точки окружности, ты же нет». В последней песне «Рая» Данте, поэт и геометр, ставит себя в центр круга, в центр мироздания, чтобы уразуметь архитектонику вселенной, которая вместе с тем и архитектоника его поэмы.

В творении, созданном силою непревзойденной фантазии, отразилась также страшная историческая реальность XIII — начала XIV веков. Для грядущих времен Данте открыл новые бездны и новые выси человеческого духа, ищущего правды и справедливости.

Источники и литература

Данте Алигьери. «Божественная Комедия», перевод О. Н. Чюминой.

Данте Алигьери. «Новая жизнь», перевод И. Н. Голенищева-Кутузова.

Данте Алигьери. «Новая жизнь», фрагменты, перевод В. С. Соловьева.

Данте Алигьери. Стихотворения, сонеты, канцоны, перевод Е. М. Солоновича.

Данте Алигьери. «Пир», перевод А. Г. Габричевского.

Данте Алигьери. «Монархия», перевод И. Н. Голенищева-Кутузова.

Данте Алигьери. «О народном красноречии», перевод И. Н. Голенищева-Кутузова.

Голенищев-Кутузов И. Н. «Данте».

Жильсон Э. «Данте и философия», перевод Г. В. Вдовиной.

Доброхотов А. Л. «Данте Алигьери».

Ауэрбах Э. «Данте — поэт земного мира», перевод Г. В. Вдовиной.

Аветисян В. А. «Гете и Данте».

Абрамсон М. Л. «От Данте к Альберти».

Асоян А. А. «Данте и русская литература».

Дживелегов А. К. «Данте».

Елина Н. Г. «Данте».

Зайцев Б. К. «Данте и его поэма».

Генон Р. «Эзотеризм Данте», перевод Т. Б. Любомировой.